

ISSN 2409-8698

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Litera

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-03-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Юхнова Ирина Сергеевна, доктор филологических наук,
yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-03-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Yukhnova Irina Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk, yuhnova1@mail.ru

ISSN: 2409-8698

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич – доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимошук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул.Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и

социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира, заместитель директора Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного

транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна — ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Кьоцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры

"Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала «Язык и текст»

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России; 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich – Doctor of Philology, Head of the Literature Department, Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the

Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University.

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Tver State University.

Andrey F. Kofman — Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lecturer Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institution of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal "Personality. Culture. Society".

Andrey Aleksandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology of Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World, Deputy Director of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Sea and River Transport.

Inna Vorobey - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German Language, Surgut State University.

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna — Leading researcher of the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Culturology. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Kozlov Mikhail Nikolaevich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Gerold Ivanovich Vzdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Art History, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MCC, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", 31 Vasily Botaleva Str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Shagbanova Habiba Sadyrovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Law Enforcement Officers, Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 625049, Russia, Tyumen, ul. Amurskaya, 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

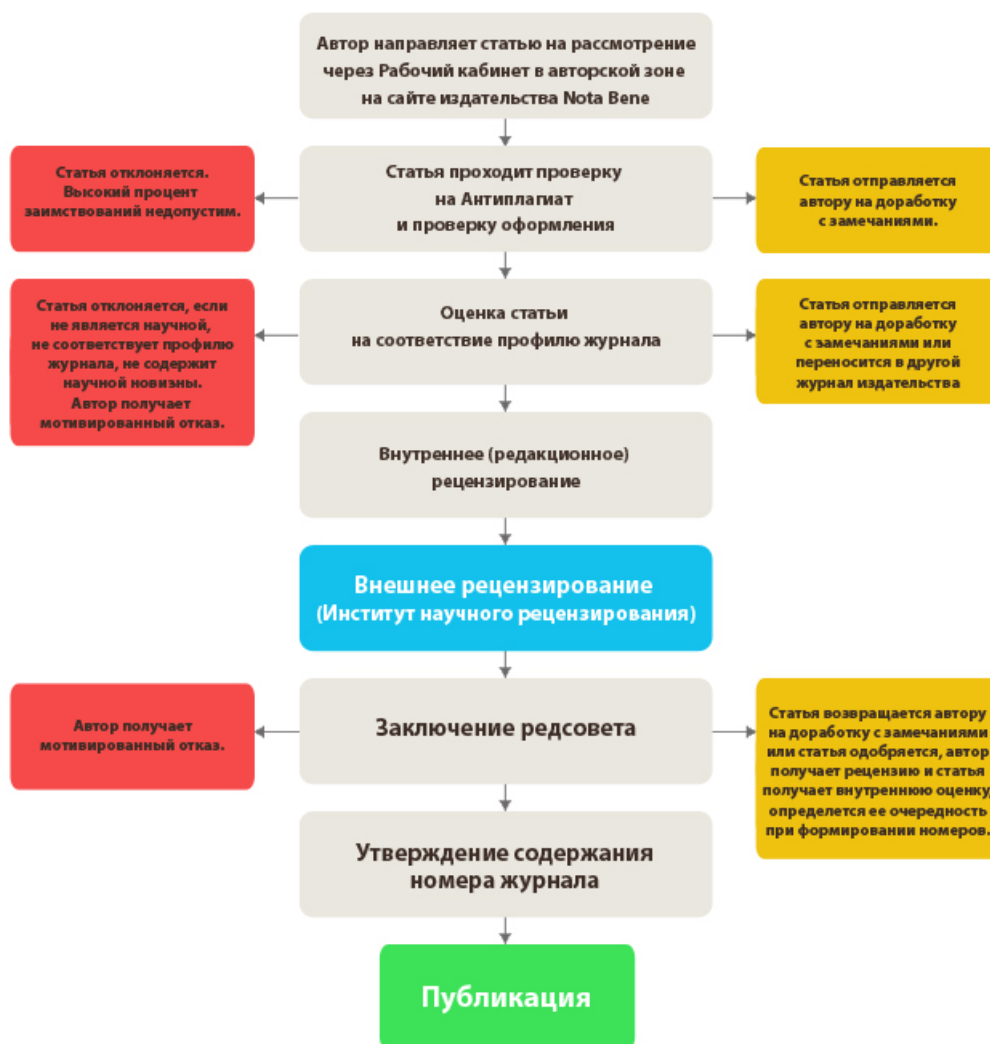
Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ван Ф., Галай К.Н. Сопоставление характеристик женских образов в русской и китайской деревенской прозе	1
Жиркова М.А. Хвостатый герой-трикстер в повести Саши Черного «Кошачья санатория»	10
Фрейдсон О.А., Вerezубова Е.Е. Корпусные методы в исследованиях и изучении/преподавании французского языка.	22
Чьонг Т. Особенности антропонимического комплекса во вьетнамском и русском языках	34
Чжэн Ц., Виктор М.Ш. Особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык	44
Селеменова М.В. Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой	54
Савельев Г.А. Категории вещи и слова в творчестве М. П. Шишкина (на материале романов «Взятие Измаила» и «Венерин волос»)	64
Тюняева О.Д. «Практик на американский лад»: образ Василия Федотыча Соломина в романе И. С. Тургенева «Новь»	75
Коржова И.Н. Кто открыл неизвестную землю? (Прием двойной мотивировки в творчестве Ф. К. Сологуба и В. В. Набокова)	83
Тумгоева Ф.З. К вопросу о грамматической основе односоставных предложений в русском и ингушском языках	94
Курилова А.Д. Изящество (<i>elegantia</i>) словесного выражения в освещении российских риторик XVIII века на латинском языке	108
Долженкова В.В., Яковлева В.В., Кудлай К.С. Особенности стилистических функций наречий на -mente в современной испанской художественной прозе	114
Ян Ю., Митрофанова И.И. Концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах	125
Литневская О.А. «Максимы» Ларошфуко в литературном и языковом контексте эпохи	138
Ли С. Мотив ветра в языке произведений М.Ю. Лермонтова	147
Ли Х. Концептуализация природы в китайских и русских фольклорных сказках	160
Юхнова И.С. Музыка в лирике А.Н. Апухтина	170
Англоязычные метаданные	179

Contents

Wang F., Galay K.N. Comparison of Characteristics of Female Images in Russian and Chinese Rural Prose	1
Zhirkova M.A. The tailed hero is a trickster in Sasha Cherny's story "The Cat Sanatorium"	10
Freidson O.A., Verezubova E.E. Corpus methods in research and study/teaching of the French language.	22
Truong T. Features of the Anthroponymic Complex of Vietnamese and Russian Languages	34
Zheng Q., Viktor M.S. The Features of Phrases in the Interlanguage of Chinese Students Studying Russian	44
Selemeneva M.V. The City as a Theme and Text in the Prose of Victoria Tokareva	54
Savelyev G.A. Categories of things and words in the works of M. P. Shishkin (based on the material of the novels "The Taking of Ishmael" and "Venus' Hair")	64
Tyunyaeva O.D. "American-Style Man of Real Action": the Image of Vasily Solomin in I. S. Turgenev's Novel "Virgin Soil".	75
Korzhova I.N. Who Discovered the Unknown Land? (The Double Motivation Device in the Works of F. K. Sologub and V. V. Nabokov)	83
Tumgoeva F.Z. On the Grammatical Basis of Single-Compound Sentences in the Russian and Ingush Languages	94
Kurilova A.D. Elegance (elegantia) of Elocution in the Coverage of Russian 18th Century Rhetorical Books in Latin	108
Dolzhenkova V., Yakovleva V.V., Kudlai K.S. Features of stylistic functions of Adverbs on -mente in modern Spanish fiction	114
Yan Y., Mitrofanova I.I. The Concept of Honor in Russian and Chinese Linguistic Cultures	125
Litnevskaya O. La Rochefoucauld's "Maxims" in the Literary and linguistic context of the Epoch	138
Li X. The Wind Motif in the Language of M.Y. Lermontov's Works	147
Li H. Conceptualization of Nature in Chinese and Russian Folklore Tales	160
Yukhnova I.S. Music in the Lyrics of A.N. Apukhtin	170
Metadata in english	179

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ван Ф., Галай К.Н. — Сопоставление характеристик женских образов в русской и китайской деревенской прозе // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39663 EDN: GUBIDR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39663

Сопоставление характеристик женских образов в русской и китайской деревенской прозе

Ван Фань

аспирант, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ FanWang_nefuer.@163.com

Галай Карина Назировна

доцент, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ Galay@mail.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39663

EDN:

GUBIDR

Дата направления статьи в редакцию:

25-01-2023

Дата публикации:

06-02-2023

Аннотация: В статье с позиций сравнительной литературной типологии, с учетом онтологии творчества, систематически сопоставляются произведения русской сельской прозаической школы и китайской пекинской школы, с точки зрения отражения в произведениях женского образа, анализируются сходства и различия между ними, а также причины их появления. Деревня – это земля, где росла и расцвела русская и китайская культуры, и в период великих социальных преобразований сельская литература, написанная в деревне, завоевала высокую репутацию как в России, так и в Китае. Предмет исследования – характеристики женских образов в русской и китайской

литературе. Цель работы – проанализировать и сравнить женские образы у авторов из России и Китая. Методы исследования – анализ литературных источников по теме исследования. Результаты исследования: Проведено исследование литературных произведений из России и Китая на тему деревенской жизни, сопоставлено изображение женского образа авторами двух стран. Вывод. Автор считает, что в работах показана попытка преобразования общества через стремление к традиционной культуре и морали, с целью достижения идеального состояния общества, полного любви и свободы. Сходство национально-культурных повествований, тем и художественных стилей делает произведения русской сельской прозаической школы сопоставимыми с произведениями китайской пекинской школы простонародной художественной литературы, но различия между историко-культурным фоном, религиозными верованиями и поэтической почвой России и Китая делают произведения этих двух писательских школ несколько разными.

Ключевые слова:

литература, образы, женщины, Россия, Китай, деревня, сравнение образов, сопоставление, результаты, изображение

На сегодняшний момент мы можем наблюдать активное развитие взаимодействия России и КНР в различных аспектах. Неудивительно, что в таком положении дел взаимодействие в области культуры и искусства, в частности литературы набирает обороты. Для обеих стран характерен деревенский быт, как часть культурного развития страны. В этой связи в рамках статьи поводится сопоставление женских образов в деревенской прозе двух стран. Стоит отметить, что в двадцатом столетии образ женщины в целом трансформировался. Менялись стрижки и одежды, трансформировались гендерные роли. В России трансформация женских ролей начинается в послереволюционный период. Рост промышленности 20 столетия привел к возрастанию роли женщины в вопросах труда и соответствующих прав. Возрастает положение женщин в области семейного быта. Это пожалуй первое пересечение в трансформации женского положения двух стран. Для КНР в его традиционном понимании базирующемся на конфуцианстве было распространено отсутствие прав для женского населения. В Китае оно проявлялось в покорности женщины мужчине в любом возрасте.

С позиции Фань Вэньлань, на права китайских женщин положительно повлияло восстание крестьянского населения 19 столетия, которое провозгласило равноправие полов, тем не менее данные идеи так и не получили развития. Для России точно таким же переломным моментом в правах женщин выступила революция, до этого образ женщины представлял собой исключительно домохозяйку, без прав, образования и грамотности. В Китае Синьхайская революция трансформировала реалии. И в том и в другом случае в центре находился новый женский образ с новым набором прав, что нашло свой отклик в литературном творчестве. Например Сунь Бин ^[1] в своих произведениях затрагивает тему революционных трансформаций женского образа. Он помещает женщин из сельской глубинки в гущу великих перемен старого общества и модернизации Китая, и через различные формы их жизни интерпретирует великую трансформацию от покорности к сопротивлению, от замешательства к прорыву на пути к самоосвобождению. Все перемены женского образа автор интерпретирует через повседневность сельской местности Шаньси, рассказывая жизненную траекторию четырех поколений женщин, описав историю борьбы за самопробуждение женщин в

Китае. Автор отражает трансформацию сельских женщин между традиционными ценностями и современным женским сознанием, вбирая в себя изменения в социальной жизни, идеологические и культурные изменения в сельском Китае. В сравнение таких же образов, быта и трансформаций в России можно привести труды Василия Шукшина, он так же очень живо и красочно интерпретирует женские образы российской глубинки. И Шукшин и Сунь Бин отражают ментальные оковы, наложенные на женщин патриархальным обществом в своей стране. Произведения русских сельских авторов и представителей китайской литературной школы сельских романистов известны как сельские романы. С точки зрения эстетики авторы обеих стран демонстрируют поэтическую тенденцию, для произведений характерно отражение быта родной деревни, обе художественные школы пронизаны грустью и печалью, с точки зрения языка, обе художественные школы чрезвычайно лиричны и поэтичны [\[2\]](#). Сам термин «сельская проза» относится не просто к сельской художественной литературе, которая сосредоточена на крестьянах и сельской жизни, но к общности произведений, которые придают особый духовный смысл крестьянам и земле. Его формальное формирование ознаменовалось произведением Солженицына «Матрёнин двор», опубликованным в конце 1950-х годов. Писатель начал фокусироваться на ранее запретных темах, изображая трагические последствия коллективизации, экологические проблемы и моральные неудачи, с которыми столкнулась деревня перед лицом растущей урбанизации Советского Союза, изображая простых рабочих людей, которые были мудрыми или придерживались традиционных ценностей и убеждений, а также пытались пропагандировать историю и культуру русского народа. В этот период такие писатели, как Абрамов, Белов, Алексеев, Шукшин, Распутин и Носов, написали ряд шедевров, которые утвердили и популяризировали название «сельская проза». Жанр утратил свое мощное влияние на общественное сознание примерно в период распада Советского Союза. С конца XX века возрождается «деревенская проза», для которой характерно созерцание изменений в русской деревне, земле и крестьянской жизни, исследование судьбы крестьянской культуры и поиск нравственных ценностей. Помимо большого количества новых произведений старых писателей «сельской прозы», таких как Распутин, Белов и Екимов, ряд молодых писателей, таких как Юрий Петкович, Роман Шейнчин и Алексей Захаров, являются достаточно новаторскими по своему выразительному содержанию и стилю.

Сельская проза» нового периода, с одной стороны, противостоит более упадочным реалиям, с которыми столкнулась деревня после резких перемен в стране и дальнейшей деградации человека в моральной и духовной сфере, и в строках заметен болезненный крик сердца. С другой стороны, произведения больше рассказывают о жизни людей в маленьких городках на границе между городской и сельской местностью.

В своем рассказе Алексей Захаров рассказывает трагическую историю Тома, старой деревенской женщины: в десятилетие после распада Советского Союза, с распадом колхозов и нехваткой молодой и сильной рабочей силы, маленькие, отдаленные деревни постепенно приходят в упадок. Поля и родовые дома, которые считались основой крестьянства, были либо заброшены и оставлены пустыми, либо проданы. Поскольку никто не работает в сельском хозяйстве, большое количество молодых людей и людей среднего возраста уехали на работу в город, оставив после себя немощных и слабых стариков. Рассказ написан как старый фильм. Эта история показывает, что страдания и несчастья деревни, которые показывали старые писатели «сельской прозы», все еще существуют; Тома – это будущее тех старух, которых Распутин изображал в 1970-х и 1980-х годах, будущее, которое еще более суровое и печальное, чем то, которое Распутин изображал тогда. Противостояние Тома с внучкой и ее мужем с риском для

жизни и ее бессильные стенания приводят роман к кульминации. Через эту трагическую сцену мы видим последнюю борьбу и сопротивление одинокого старика, молчаливую жалобу на своих внуков за то, что они обманывают, бросают и издеваются над ним. Если старшее поколение писателей «сельской прозы» отражало утрату традиционных добродетелей и моральную деградацию после переезда детей в город, то здесь отражается холодность и безнравственность, порожденная внуками, которые стали новым поколением горожан. Если предыдущая «сельская проза» показывала отвращение детей к старшему поколению, то теперь она показывает отказ внуков от старшего поколения. Стоит отметить, что в ранних произведениях отражался образ женщины расширяющей, трансформирующей свои права. Однако в поздних произведениях отражено к чему привели эти трансформации. Женщины становятся свободными, теряя свою изначальную сущность. Этот аспект можно отметить в произведениях обеих стран. Красота деревни сохраняла красоту в человеке. Представитель русской деревенской прозы Валентин Распутин ^[3] строит поэтическое повествование на основе родной деревни. Героиня Агафия живет в деревне у реки, месте удивительной природной красоты и духовной красоты в гармоничной экологии, и в своем долгом общении с природой героиня становится все более сильной и самоотверженной. Отходя от социальных трансформаций, стоит отметить, что в женских образах сельской прозы обеих стран отражен национальный колорит. Новеллисты Пекинской школы опирались на классическую китайскую поэзию, чтобы придать своему языку древний ритм традиционной китайской поэзии. Лу Берн ^[4] фокусируется на объединении европеизированных лирических предложений с региональным сленгом, чтобы сформировать уникальную языковую систему. Шукшин ^[5], как и Лу, любит использовать в своих произведениях русский деревенский сленг, язык его героев живой и лаконичный, а повествование лиричное. Отличием двух школ является подход к описанию действительности. В России это реальность деревенской жизни, со всеми сложностями, которые ей порой присущи, в Китае же создано состояние небытия, воображаемое состояние деревенской реальности. И русские сельские авторы, и китайские писатели любят изображать ряд трагических женских фигур.

Образ Любы у Шукшина ^[5] типичен для русской сельской рабочей женщины, которая мучается от мужа-алкоголика и влюбляется в Егора и добивается своей любви вопреки всему. В итоге Егор, уборщик урожая со справкой об освобождении, не принимается обществом и погибает, а Люба так и остается несчастной. Первоначально Люба должна была быть осуждаема в обществе своего времени, но Шукшин считает ее поступки разумными с точки зрения гуманности. Шукшин рассматривает женщин в своем произведении с моральной точки зрения, основанной на принципе гуманности, что весьма похоже на позицию Шэнь Цунвэнь. Однако, в отличие от Шэнь Конвэня, почитавшего естественное и примитивное состояние соответствия порядку природы, Шукшен привносит в свою критику общества в свете женских трагедий чувство социальной ответственности. Шэнь ^[6] сочувствует бедственному положению китайских женщин, и в своих произведениях он создает для них прекрасный мир, далекий от общепринятой этики и морали.

В то время как большинство женских трагедий в романах Пекинской школы вызваны дурными привычками старого общества или несоответствием между примитивным человечеством и современной цивилизацией, почти все женские трагедии в произведениях русской школы сельской прозы вызваны войной или современной индустриальной цивилизацией, и это различие обусловлено различиями в историческом и культурном прошлом России и Китая. Две писательские школы имеют разные

творческие цели: писатели пекинской школы сельской прозы стремятся исследовать чистую человечность и выразить естественное и примитивное состояние жизни, поэтому женщины в их произведениях чрезвычайно невинны и находятся в естественном состоянии жизни, а писатели русской школы сельской прозы пытаются реализовать в своих произведениях нравственные идеалы и социальную ответственность, поэтому сельские женщины в их произведениях обладают духом самоотверженности и преданности.

Писатели русской сельской прозы, столкнувшись с экологическим разрушением и нравственным отчуждением человеческой природы современной индустриальной цивилизацией, также исходили из ностальгии по традиционной культуре народа и всеми силами старались сохранить в своих произведениях умирающую традиционную нравственную и экологическую цивилизацию села. В "Прощании с Матёрой" Распутин изображает маленькую деревню, которую вот-вот разрушит индустриальная цивилизация.

Шукшин также любит изображать в своих произведениях трагедии сельских людей, подвергающихся дискриминации и духовно дрейфующих в городе, или тех, кто подхватил пороки города и в итоге был им брошен. В романе "Жена отправляет мужа в Париж" Колька, выходец из деревни, после женитьбы остается в Москве, но он всегда чувствует себя одиноким и неразрывно привязан к деревне, а когда семья жены относится к нему с презрением, он не может больше этого выносить и в конце концов убивает себя, включив газ. В книге "Там и вдали" [\[7\]](#) Ольга - наивная, предприимчивая девушка из сельской местности, но экстравагантность города делает ее тщеславной, и в итоге она бросает учебу, чтобы присоединиться к банде воров и превратиться в преступницу. Он считает, что ценность и истинный смысл жизни заключается в земле, которая питает прекрасную культуру и сильную духовную силу нации, а также истинную доброту и красоту людей [\[8\]](#).

Повествовательная позиция двух школ писателей в стремлении к традиционной культуре нации также демонстрирует определенные различия. Обе школы писателей пытаются критиковать общество через трагедии своих героев, при этом пекинская школа китайских сельских романистов выражает свое отвращение к городской индустриальной цивилизации и одновременно критикует традиционные сельские практики, в то время как русские сельские прозаики занимают позицию простого скептицизма по отношению к современной индустриальной цивилизации [\[11\]](#). Поскольку русские сельские прозаики появились в 1960-х и 1970-х годах, когда материальная цивилизация была более развита, национальные культурные нарративы русских сельских прозаиков были больше связаны с экологической средой, чем с традиционной сельской культурной моралью [\[12\]](#). Гуманитарные идеалы русских сельских прозаиков включали экологическую этику, сохранение природы было нравственным критерием в их произведениях, а защита экологической среды и природы стала частью традиционной культурной этики нации, которую они преследовали [\[13-14\]](#). В 1930-х и 1940-х годах писатели пекинской школы сельской фантастики были больше озабочены человеческой природой, воспринимая красоту человечества в патриархальном обществе как важную часть драгоценной национальной культуры [\[15\]](#).

Библиография

1. Денисенко В. А. О целесообразности сопоставления женских образов в русской и китайской литературе начала XX века / В. А. Денисенко, Ли Цян // Русский язык и

- лингвокультура в сопоставительном аспекте : материалы ежегодной международной конференции кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета (Екатеринбург, 1-2 июня 2017 г.). — Вып. 3. Часть — Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2017. — С. 23-26
2. Ван М. Любимые женские образы русской и китайской литературы от древнего времени до современности // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2019. – №. 1. – С. 320-331.
 3. Чжэнь П. ОБРАЗЫ ДЕРЕВЕНСКИХ ЖЕНЩИН В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. РАСПУТИНА И ШЭНЬ ЦУНВЭНЯ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ //ФОРУМ/forUM. – 2019. – С. 57-59.
 4. Карташова Е. Н. СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОЗЕ ВМ ШУКШИНА.2021
 5. Каюмов В. М., Хайдарова Ш. Р. Специфика воплощения женских образов в рассказах ВМ Шукшина //Наука, образование, инновации: апробация результатов исследований. – 2019. – С. 462-470.
 6. Сапа А. Женские образы в творчестве Валентина Распутина. – Litres, 2022.
 7. Сафарова К. Р. Поэтика женских образов в повести //Рецензенты: Факторович АЛ, доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета. – 2015.
 8. Лисовик Т. В. Образ «новой женщины» в китайской прозе XX-XXI вв.: /ЛИСОВИК Татьяна Викторовна; Филологический факультет; Кафедра китайской филологии; науч. Рук. Крылова СИ. – 2019.
 9. Терешонок Е. В. ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ИДЕАЛА В РАССКАЗЕ ВГ РАСПУТИНА «ЖЕНСКИЙ РАЗГОВОР» //РУССКОЕ КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: язык–ментальность–понимание. – 2019. – Т. 18. – С. 203.
 10. Антонова В. И., Голяков А. Н., Мишанин Ю. А. «Женский мир» в романной прозе К. Абрамова //Вестник Челябинского государственного университета. – 2017. – №. 8 (404). – С. 13-21.
 11. Синецкая Э. А. Некоторые социальные явления пореформенного Китая в свете политики «открытости» //Общество и государство в Китае. – 2015. – Т. 45. – №. 2. – С. 451-473.
 12. Гаврилюк Ю. А. ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ ВИ БЕЛОВА //От текста к контексту. – 2014. – №. 1. – С. 119-124.
 13. Хаутиева Х. Г., Хуциева М. М. КЛАССИФИКАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ //Вестник науки. – 2020.
 14. Марзийе Х. Образы женщин в повести «Эфирный тракт» АП Платонова: опыт построения типологии //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. – №. 3. – С. 673-677.
 15. Циценко И. И., Сун Х. Творчество МА Шолохова и литература Китая середины XX века //Мир Шолохова. – 2014. – №. 2. – С. 46-56.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья ориентирована на сопоставление женских образов на примере китайской и русской деревенской прозы. Считаю, что выбранная магистраль имеет место быть, а разверстка вопроса вполне реальна. Однако, текст сочинения поверхностен,

формален, слаб, недоказателен. Отмечу, что автор лишь делает попытку наработать и скомпилировать материал, сформировать же серьезное сочинение не получается. Главный недочет исследования – малое обращение к собственно художественным текстам, малый аналитический ценз. Статью следует дополнить четко обозначенными задачами, объективно сформулированной целью, верифицированной методологией. Нет в тексте и должного количества сносок / цитаций, а это важный и необходимый фактор научного изыскания. Стил работы можно соотнести с научным типом, ибо стремление автора заметно в следующих фрагментах: «сельская проза» нового периода, с одной стороны, противостоит более упадочным реалиям, с которыми столкнулась деревня после резких перемен в стране и дальнейшей деградации человека в моральной и духовной сфере, и в строках заметен болезненный крик сердца. С другой стороны, они больше рассказывают о жизни людей в маленьких городках на границе между городской и сельской местностью», или «новеллисты Пекинской школы опирались на классическую китайскую поэзию, чтобы придать своему языку древний ритм традиционной китайской поэзии. Поэтические новеллисты любили использовать поэзию для создания настроения в своих романах. Лу Берн фокусируется на объединении европеизированных лирических предложений с региональным сленгом, чтобы сформировать уникальную языковую систему. Шукшин, как и Лу, любит использовать в своих произведениях русский деревенский сленг, язык его героев живой и лаконичный, а повествование лиричное», или «писатели русской сельской прозы, столкнувшись с экологическим разрушением и нравственным отчуждением человеческой природы современной индустриальной цивилизацией, также исходили из ностальгии по традиционной культуре народа и всеми силами старались сохранить в своих произведениях умирающую традиционную нравственную и экологическую цивилизацию села. В "Прощании с Матёрой" Распутин изображает маленькую деревню, которую вот-вот разрушит индустриальная цивилизация» и т.д. Смущает в работе также и некая терминологическая путаница – «деревенская проза» и «сельская проза». Желательно унифицировать эти номинации, либо дать необходимый комментарий, который позволит не путаться в этих понятиях. Слабо выглядит и финальный блок, как таковых итогов по теме, проблеме изучения не сделано, автору необходимо доработать и эту часть статьи. Недоказательно, неубедительно звучит, например, вот такой тезис: «повествовательная позиция двух школ писателей в стремлении к традиционной культуре нации также демонстрирует определенные различия. Обе школы писателей пытаются критиковать общество через трагедии своих героев, при этом пекинская школа китайских сельских романистов выражает свое отвращение к городской индустриальной цивилизации и одновременно критикует традиционные сельские практики, в то время как русские сельские прозаики занимают позицию простого скептицизма по отношению к современной индустриальной цивилизации...». Библиографический список нужно подкорректировать, привести в режим унификации: не уместны такие ссылки как «Карташова Е. Н. СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ПРОЗЕ ВМ ШУКШИНА.2021», или «Сапа Женские образы в творчестве Валентина Распутина. – Litres, 2022», или «Марзийе Х. Образы женщин в повести «Эфирный тракт» АП Платонова: опыт построения типологии //Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т.» и т.д. Следует привести источники к единой форме, стандартно обозначенной изданием. Таким образом, можно сделать вывод: работа нуждается в серьезной правке и коррективе, тема исследования не раскрыта, проблема не обозначена фактурно и целостно, в данном виде статья не может быть опубликована в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Сопоставление характеристик женских образов в русской и китайской деревенской прозе», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду того, что тематика сопоставления женского образа в литературе Китая и нашей страны не являлась предметом научных изысканий.

В этой связи в рамках статьи поводится сопоставление женских образов в деревенской прозе двух стран.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в литературоведении. Кроме того, актуальность статьи подчеркивается популярностью китайской культуры и языка в нашей стране, а также сближению народов двух стран. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики. Методология исследования адекватна поставленным задачам. Автором использованы аналитический, описательный, интерпретативный, классифицированный методы. Однако непонятен объем и принципы выборки языкового материала, на котором зиждется исследование. Насколько велик текстовый корпус и из каких источников он был получен?

Считаем, что игнорирование языкового материала в статье, а именно отсутствие текстовых иллюстраций примерами высказываемых умозаключений, является один из существенных недостатков представленного текста.

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Библиография статьи насчитывает 15 источников, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Считаем, что оригинальные работы китайских исследователей обогатили бы данное исследование. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

К техническим недочетам оформления библиографического списка относится не соблюдение требований установленного ГОСТа, а именно размещение источников не в алфавитном порядке. Вероятно неточность допущены при оформлении источника 7 (это диссертация? Тезисы доклада? Монография?)

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы массово не обнаружены. К опечаткам отнесем «Неудивительно», отсутствие левой кавычки - Сельская проза».

Одним из «слабых» мест статьи являются выводы, которые не столько сформулированы автором, сколько заимствованы из работ предшественников.

Высказанные замечания не являются критическими. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по сравнительному литературоведению. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Сопоставление характеристик женских образов в русской и

китайской деревенской прозе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Жиркова М.А. — Хвостатый герой-трикстер в повести Саши Черного «Кошачья санатория» // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.37435 EDN: GOJPDN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37435

Хвостатый герой-трикстер в повести Саши Черного «Кошачья санатория»

Жиркова Марина АнатольевнаORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4107-6944>

кандидат филологических наук

доцент кафедры журналистики и литературного Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области "Ленинградский государственный университет имени А.С.Пушкина"

195196, Россия, г. Санкт-Петербург, шоссе Петербургское, 10

✉ manp@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.37435

EDN:

GOJPDN

Дата направления статьи в редакцию:

30-01-2022

Дата публикации:

07-02-2023

Аннотация: В статье представлен анализ повести Саши Черного «Кошачья санатория» (Рим, 1924 – Париж, 1928), главный герой которой рассматривается как архетип трикстера. Кот Беппо мстит своему хозяину за причиненные обиду и боль, но такое поведение оборачивается против него самого: он оказывается на форуме Траяна, где живут бездомные коты и кошки. Беппо не находит себе места в новом для себя пространстве. Кошачий мир не становится для него родной семьей, и для обитателей форума он остается чужаком. Свобода и независимость являются теми сакральными ценностями, ради которых он играет с самой смертью. Беппо – это образ бродяги, бездомного, но свободного и независимого кота. В ходе исследования выявляются основные признаки архетипа трикстера в образе главного героя. Отмечается также, что в повести переплелись личные впечатления Саши Черного от пребывания в Риме, переживание им исторических реалий переломной эпохи XX века и творческие установки писателя на создание произведений для детей. Научная новизна работы заключается, во-первых, в том, что «Кошачья санатория» впервые подвергается

комплексному анализу: рассматриваются система образов, ее структура, автобиографические элементы, во-вторых, главный герой повести впервые утверждается как герой-трикстер. Актуальность исследования определяется растущим интересом к литературе русского зарубежья, и в частности, к творчеству Саши Черного.

Ключевые слова:

Саша Черный, повесть, герой, трикстер, экфрасис, ирония, идиллия, театральность, лиминальность, автобиографичность

Введение

В Италии Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг, 1880-1932) побывал три раза, первый приезд – это свадебное путешествие в 1905 г., затем они с женой повторяют его в 1910. Последнее пребывание писателя состоялось в статусе эмигранта, кочующего в поисках пристанища. Впечатления от первых поездок почти не отразились в его творчестве, лишь несколько стихотворений, написанных в комическом ключе, например, «Уголок», «Жара» и др. Третий приезд длится почти год: с мая 1923 по март 1924 г., его итогом станут многочисленные стихотворения и повесть «Кошачья санатория», но почти все итальянские произведения публиковаться будут значительно позднее – во время жизни Саши Черного во Франции.

«Кошачья санатория» была написана в Риме в 1924 г., первая ее публикация состоялась в журнале «Перезвоны» в Риге в 1925 г., а отдельным изданием повесть вышла в 1928 г. в Париже. Несмотря на растущий интерес к творчеству писателя, на данный момент отсутствуют отдельные работы, посвященные анализу повести. Чаще всего она упоминается в ряду других произведений, написанных в эмиграции [8, с. 25; 9, с. 539; 11, с. 32-33; 16, с. 264-265], или среди произведений других авторов [12]. По жанру это сказочная повесть: действие происходит в реальном мире, но главные герои – животные, которые разговаривают, знают цифры и умеют рисовать. Это также авантюрная повесть с героем-трикстером, для нее характерен комический модус.

Архетипу трикстера посвящено множество научных работ, в которых ученые определяют его происхождение [15; 17], дают характеристику и указывают функции [5; 13; 19], а также рассматривают образы героя-трикстера в конкретных художественных произведениях. Отметим в рамках нашего исследования статьи Ю.Н. Чухвичевой о героях-животных, выступающих в образе трикстера [22], и М.Н. Липовецкого, в которой говорится о героях-трикстерах детской литературы [14], но произведение Саши Черного в этом плане учеными не рассматривалось.

Можно также вспомнить известных литературных котов: неунывающий и наделенный смекалкой Кот в сапогах Шарля Перро, помогающий своему хозяину добиться высокого дворянского титула; ученый кот А.С. Пушкина, наделенный вековой мудростью и талантом сказителя; а также гофманский кот-философ Мурр, исписавший своими воззрениями листы с биографией хозяина. Главный герой повести Саши Черного – кот, наделенный многими чертами своих предшественников: он умен, смекалист, изворотлив, талантлив, имеет свои взгляды на жизнь.

Система образов и структура повести

Повесть рассказывает историю кота Беппо, принесенного хозяином на форум Траяна, где живут бездомные коты и кошки, и совершающего оттуда побег. Исследователи указывают, что имя кота позаимствовано из шуточной поэмы Байрона «Беппо» (1817) [\[10, с. 577; 16, с. 264\]](#), в создании которой отразились впечатления английского поэта от пребывания в Италии. Герой поэмы купец Беппо ведет морскую торговлю и пропадает на несколько лет, когда он возвращается, то рассказывает, как был рабом, бежал к пиратам, разбогател и сумел вернуться домой. Беппо – это также уменьшительный вариант итальянского имени Джузеппе, тогда как хозяина кота зовут Спагетти, то есть кот наделен человеческим именем, а хозяин назван макаронным изделием. Так автор сразу обозначает свое отношение к героям. Это проявляется и в их характеристике – *сердитый* хозяин [Выделения курсивом принадлежат автору работы – М.Ж.], в указании на ожидание котом обычного утреннего щелчка от него, а кот называется *бедным*, *беднягой* [\[21, с. 61, 62\]](#). Несладко жилось коту у своего хозяина, если неожиданно предложенная тем утром, когда изменилась его судьба, плошка молока и жирная селедочная голова для Беппо – это чудеса, которых он с рождения не видел.

Произведение состоит из нескольких частей, разделенных тремя звездочками. Можно вспомнить героя следующего произведения Саши Черного фокса Микки: «Я видел в детских книжках, – когда человек делает прыжок к новой мысли, – он ставит три звездочки» [\[21, с. 31\]](#). Первая часть – это описание форума и появление на нем Беппо. Начало повести представляет собой прозаический экфрасис, т.е. литературное описание «визуальных объектов (реальных или вымышленных), особенно визуальных произведений искусства. <...> в широком смысле это словесное описание любого рукотворного предмета: храма, дворца, щита, чаши, статуи или картины» [\[23, с. 301\]](#). Форум, увиденный глазами повествователя, «даже и на форум непохож», не историческая достопримечательность, а «укромный закоулок». Перед нами остатки былого величия, которые постепенно захватывает природа: «взъерошенные кусты олеандров и ежевики там и сям расползлись по форуму совсем по-домашнему» [\[21, с. 161\]](#). Только колонна Траяна поражает своим размером («Ну и громадина»), а вот апостол Петр на ее вершине кажется одиноким и вызывает сочувствие. В представлении повествователя он не великий апостол, а темно-бронзовый старик, который жарится на июльском солнцем и мокнет под декабрьским дождем. В дальнейшем форум мы видим глазами кота, и его восприятие в чем-то совпадает с мнением повествователя. Для Беппо это пространство, имеющее границы: «мышеловка», «Со всех четырех сторон трава замыкалась каменной гладкой стеной», он пленник «странно замкнутого жилья» [\[21, с. 162\]](#).

В речь повествователя в конце первой части включены размышления самого кота, например, возмущение, что его в мешок посадили: «сунул хозяин кота в полосатый мешок, с которым служанки на базар ходят. *В мешок, скажите пожалуйста! Точно Беппо баранина или телячья печенка...*» [\[21, с. 161\]](#), тем самым автор подготавливает читателя к сказочному миру повести. Такое сочетание речи повествователя и размышлений героя-кота пройдет через всю повесть.

Вторая часть – знакомство с форумом и история главного героя. На новом месте, расспрашивая обитателей форума, Беппо показывает себя вежливым и воспитанным котом: «Скажите, пожалуйста... – Беппо учтиво склонил шею и, как хорошо воспитанный кот, сделал после вступления продолжительную паузу» [\[21, с.163\]](#). Правда, его оскорбляет предположение, что он родом из провинции, наоборот, он гордится тем, что

родился в центре Рима и называет свою улицу: Колонnette, небольшую улочку и сейчас расположенную в центре современного города.

Из объяснения «упитанного серого кота» Беппо узнает про форум Траяна и обычай приносить сюда котов, если, во-первых, они преступно себя ведут; во-вторых, хозяин беден и не может содержать домашних животных; в-третьих, он уезжает и не знает, куда их девать, тогда вот «таких несчастных сбрасывают на форум Траяна» [\[21, с.163\]](#). По мнению Беппо, он подходит под все три категории, но тут с ним можно не согласиться, в повести отсутствуют указания на предполагаемый отъезд его бывшего хозяина. В ответ на любезное объяснение кота-толстяка Беппо рассказывает о себе.

Черты архетипа трикстера в образе главного героя – кота Беппо

История кота Беппо – это цепь эпизодов, приключений, связанных со сменой хозяев и условий его местожительства: сначала котенком он прятался за кадкой с бамбуком у ресторана, где его увидела и подобрала молоденькая мисс Нелли. Лучше всего ему жилось у первой хозяйки, хотя кот и ворчит, что она из него почти болонку сделала: «Опрыскала какой-то вонючей штукой, нацепила на меня зеленый бантик» [\[21, с.163\]](#). Отъезд хозяйки, не позаботившейся о своем питомце («О форуме Траяна она, должно быть, тоже не знала», [\[21, с.163\]](#)), приводит Беппо снова на улицу. Дальше жизнь у каждого следующего хозяина будет все хуже. По словам Беппо, его история – это его волеизъявление, его выбор, для него важно сохранение его внутренней свободы. Это он поселился у прачки, а не она его приютила или подобрала. Но пленение в чулане он не смог пережить: «когда моя прачка стала уходить на работу, а меня запирали в чулан, чтобы я на голодный желудок ее проклятых мышей ловил (Беппо от негодования даже закашлялся), – нет, пусть сама ловит и жарит их себе на ужин на оливковом масле! Я не выдержал, вышиб головой стекло и ...» [\[21, с.164\]](#). Тогда он оказался у третьего хозяина – сапожника, у которого и произошло его превращение в «преступного кота». Беппо с некоторым высокомерием и презрением говорит о нем: «сапожник он был не настоящий», «бродячий сапожник», «Я не знаю, обедал ли мой сапожник сам. Макароны там где-нибудь наглотается, корочку сыра пожует, луковичку... Бродячая жизнь – бродячая еда» [\[21, с.164\]](#).

После того, как пьяный хозяин решил напоить кота вином и пришить за сопротивление и непослушание его хвост к сундуку, поведение кота в доме сапожника становится провокационным. В образе кота можно увидеть некоторые черты героя-трикстера – плута, озорника и хулигана. Беппо решает мстить и начинает вести «подрывную деятельность» (Липовецкий) на своей же территории. Так, он «притиснул» цыпленка под лестницей, но остались улики, чем сразу выдал себя; молоко у соседей вылакал; у студента чернильницу опрокинул; стекло в дверях разбил, когда бегством от лавочника спасался; у девочки булку с маслом выхватил. Все его действия направлены на деструкцию порядка, это своеобразная игра в разрушение, насмешка над окружающими. Д.А. Гаврилов, рассматривая архетип трикстера, выделяет основные его функции, среди которых – нарушение правил и традиций, привнесение элемента хаоса в существующий порядок, что «способствует деидеализации, превращению мира идеального в реальный» [\[5, с. 67\]](#). Все это кот творит не со зла, в нем говорит обида и желание выстроить свои отношения с миром людей, в котором для него не нашлось блюдца молока и кусочка еды. Он намеренно создает хаос вокруг себя, не желая принимать такой мир, и устанавливает свои нормы и правила поведения. Понимает ли Беппо, что он хулиганничает? – Да, отсюда его попытки оправдаться. Но П. Радин также

замечает, что поведение трикстера всегда диктуется импульсами, над которыми он не властен [\[17, с. 7\]](#). Поведение кота в данном случае сложно назвать аморальным, поскольку герой-трикстер находится вне категорий добра и зла, вне морали как таковой [\[13\]](#). Кот-толстяк его прекрасно понимает и даже завидует. Можно обратить внимание на авторское определение его реакции на слова Беппо о превращении того в «преступного кота»: «Это тоже надо уметь... – мечтательно вздохнул толстяк» [\[21, с.165\]](#).

Беппо выступает также в комическом амплуа, традиционном для архетипа трикстера. В его рассказе сочетается детская наивность и бесхитрость в попытке самооправдания: цыпленка съел, так зачем он шляется, молоко у соседей выпил, так ведь не все же, чернильницу разлил, а зачем чернильницу на столе держать, стекло разбил – пустяки, булку у девочки утащил, когда она предложила в магазин поиграть, но откуда у кота деньги?.. М.Н. Липовецкий, говоря о плутовстве трикстера, отмечает, что оно носит не прагматический, а, скорее, самодостаточный, комедийный и ритуальный характер [\[14, с. 9\]](#). Если вначале такое поведение кота забавляло сапожника: «Молодец, говорит, Беппо, старайся. Я, говорит, когда молод был, и не то еще вытворял» [\[21, с.165\]](#), то после жалоб соседей хозяин вынужден избавиться от кота-хулигана. Так, похождения Беппо оборачиваются против него самого. Исследователи отмечают, что герой-трикстер часто сам становится жертвой такого поведения [\[17, с. 7\]](#), например, Д.А. Гаврилов пишет: «трикстер не всегда выходит победителем из затеянной игры, и может попасть впросак, оказаться жертвой собственной хитрости» [\[5, с. 68\]](#). Кот лишается хозяина, дома, которых вроде бы и не стоило жалеть, но «очень уж уютный двор был. И общество хорошее: две кошки, цыплята (Беппо томно облизнулся), помойка, детей, словно мух, в углу ореховое дерево... И лестниц, знаете, как дырок в швейцарском сыре: узенькие, темные, прохладные...» [\[21, с.164\]](#). Для него рушится знакомый и привычный мир, ценность которого осознается им только после его потери.

В третьей части раскрывается жизнь в кошачьей санатории; Беппо знакомится с ее обитателями, в частности, свою историю рассказывает старый кот. Обитатели форума видятся Беппо пока общей массой: «сытые спины валявшихся на траве зверей» [\[21, с.162\]](#), «пестрая куча котов и кошек» [\[21, с.166\]](#), из которой выделены лишь несколько. Свидетелем появления Беппо на форуме становится обладатель ленивого кошачьего баса, он же упитанный серый кот, толстяк и председатель местной колонии Бимбо. Именно он рассказывает о форуме и правилах жизни здесь. Примечательно, что имя Бимбо по-итальянски обозначает ребенка, мальчика, который, по-видимому, еще сидит в нем, не случайно он понимает Беппо и по-своему завидует его прошлой свободной и отчаянной жизни. Обозначены и некоторые другие хвостатые обитатели форума: серая кошечка; полосатая, черная с белым кошечка; белый пушистый кот, словно пушок для пудры; желто-бурая молодая кошечка; одноглазый синьор Брутто, управляющий кошачьим хором; и старый обрюзгший кот Неро.

К миру форума Бимбо относит и синьора Скарамуччио, седенького человека с большим мешком, кухмистра и главного интенданта, отвечающего за кормление кошек, чистоту и состояние отведенного им пространства. Показательно имя героя – Скарамуччио: в итальянском театре дель арте он относится к варианту маски Капитана [\[4, с. 246; 7, с. 167\]](#) – хвастливого воина, труса, вруна и голодранца, который играл на сцене жалкую роль и терпел всякие унижения; персонаж, над которым постоянно смеются [\[4, с. 235\]](#). Можно обратить в этом плане внимание на снисходительное отношение кота Бимбо к нему: «Конечно, мясо он не всегда свежее покупает, но что от людей требовать...» [\[21, с.166\]](#).

Да и выполнение его обязанностей будет потом раскритиковано Беппо.

В третьей части вновь звучит голос повествователя, с горькой иронией описывающий скучающего Беппо, не способного найти себе на форуме развлечения. Читать кот не умеет, а то «селедки и кости часто бросали сверху в газетках, – вот и почитать было бы можно» [\[21, с.167\]](#); или Скарамуччио швырял на траву большие окурки сигарет, но, увы, кот не курит; или мог бы поболтать с бездельниками, что облокотившись на перила, «плевали сверху на форум, стараясь попасть в омытую дождями баранью голову» [\[21, с.167\]](#), да люди и животные не понимают язык друг друга; или стал бы рассматривать рельефы колонны Траяны, но «люди и на ней заняли все места: среди бесчисленных человечков не было ни одного кота, ни одной кошки, – что же там рассматривать?» [\[21, с.167\]](#). День за днем проходит, а Беппо так и не может привыкнуть к форуму; ни покой, ни сытная еда не приносят ему радости. От тоски и скуки Беппо, вспоминая своего хозяина-сапожника, даже размечтался и нафантазировал свое спасение. То ли сон, то ли грезы кота наяву: у сапожника вдруг просыпается совесть, он испытывает жалость к выброшенному животному и выручает его, спасает из плена. В момент осознания свободы Беппо испытал такой восторг, что даже замяукал от радости: «Вольный кот! Вольная душа! Вольные ноги! Мармелау!..» [\[21, с.168\]](#). Но от понимания, что это только его фантазия или видение появляется еще большая тоска, что сказывается на его характере поведения: у него не остается прежней почтительности по отношению к обитателям форума. Так, он обзывает Бимбо собакой, правда, так тихо, чтобы тот его не услышал; дерзит кошкам в ответ на их вопросы и попытку вести светскую беседу.

Спасают Беппо от тоски на форуме только разговоры со старым котом Неро, единственным, «с которым стоило здесь разговаривать». От него Беппо узнает об идеальном месте, почти рае для котов – Кампанье: «Камыши, ящерицы, речонка поет, цикады трещат, жаворонки над полями заливаются... <...> Да там в Кампанье порядочный кот все сам добудет. Тут тебе и птички, и кузнечиком иной раз закусишь, ну а корову подоят, уж всегда для кота в плошку молока нальют. Полевые мыши тоже очень деликатная еда. <...> А воздух. А кусты ежевики над речкой. А лунные вечера на мосту» [\[21, с.170-171\]](#), там хорошо и весело.

Исследователи по-разному трактуют кличку кота. А.С. Иванов раскрывает значение слово: Неро – черный [\[10, с. 576\]](#), В.Д. Миленко указывает на знаменитого римского императора Нерона [\[16, с. 264\]](#), который, как известно, был поэтом. Кот Неро также оказывается художником и поэтом, его описание Кампаньи звучит как поэма в прозе, в которой есть все: горы, река, поля, старый домик, многочисленное население от насекомых до людей. Пейзажная зарисовка в его рассказе хоть и подвижная, но легко воссоздаваемая в воображении слушателя и читателя: на заднем плане расположены горы («вдали такие высоки штуки – утром синие, днем голубые, а к вечеру – оранжевые»), на среднем – проезжая дорога: «то старик на осле проедет с виноградом <...>, то женщина с овечьим творогом на голове <...>, то автомобиль с серенькими солдатами пропылит»), а на переднем – старый домик с постепенным укрупнением образов: «Весь в трещинах. Крылечко набок, плиты так и расползлись... Перед домом орех, толстый, как бык, лапы во все стороны – хорошо. А на крыше в черепицы окошечко с полочкой... Там голуби жили» [\[21, с.170\]](#).

Поэма получилась немного сентиментальной, в духе идиллии, цель которой, по мнению Ф. Шиллера, «изобразить человека в состоянии невинности, то есть в состоянии гармонии и мира с самим собой и с внешней средой» [Цит. по: 18, с. 77]. В данном

случае – показать жизнь кота в состоянии невинности (голубей после того, как хозяин дал понюхать кнут, он не трогал) и в гармонии с миром, людьми и самим собой. Конечно, поэт здесь – Саша Черный, это он с улыбкой и иронией словами Неро рассказывает о любимой им Кампанье, вкладывая в уста кота свое восхищение и удовольствие от пребывания там. В Кампанье снимала виллу семья Андреевых, у которых жил поэт с супругой [\[16, с. 261-262\]](#). Выбор Италии в свое время был связан с предложением, сделанным жене поэта вдовой Леонида Андреева позаниматься с детьми и помочь с издательскими делами. Мария Ивановна Гликберг вспоминала позднее: «Когда в 1923 году жизнь в Берлине стала невозможной вследствие инфляции, заставившей закрыться все русские издательства и уехать оттуда семейства моих учеников, а мы не могли сразу получить визу в Париж, – Андреева предложила нам ехать с ней в Рим за ее счет, обещав нам полный пансион за мои занятия с ее детьми (их было трое: Савва, Вера и Валентин) и ведение ее переписки на иностранных языках с издателями и театральными антрепренерами по поводу издания и постановки произведений ее умершего мужа» [\[6, с. 243\]](#).

Кот Неро находится на форуме не первый год: «Привык. Состарился» – все равно свою Кампанию иногда во сне видит. Рассказ старого кота после фантазии-видения Беппо о свободе вызывает у последнего пока не оформившееся в окончательный план желание сбежать и добраться до кошачьего рая. Тем более, что Неро дал четкие указания, как найти Кампанию: «До площади Венеции, где большой памятник с золотым конем, два шага – тут сейчас за углом направо. А там трамвай № 17. <...> Так вот трамвай бежит до городских ворот. Porta Pia – называется. И там, куда ни вернешь, со всех сторон Кампания эта тебя и обступит...» [\[21, с.171\]](#). Маршрут хорошо известный самому Саше Черному, по словам комментатора его творчества А.С. Иванова, «поэт жил неподалеку от этой самой “последней остановки” на улице Номентана, которая упиралась в Кампанию» [\[10, с. 577\]](#).

Четвертая часть повести посвящена обдумыванию авантюры, в которой одну из ролей Беппо отводит кошачьему сторожу, частенько выпивавшему после своих немногочисленных дел на форуме. В итальянском театре масок Скарамуччио относится также к типу комических стариков [\[4, с.216\]](#), забавное поведение пьяного человека, разговаривающего с самим собой, забывающего убирать мусор и таскающего с собой мешок с провизией и бутылкой вина, подсказывает свободолюбивому коту возможный вариант побега.

В пятой части Беппо разыгрывает целый спектакль ради осуществления своего плана, где зрителями и одновременно участниками становится все население форума, который на какое-то время превращается в театральную сцену или арену. Исследователи отмечают характерную для трикстера театральность, что связано с его способностью к трансформации и лиминальностью героя: «лат. limen – порог – промежуточное положение индивида в социокультурной структуре, когда прежняя социальная роль оставлена, а новая еще не принята» [\[11\]](#). Д.А. Гаврилов считает, что трикстер – это «оборотень, перевертыш, игрок, мастер иллюзии, и для него не существует привычного понятия о жизни и смерти, потому что игра каждый раз может быть начата сначала и в любой момент прекращена» [\[5, с. 67\]](#). Беппо разыгрывает одновременно страшный и смешной спектакль: он притворяется мертвым, фактически играет со смертью: «Беппо лежал у большой колонны. Мухи садились на усы, муравьи ползали по ушам, а он, вытянувшись палкой и раскинув худые ноги, хоть бы что. Словно не кот, а выброшенная

из окна черствая булка» [\[21, с.173\]](#).

Одной из характерных черт триктера называют обжорство [\[5, с. 18, 67; 15, с. 26\]](#), правда, Беппо не столько прожорливый, сколько постоянно голодный кот. Но ради свободы сейчас он готов пожертвовать своими потребностями и перешагнуть через чувство голода. С появлением на форуме для него происходит обнаружение новых границ и возникает новая цель – их преодоление. Форум, с одной стороны, устроен людьми, которым нужно куда-то девать не пристроенных животных, с другой – на нем существуют внутренние правила, определенными его хвостатыми обитателями. Причем, все эти правила, как человеческие, так и кошачьи направлены на благо животного мира, но свобода и независимость становятся теми сакральными ценностями, ради которых Беппо играет с самой смертью. Кот не находит себе места ни в одном мире. Кошачий форум не становится родной семьей для Беппо. Для его обитателей он остается чудачком, странным, не принявшим их мир, кошачий председатель Бимбо, произнося последнее слово, обращает на это внимание: «Первый случай у нас на форуме. Не старый, крепкий, а вот подите ж... Достойный был кот, не мог покориться» [\[21, с.173\]](#).

Вторая часть спектакля, вынесенная за стены форума, выглядит комично. На глазах подвыпившего сторожа дохлый кот оживает и вылезает из мешка: «Старик протер глаза... Что за история? Это, верно, ему крепкое вино подсунули. Где ж это видано, чтобы околевший кот, которого он, словно старую негодную щетку, только что приволок в мешке, – проделывал такие фокусы!» [\[21, с.174\]](#). Позднее сам Беппо становится объектом авторской иронии: опасаясь быть пойманным, притворяется котом, живущим в домах, мимо которых он пробегал. Потом беспокоится, что без билета едет в трамвае и поэтому прячется от кондуктора под сиденьем, где не удержался от соблазна и утащил пару сосисок из стоящей на полу прямо перед самым его носом корзины, ведь проголодался, да и не все съел.

Повесть Саши Черного обнаруживает психологическую сложность главного героя. На амбивалентность триктера указывают все исследователи, например, Н.Д. Тамарченко пишет: «Все они амбивалентны: в каждом сочетаются взаимоопровергающие, на первый взгляд, свойства; но и сами эти свойства перекрещиваются» [\[19, с. 272\]](#). Кошка, с одной стороны, свободолюбивое создание, с другой – олицетворение домашнего уюта. Беппо движут естественные потребности еды, ласки, внимания, но его хозяин не только не смог этого дать ему, но и мучал, издевался и причинил боль. Беппо – это образ бродяги, маргинала, бездомного, но свободного и независимого кота. Люди подвели его, отсюда нежелание подчиняться кому-либо, признавать своим хозяином кого-то. По мнению Ю.Н. Чухвичевой: «Трикстер путешествует по миру и между мирами, это его отличительная особенность – у него нет постоянного дома, он всегда находится в странствиях, у которых нет конкретной цели» [\[22, с. 137\]](#). Тогда логично завершение повести: «Он свесил с пня лапы, лениво зевнул, посмотрел на домик у моста и, засыпая, проворчал: – Завтра решу...» [\[21, с.176\]](#). Хотя все располагает для того, чтобы Беппо прибил к новой семье: есть ребенок («Девочка у калитки прыгает» [\[21, с.176\]](#)), есть корова, нет собаки, но это кот будет решать: сделаться ему домашним или одичать.

Вернемся к понятию лиминальности. В. Тэрнер обращает внимание на то, что обряды перехода имеют три фазы: разделение – «открепление личности или группы от занимаемого ранее места в социальной структуре или от определенных культурных обстоятельств» [\[20, с. 168\]](#), к этому можно отнести решение сапожника принести Беппо на форум, грань – герой «проходит через ту область культуры, у которой очень мало или

вовсе нет свойств прошлого или будущего состояния» [20, с. 168-169] – это время пребывания Бэппо на форуме (заметим, что в настоящее время кошачий форум находится на площади Торра Арджентино). Третья фаза – восстановление или воссоединение, когда субъект опять обретает стабильное состояние, причем предполагается, теперь будут соблюдаться обычные нормы и правила, характерные для жизнеустройства социума [20, с. 169]. Если рассматривать Бэппо как субъекта, для которого «преступное поведение» лишь временное явление, а трикстерское поведение как бунтарское поведение подростка (Бэппо – молодой кот), то возможен его переход в новое состояние, но автор оставляет своего героя на перепутье, сохраняя тем самым за ним образ героя-трикстера.

Автобиографические элементы

Коснемся еще одного аспекта повести – ее автобиографичности. Исследователь творчества писателя А.С. Иванов риторически восклицает: «уж не о себе ли самом написал Саша Черный? Он ведь тоже был вечным скитальцем. Не мог долго ужиться на одном месте, покидая любые хлебные кормушки при малейшем посягательстве на его свободу быть самим собой» [9, с. 559]. О зооморфной авторской маске в повести «Кошачья санатория» пишет А.В. Коротких [12, с. 190]. Отметим некоторые моменты, близкие самому автору повести, во-первых, это особое отношение кота к детям. Он их любит, как любит детей сам писатель, например, Бэппо рассказывает: «Приходили соседки, дети с ними – детей у них, как котят... А у детей, знаете, всегда что-нибудь есть: кусок селедки, пирожок, то да се» [21, с.163]; детей во дворе дома, где он жил у сапожника, по его словам, словно мух, что делало это место привлекательным для кота, а позднее он замечает девочку в домике у моста. Во-вторых, через всю повесть проходит тема макарон. Так, имя хозяина кота сапожника Спагетти; рассказывая о своей второй хозяйке, Бэппо замечает, что у нее «очень невкусная еда. Каждый день, знаете, макароны. Резинка какая-то, а не пища» [21, с.163]; макаронами питались также сапожник и художница, рисующая кошек на форуме. По воспоминаниям В.Л. Андреевой, макароны были частым блюдом у них на столе, от которого «у Саши Черного моментально падало настроение, он раздражался желчными тирадами о характерных свойствах итальянцев вообще и о их кухне в частности» [1, с. 204]. Так, в повести писатель выразил свое отношение к распространенному итальянскому блюду.

Интересно посмотреть на соотнесение времени создания повести с историческим – зарождением фашизма в Италии – и рассуждениями М.Н. Липовецкого о существовании героя-трикстера как ответа на различные закрытые государственные системы («закрытые общества»), в том числе на фашизм [13]. В октябре 1922 г. король назначает Муссолини премьер-министром Италии и в стране официально устанавливается господство фашизма. В.Л. Андреева вспоминала о несчастном случае, произошедшем с Сашей Черным в Риме: «Глубоко задумавшись и ничего не замечая вокруг, он брел по улице опустив голову, по своему обыкновению заложив руки за спину. Он так задумался, что не услышал трубных звуков фашистского гимна, не увидел ни знамени, ни шагавшего отряда чернорубашечников. Опомнился он от удара палкой по голове, сбросившего с нечестивца шляпу и оставившего большую шишку на его темени, – бедняга потом еле доплелся до дому и с пеной у рта сыпал проклятья варварству фашистов, которые ударили его за то, что он не снял шляпу перед их «паршивым знаменем» [2, с. 205]. Тогда не случайно главный герой его повести – трикстер, т.е. бунтарь, любящий свободу, ценящий независимость, не принимающий жесткие рамки общества. Из одной новой формирующейся государственной системы Саша Черный уже сбежал: в 1918 г. он

покинул советскую Россию. Весной 1924 г. чета Гликбергов перебралась из Италии во Францию теперь навсегда.

Заключение

В повести «Кошачья санатория» переплелись личные впечатления Саши Черного от пребывания в Риме, переживание им исторических реалий переломной эпохи XX века и творческие установки писателя на создание произведений для детей. Главным героем сказочной повести является кот, который наделен не только речью, свободолюбивым и независимым характером, но и чертами архетипа трикстера. К ним можно отнести провокационное поведение, направленное на разрушение порядка, создание хаоса вокруг себя как насмешку над окружающими, при этом плутовство и хулиганство оборачиваются против него, он становится жертвой собственного поведения, театральность и лиминальность, наличие сакральных ценностей (свобода, независимость), ради которых возможна игра со смертью, амбивалентность. Кот нередко становится комическим объектом авторской иронии, но, как пишет Ю.Б. Боров, юмор, в отличие от сатиры, «всегда видит в своем объекте какие-то стороны, соответствующие идеалу» [3, с. 83], поэтому не случайно писатель утверждает своего главного героя как личность с сильным, решительным характером и сохраняет за ним образ трикстера. Кота Беппо можно рассматривать и как авторскую маску, которая позволяет взглянуть на мир по-другому, представить свое мировосприятие и отношение к животным, людям, к устройству общества в целом.

Библиография

1. Абраменкова В.В. Лиминальность // Общая психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского. 2005 [Электронный ресурс]
<https://vocabulary.ru/termin/liminalnost.html> (дата обращения 15.01.2022).
2. Андреева В.Л. Эхо прошлого. М.: Совет. писатель, 1986. 384 с.
3. Боров Ю. Комическое. М.: Искусство, 1970. 268 с.
4. Бояджиев Г.Н., Дживелегов. А.К. Комедия дель арте // История западноевропейского театра. Т. 1. / Ред. Г.Н. Бояджиев. М.: Искусство, 1956. С. 215-252.
5. Гаврилов Д.А. Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 239 с.
6. Гликберг М.И. Из мемуаров // Российский литературоведческий журнал. 1993. №2. С. 240-248.
7. Дживелегов А.К. Маски комедии дель арте // Дживелегов А.К. Искусство итальянского Возрождения: Учеб. пособие. М.: РАТИ-ГИТИС, 2007. С. 120-175.
8. Жиркова М.А. «Несерьезные рассказы» Саши Черного: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2015. 157 с.
9. Иванов А.С. Волшебник // Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. Т.5: Детский остров / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007. С.523 – 548.
10. Иванов А.С. Комментарий // Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. Т.5: Детский остров / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007. С.549-595.
11. Карпов В.А. Проза Саши Черного в детском чтении // Начальная школа плюс До и После. 2005. №4. С. 30 – 34.
12. Коротких А.В. Зооморфная авторская маска в русской прозе 1920-х годов // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. 2006. № 7. С. 190-194.

13. Липовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 6 (100). С. 224–245. [Электронный ресурс]
https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/trikster-i-zakrytoe-obshhestvo.html (дата обращения 15.01.2022).
14. Липовецкий М.Н. Шалуны, враги, другие... Трикстер в советской и постсоветской литературе // Детские чтения. 2014. Т. 6. №2. С. 7-22.
15. Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т.2. М.: «Советская энциклопедия», 1982. С. 25-28.
16. Миленко В.Д. Саша Черный: Печальный рыцарь смеха. М.: Молодая гвардия, 2004. 366 с.
17. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с ком. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи / Перев. Кирющенко В.В. СПб.: Евразия, 1999. 288 с.
18. Степанов А.Г. Идиллия // Поэтика: словарь актуал. терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 77-78.
19. Тамарченко Н.Д. Трикстер // Поэтика: слов, актуал. терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 271-275.
20. Тэрнер В. Символ и ритуал / Сост. В. А. Бейлис. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 277 с.
21. Черный Саша. Собр. соч.: В 5 т. Т.5: Детский остров / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007. 670 с.
22. Чухвичева Ю.Н. Животные-трикстеры в мифологиях мира // Труды Государственного музея истории религии. 2012. № 12. С. 134-140.
23. Шкаренков П.П. Экфрасис // Поэтика: словарь актуал. терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 301-302.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вектор изучения представленной к публикации статьи касается творчества Саши Черного. Автор обращает внимание на реализацию героя-трикстера в повести «Кошачья санатория». Отмечу, что отдельных исследований этого текста нет, следовательно, материал является актуальным, новым и востребованным. Органика анализа повести «Кошачья санатория» не вызывает сомнений, не теряется в тексте основная линия – дешифровка формы «трикстера». Методологические принципы созвучны основным тенденциям «новой теории литературы»: не случайны отсылки и к работам Н.Д. Тамарченко, и М.Н. Липовецкого, и других. Обращая внимание на собственно сам текст, автор претворяет анализ в русле принципа «в след за автором». Таким образом, идейно-смысловая составляющая, реализуемая Сашей Черным в образе кота Беппо, автором статьи умело объективирована. Достаточно в тексте работы и примеров, должное внимание уделено т.н. «пересказу», но это не буквальное дублирование / калька, но рецептивное комментирование. Считаю, что в работе нет серьезных фактических ошибок, материал преподносится доступно, четко, в режиме научного стиля. Однако, считаю, что текст нуждается в небольшой ректорской правке – следует устранить такие опечатки / ошибки как «статуте», «исселования» и т.д. Стоит также внести правку в такую формулировку как [Все выделения принадлежат автору работы...], традиционным является вариант [Курсив мой – ...], или [Полужирное начертание

использовано автором – ...] и т.д. Суждения по ходу статьи правильны, принцип «диалога» с оппонентами выдержан. Например, «в образе кота можно увидеть некоторые черты героя-трикстера – плута, озорника и хулигана. Беппо решает мстить и начинает вести «подрывную деятельность» (Липовецкий) на своей же территории. Так, он «притиснул» цыпленка под лестницей, но остались улики, чем сразу выдал себя; молоко у соседей вылакал; у студента чернильницу опрокинул; стекло в дверях разбил, когда бегством от лавочника спасался; у девочки булку с маслом выхватил», или «исследователи по-разному трактуют кличку кота. А.С. Иванов раскрывает значение слово: Неро – черный, В.Д. Миленко указывает на знаменитого римского императора Нерона, который, как известно, был поэтом. Кот Неро также оказывается художником и поэтом, его описание Кампаны звучит как поэма в прозе, в которой есть все: горы, река, поля, старый домик, многочисленное население от насекомых до людей», или «повесть Саши Черного обнаруживает психологическую сложность главного героя. На амбивалентность трикстера указывают все исследователи, например, Н.Д. Тамарченко пишет: «Все они амбивалентны: в каждом сочетаются взаимоопровергающие, на первый взгляд, свойства; но и сами эти свойства перекрещиваются». Кошка, с одной стороны, свободолюбивое создание, с другой – олицетворение домашнего уюта. Беппо движут естественные потребности еды, ласки, внимания, но его хозяин не только не смог этого дать ему, но и мучал, издевался и причинил боль» и т.д. Основная цель исследования достигнута, точка зрения автора аргументирована; структура текста выдержана в рамках «научного проекта». Сочинение, безусловно, будет полезно при изучении курсов по теории и истории литературы; «маркеры-мысли», сформулированные в работе, можно использовать как интенциональные пролегомены при формировании новых исследований. Рекомендую статью «Хвостатый герой-трикстер в повести Саши Черного «Кошачья санатория» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Фрейдсон О.А., Вerezубова Е.Е. — Корпусные методы в исследованиях и изучении/преподавании французского языка // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.37471 EDN: HEEJBN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37471

Корпусные методы в исследованиях и изучении/преподавании французского языка

Фрейдсон Ольга Александровна

ORCID: 0000-0002-1933-492X

кандидат филологических наук

доцент, кафедра романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

✉ olga-freidson@mail.ru

Вerezубова Екатерина Евгеньевна

ORCID: 0000-0003-4915-7992

кандидат филологических наук

доцент, кафедра романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

191023, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21

✉ c_verezubova@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.37471

EDN:

HEEJBN

Дата направления статьи в редакцию:

03-02-2022

Дата публикации:

12-02-2023

Аннотация: Целью работы является выявление возможностей и специфики использования корпусных методов в проведении исследований на материале французского языка и в обучении французскому языку. Возрастающий интерес к методам корпусных исследований, основанным на конкретных языковых данных, и недостаточная разработка вопроса на материале французского языка обуславливают

актуальность работы. Проведенный анализ показал, что сегодня существуют разнообразные ресурсы для проведения корпусных исследований на материале французского языка, включая корпуса литературных текстов, параллельные корпуса, корпуса устной речи, которые создают особым образом организованную многомерную инфраструктуру языкового пространства, дающую комплексное представление о языковых единицах, их сочетаемости, семантике и функциях. Авторами продемонстрировано, что существующие корпусные менеджеры могут успешно применяться в обучении французскому языку на начальном уровне, с самого начала формируя у студентов-лингвистов важные языковые и методологические компетенции. Научная новизна исследования состоит в комплексном обзоре существующих французских корпусных ресурсов и возможностей их использования в исследовательской работе и в обучении французскому языку. Результаты исследования могут быть использованы как для дальнейшей разработки исследований в области истории, грамматики, лексикологии, стилистики французского языка на основе корпусов, так и для разработки заданий для обучения французскому языку с использованием корпусных данных, что представляет практическую значимость исследования.

Ключевые слова:

корпус, лингвистика, методика преподавания, французский язык, конкорданс, коллокация, корпусный менеджер, лексическое значение, аннотация, коммуникативная компетенция

Введение

С приходом корпусной лингвистики в отношениях между языком и речью произошла радикальная перемена. По мнению В.А. Плунгяна, наблюдается «...смена теоретических приоритетов с переходом от «системы» к «узусу», от «языка» к «речи» [\[1, с. 7\]](#): благодаря возможности сбора и обработки большого объема данных с помощью новых технологий речь, как письменная, так и устная, становится доступной для масштабного анализа. В центре изучения находится непосредственно дискурсивная практика, которую А. Kamber и М. Dubois справедливо считают единственным по-настоящему научным и заслуживающим доверия путем к системе языка [\[2\]](#) (перевод наш). Корпуса и создаваемые на их основе конкордансы становятся «идеальными инструментами», позволяющими наблюдать и изучать связи между формами и содержаниями, которые приняты в определенном языковом сообществе [\[3\]](#) (перевод наш). Использование большого количества языковых данных, возможность на большом количестве примеров мгновенно проследить языковое явление, статистическая наглядность данных [\[4, с. 187\]](#) приводит к качественно иному взгляду на словари, грамматики и само обучение иностранному языку. К.П. Чилингарян подчеркивает: «... корпусный характер словарей и грамматик повышает их надежность, достоверность и объективность» [\[5, 196\]](#).

Идея корпуса и конкорданса изначально связана с теорией контекстуализации Джона Руперта Фёрса (John Rupert Firth), британского ученого середины XX века, согласно которой, чтобы установить значение формы, необходимо помещать ее в контекст, при этом особую важность приобретают элементы, непосредственно предшествующие этой форме или следующие за ней [\[6, с. 42-43\]](#). Контекстуализация на лексическом уровне именуется «коллокацией», типичным и постоянным окружением языковой формы, ее

обычной «компанией» [\[6, с. 43\]](#).

Исследование синтагматических связей на основе текстовых корпусов получает широкое распространение в современных работах Ю.В. Богоявленской [\[7\]](#), Е.М. Химинец [\[8\]](#), З.Б. Долгих [\[9\]](#) и др. Причем сегодня все пространство «язык-речь» мыслится как континуум, которому свойственно взаимопроникновение и взаимодействие уровней, где, как отмечает М. В. Копотев, вместо «моделирования правил взаимодействия языковых единиц, разделенных на уровни» предлагается описание «параметров употребления» [\[10, 100\]](#), т.е. граница как между языковыми уровнями, так и между делением «язык-речь» становится предельно условной. Исследования последних лет свидетельствуют о том, что корпусные методы активно используются при изучении как при исследовании языка как для специальных целей (Л.Р. Комалова [\[11\]](#) рассматривает создание корпусов медицинской лексики, М.А. Кажарова изучает общие вопросы создания терминологических корпусов), так и в целом при изучении иностранного языка, помогая преодолевать интерференцию родного языка и развивая исследовательских интерес при изучении иностранного. Этим вопросам посвящены работы А.Э Черенды [\[13\]](#), О.Г. Гориной [\[4\]](#), К.П. Чилингарян [\[5\]](#), И. А. Котюровой [\[14\]](#).

Корпусные исследования, зародившись в англоязычной лингвистической среде, сегодня охватывают все больше языков: Ю.В. Богоявленская [\[15\]](#) изучает вопросы корпусной лингвистики на примере английского, французского и русских языков, И.А. Котюрова [\[14\]](#) – немецкого языка, З.Б. Долгих [\[9\]](#) на материале португальского языка, и др. Это стало возможным не только благодаря созданию как одноязычных, так и параллельных корпусов (к примеру, Национальный корпус русского языка постоянно расширяет базу параллельных корпусов) [\[16\]](#), но и благодаря корпусным менеджерам, которые позволяют работать с самостоятельно отобранными и помещенными в них массивами данных на различных языках, например, Sketch Engine [\[17\]](#), AntConc [\[18\]](#).

Методология

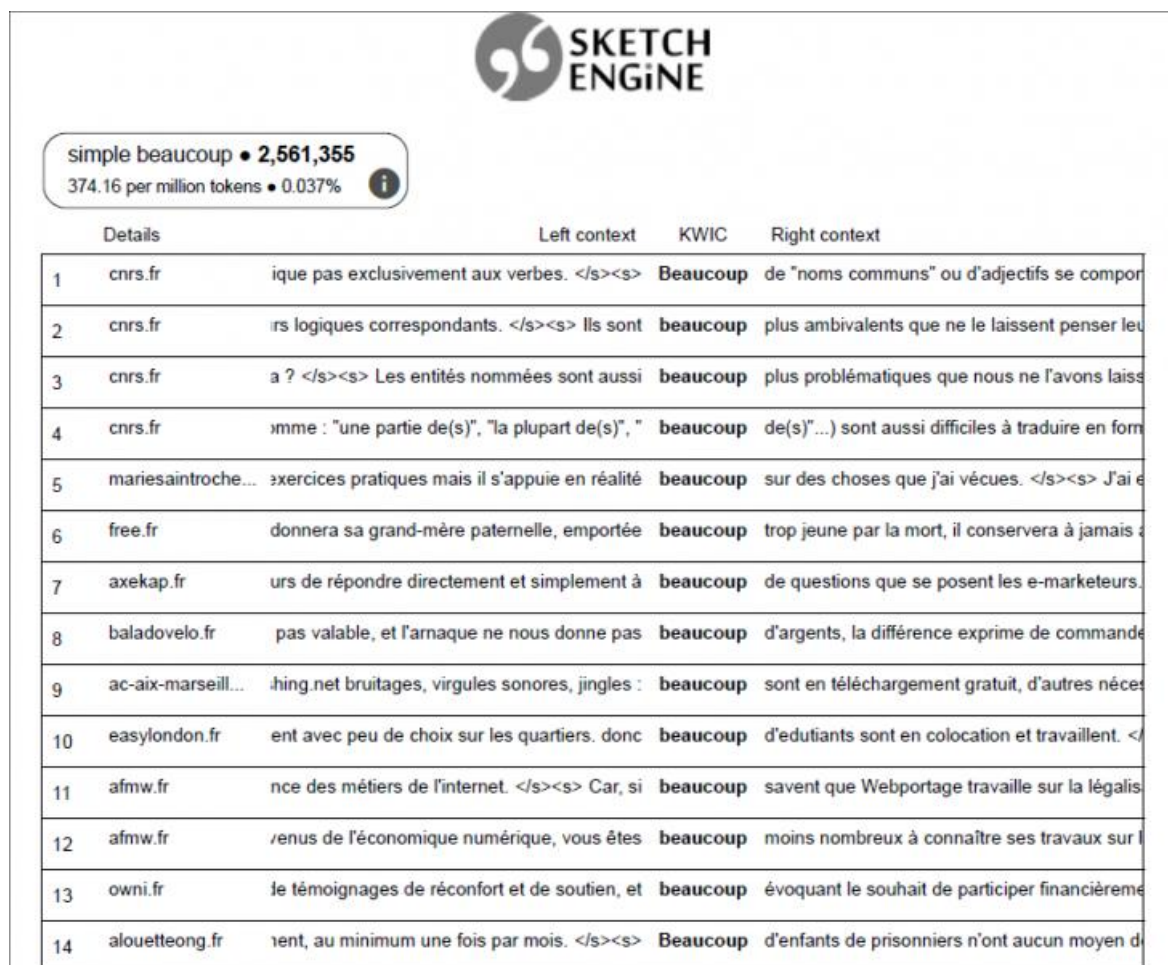
Целью статьи является обзор корпусных ресурсов, представленных исследовательскими центрами французского языка, и демонстрация возможностей корпусных методов в исследовательской работе и при изучении французского языка. Причем «исследование» и «изучение» в свете корпусных методов нам представляется как единой целое, поскольку их использование предполагает «открытия», совершаемые студентом, его собственные размышления над примерами и выводы об использовании.

Работа опирается в первую очередь на методы лингво-семантического анализа с использованием корпусного менеджера SketchEngine. Кратко опишем методологию работы с этим сервисом.

SketchEngine позволяет выполнять поиск по ключевым словам, результаты которого он представляет в виде конкорданса (списка всех употреблений искомого слова). Такое представление данных дает возможность наблюдать данные в двух измерениях: вертикальном, который соответствует парадигматической оси, и горизонтальном, соответствующим синтагматической оси. Вертикальная ось представляет совокупность вхождений ключевого слова в корпус, а именно совокупность возможных употреблений этого слова в языке, его парадигматическое измерение. Поэтому корпус, если рассматривать его по вертикальной оси, становится выражением языка.

Например, поиск по лексеме *beaucoup* нам выдает список конкордансов, изучив которые можно составить полную картину о многозначности данной лексемы (структура лексического значения взята из словарной статьи толкового словаря *Petit Robert* [19]):

1. Перед существительным *beaucoup* выступает в качестве количественного слова (*un grand nombre de, une grande quantité de*) - строчки 1, 7, 8, 10, 14.
2. в номинативной функции подлежащего (*de nombreuses choses, personnes*) – строчки 9, 11.
3. в качестве интенсификатора действия глагола – строчки 5, 13.
4. в качестве элемента степени сравнения – строчки 2, 3, 6, 12.

The screenshot shows the Sketch Engine interface with the search term 'simple beaucoup' and 2,561,355 results. Below the search bar is a table with 14 rows of concordance data. Each row includes a line number, a source domain, a snippet of text with the word 'beaucoup' highlighted, and the full context. The table is organized into columns: Details, Left context, KWIC, and Right context.

	Details	Left context	KWIC	Right context
1	cnrs.fr	ique pas exclusivement aux verbes. </s><s>	Beaucoup	de "noms communs" ou d'adjectifs se comport
2	cnrs.fr	rs logiques correspondants. </s><s> Ils sont	beaucoup	plus ambivalents que ne le laissent penser leu
3	cnrs.fr	a ? </s><s> Les entités nommées sont aussi	beaucoup	plus problématiques que nous ne l'avons laiss
4	cnrs.fr	omme : "une partie de(s)", "la plupart de(s)", "	beaucoup	de(s)..." sont aussi difficiles à traduire en fom
5	mariesaintroche...	exercices pratiques mais il s'appuie en réalité	beaucoup	sur des choses que j'ai vécues. </s><s> J'ai e
6	free.fr	donnera sa grand-mère paternelle, emportée	beaucoup	trop jeune par la mort, il conservera à jamais a
7	axekap.fr	urs de répondre directement et simplement à	beaucoup	de questions que se posent les e-marketeurs.
8	baladovelo.fr	pas valable, et l'arnaque ne nous donne pas	beaucoup	d'argents, la différence exprime de commande
9	ac-aix-marseill...	hing.net bruitages, virgules sonores, jingles :	beaucoup	sont en téléchargement gratuit, d'autres néces
10	easylondon.fr	ent avec peu de choix sur les quartiers. donc	beaucoup	d'edutians sont en colocation et travaillent. </
11	afmw.fr	nce des métiers de l'internet. </s><s> Car, si	beaucoup	savent que Webportage travaille sur la légalis
12	afmw.fr	venus de l'économie numérique, vous êtes	beaucoup	moins nombreux à connaître ses travaux sur l
13	owni.fr	le témoignages de réconfort et de soutien, et	beaucoup	évoquant le souhait de participer financièreme
14	alouetteong.fr	ient, au minimum une fois par mois. </s><s>	Beaucoup	d'enfants de prisonniers n'ont aucun moyen d

Рис. 1 – конкордансы по поиску **beaucoup** в Sketch Engine

Горизонтальная ось, напротив, представляет использование ключевого слова в определенном и конкретном языковом контексте, поэтому мы находимся на синтагматическом уровне: каждый конкорданс соответствует отдельному акту речи. Например, представим полный контекст употребления лексемы *beaucoup* в 8 конкордансе: *Aucune promesse n'est pas valable, et l'arnaque ne nous donne pas **beaucoup** d'argents, la différence exprime de commander le payant pour une utilisation accostable, nonobstant, un calcul de*

С точки зрения дидактики французского языка важно, чтобы студенты (как начального, так и продвинутого уровня) учились соблюдать обе оси, поскольку именно изучение этих двух измерений даст им возможность обнаружить закономерности, которые позволят систематизировать и усвоить правила использования языка. Но совершенно очевидно,

что тип и степень сложности заданий будут варьироваться в зависимости от уровня обучающихся.

Результаты

Корпусные ресурсы французского языка: краткий обзор.

Французские исследователи активно занимаются созданием и обработкой корпусных ресурсов, как для письменной [20], так и для устной речи [21]. Первым французским корпусом устной речи можно считать «Archives de la parole» (Архивы речи), собранные Фердинандом Брюно (Ferdinand Brunot) [22], профессором Парижского университета, в 1911-1914 гг. и отражающие особенности устной речи в представителях различных социальных слоев, проживающих в различных регионах Франции и, соответственно, говорящих на различных диалектах. Сегодня существует множество корпусов устной речи, которые, с одной стороны, как подчеркивает Н. Тупе, призваны сохранить «языковое наследие» [23], с другой, эффективно используются при изучении языка и, в частности, языка для специальных целей [24].

Что касается письменных ресурсов, то уже несколько десятилетий французская лексикография стремится доказать, что словари не являются «музеями» слов, предлагая новые типы словарей и новые пути их использования, в частности, при поиске коллокаций [25]. Как отмечают С. Fabre и М. Lecolle, это позволяет создавать своеобразный континуум между словарями и корпусами текстов [26]. В этом смысле особого внимания заслуживают как корпус *Frantext* [27], который изначально создавался в качестве источника языкового материала для словаря *Trésor de la langue française* с 1971 по 1994 гг., так и сам словарь *TLF*, который в бумажном виде содержит целых 16 томов, но уже давно существует в электронной версии *TLFi*, созданной Центром анализа и компьютерной обработки французского языка [28]. Именно электронная, а также онлайн-версия этого словаря убедительно демонстрирует плавный переход от словаря к корпусу, поскольку, благодаря особым функциям поиска, она позволяет не только просматривать обширные словарные статьи, но и производить поиск словоупотреблений или коллокаций во всех статьях словаря. С окончанием составления словаря *TLF* корпус текстов *Frantext* продолжил свое самостоятельное существование и развитие. Сегодня он представляет собой платный ресурс, который включает более 4500 произведений на французском языке, захватывая обширный пласт текстов, начиная с «Песни о Роланде» и до современных авторов. Корпус полностью аннотирован и предлагает широкий функционал для исследования (возможность делать выборку по эпохам, авторам, жанрам). Кроме того, корпус предлагает своего рода «инфраструктуру», благодаря контекстному меню, где для слова, представленного в конкордансе, можно сразу же увидеть определение и этимологию в доступных словарях. Таким образом, французские корпусные ресурсы следуют современной тенденции создания многомерной инфраструктуры языкового пространства, ценной для исследователя и дающей комплексное представление о языковых единицах, их сочетаемости, семантике и функциях.

Помимо ресурсов, предлагаемых французскими исследователями, как в исследовательской, так и в учебной работе могут с успехом применяться многоязычные корпусные менеджеры, на примере одного из которых (*SketchEngine*) мы продемонстрируем возможности обучения французскому языку. *SketchEngine* представляет собой универсальный инструмент как для исследования языковых

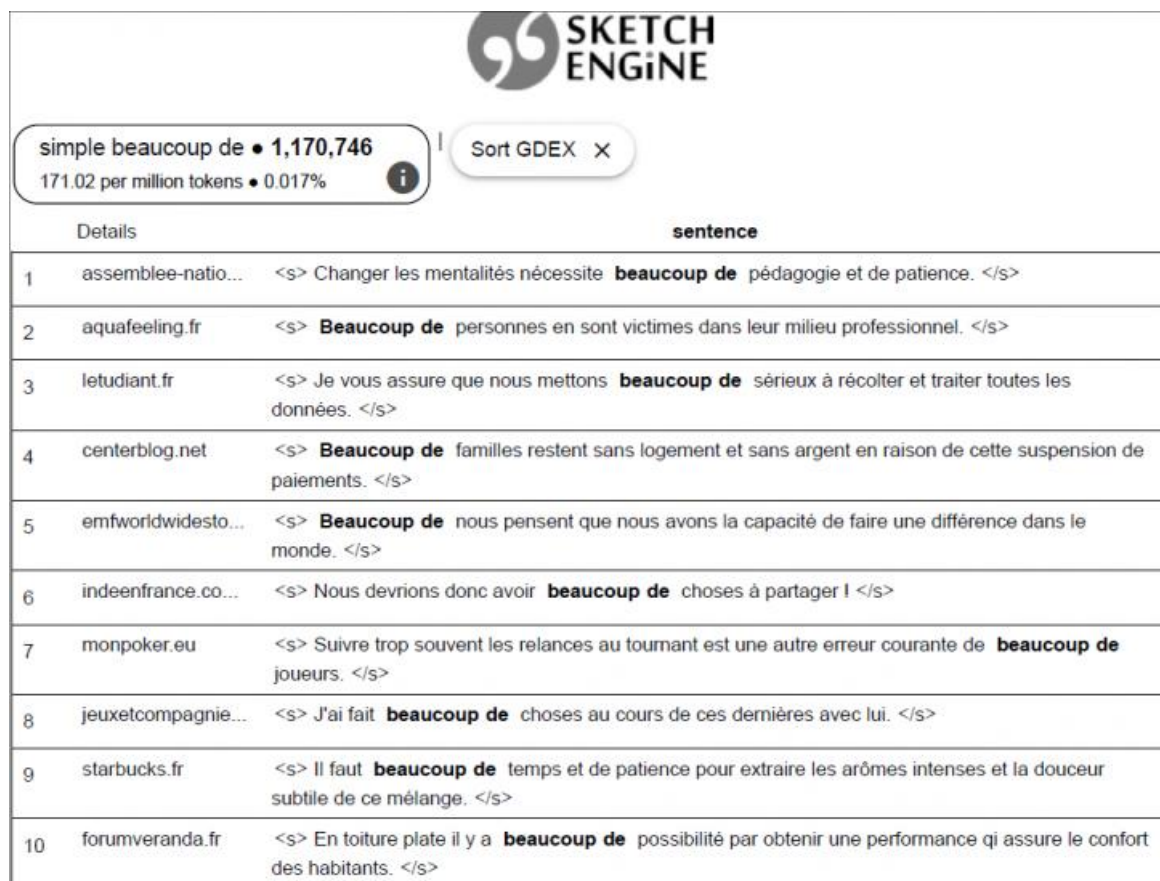
процессов, так и для изучения / преподавания иностранного языка. Данный ресурс содержит 500 готовых к использованию корпусов на более чем 90 языках, каждый из которых создан на базе интернет источников, представляя актуальное состояние языка, и имеет размер до 60 миллиардов вхождений, что обеспечивает репрезентативную, постоянно пополняемую языковую выборку. Кроме того, используя данный ресурс, исследователь может создавать свой собственный корпус для своих целей. Мы опираемся на данные представленного на платформе корпуса французского языка.

Специфика использования конкорданса в методике преподавания изучении французского языка.

В преподавании иностранного языка важной целью является формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Чем чаще студент будет сталкиваться с аутентичной речью, тем больше вероятность того, что его высказывание на иностранном языке будет соответствовать принятому узусу. Обучение языку с помощью непосредственного наблюдения языковых данных (data driven learning) было разработано в 90-е годы прошлого века. Согласно этому подходу, точкой отсчета в изучении языка становится непосредственное столкновение с языковыми данными, предоставляемыми пользователями языка [\[30, 41\]](#). То есть, чем чаще обучающийся будет встречать в процессе обучения образцовые модели, тем быстрее и качественнее проходит процесс овладения иностранным языком. Поскольку языковые корпуса представляют собой собрание аутентичных текстов (письменных или устных), содержащих множество образцовых языковых моделей, то применение корпусных данных в процессе обучения иностранному языку позволяет в простой и увлекательной манере овладеть этими моделями.

Конкорданс - это список всех случаев употребления в речи искомых слов. Зачастую этот список очень велик и требует предварительной обработки преподавателем, особенно если упражнения на его основе предназначены для начинающих. Слишком большое количество случаев и сложность контекстов может вызвать большие затруднения у студентов. Поэтому следует ограничить поиск или отфильтровать и предварительно отобрать лучшие образцы языковых моделей, к которым студенты будут иметь доступ.

Например, для формулирования правила употребления существительных после количественных слов во французском языке (на примере *beaucoup de*), список конкордансов, составленный по поиску леммы *beaucoup* (Рис. 1), не является представительным, так как в него попадают все значения этого слова, что вызывает определенные трудности для обучающихся. Чтобы устранить все лишние примеры из списка конкордансов, преподавателю предварительно необходимо провести поиск по ключевым словам *beaucoup de* и применить в Sketch Engine функцию *Good dictionary examples* (GDEX), которая автоматически выбирает наиболее простые и наглядные примеры.

The screenshot shows the Sketch Engine interface. At the top, the Sketch Engine logo is visible. Below it, a search bar contains the text 'simple beaucoup de' with a bullet point and the number '1,170,746'. To the right of the search bar is a button labeled 'Sort GDEX' with a close icon. Below the search bar, there are two tabs: 'Details' and 'sentence'. The 'sentence' tab is selected, and it displays a table of concordance results. The table has two columns: a numbered list (1-10) and the corresponding sentences. The phrase 'beaucoup de' is highlighted in bold in each sentence.

	Details	sentence
1	assemblee-natio...	<s> Changer les mentalités nécessite beaucoup de pédagogie et de patience. </s>
2	aquafeeling.fr	<s> Beaucoup de personnes en sont victimes dans leur milieu professionnel. </s>
3	letudiant.fr	<s> Je vous assure que nous mettons beaucoup de sérieux à récolter et traiter toutes les données. </s>
4	centerblog.net	<s> Beaucoup de familles restent sans logement et sans argent en raison de cette suspension de paiements. </s>
5	emfworldwidesto...	<s> Beaucoup de nous pensent que nous avons la capacité de faire une différence dans le monde. </s>
6	indeenfrance.co...	<s> Nous devrions donc avoir beaucoup de choses à partager ! </s>
7	monpoker.eu	<s> Suivre trop souvent les relances au tournant est une autre erreur courante de beaucoup de joueurs. </s>
8	jeuxetcompagnie...	<s> J'ai fait beaucoup de choses au cours de ces dernières avec lui. </s>
9	starbucks.fr	<s> Il faut beaucoup de temps et de patience pour extraire les arômes intenses et la douceur subtile de ce mélange. </s>
10	forumveranda.fr	<s> En toiture plate il y a beaucoup de possibilité par obtenir une performance qj assure le confort des habitants. </s>

Рис. 2 – конкордансы по поиску **beaucoup de** с функцией GDEX

Таким образом, в зависимости от уровня обучающихся и от поставленной педагогической задачи, преподавателю следует предварительно провести фильтрацию конкордансов.

Использование корпусов при составлении заданий на совершенствование лексических навыков.

1. Выявление семантических различий синонимичных слов.

Благодаря функции *Word Sketch Difference* менеджер Sketch Engine позволяет провести сравнительный поиск и выявить семантические различия между двумя лексемами. Например, результаты поиска по лексемам *dire* и *parler*, показывают, что глагол *parler* чаще используется с такими дополнениями, как *langue*, *langage*, а также с названием конкретных языков *fran ç ais*, *anglais*. В то время как глагол *dire* по большей части имеет такие дополнения, как *chose*, *merci*, *loi*, *contraire*, *v é rit é*. Из этого можно сделать вывод, что эквивалентом глагола *parler* может служить русский глагол *говорить*, а эквивалентом глагола *dire* – *сказать*. Задания такого типа легко могут выполнять обучающиеся начального уровня.

Рис. 3 – семантическая разница глаголов *parler* и *dire* .

2. Использование лингвистического корпуса для изучения словосочетаний.

Изучение иностранного языка, это не только и не столько механическое запоминание слов. Язык – это в первую очередь сочетаемость слов. Британский лингвист J. Sinclair [29] отмечал, что мы все мыслим шаблонами, сложившимися словосочетаниями, и знание этих правильных, принятых в употреблении в том или ином языковом обществе моделей, сложившихся сочетаний как раз и является важнейшим фактором успешной коммуникации.

Следует уточнить, что изучение коллокаций включает в себя не только предоставление студентам выборки лексических возможностей для увеличения своего словарного запаса, но и знакомство с устойчивыми словосочетаниями. Sketch Engine предоставляет информацию о сочетаемости искомых слов, благодаря функции *Word Sketch* , а функция *Thesaurus* позволяет получать списки семантически связанных слов. Так, функция поиска *Word Sketch* слова *pied* предоставляет следующие наиболее частотные коллокации типа «глагол + *pied* в функции объекта действия»: *lever – au pied levé; mettre – mis les pieds; poser – poser le pied; laver – laver les pieds; reposer – repose pieds; remettre – remettre les pieds; marcher – marcher pieds nus; traîner – traînant les pieds; garder – garder les pieds; joindre – à pieds joints; casser – casser les pieds* .

Обсуждение.

Как показал анализ литературы [7; 15], функциональные возможности французских корпусных ресурсов знакомы российским лингвистам, но недостаточно широко. Тем самым обзор, предпринятый в нашей работе, позволяет популяризировать их среди российских коллег. В то же время, последние работы демонстрируют использование корпусов для поиска и анализа конкретных языковых явлений в различных языках, в том числе во французском [7-9; 11; 14]. В статье также выявлены принципы и особенности обучения французскому языку с помощью корпуса SketchEngine, продемонстрированы конкретные способы использования возможностей системы при разграничении синонимов и изучении коллокаций. Исследуемые методы отражают общую актуальную тенденцию преодоления интерференции и развития исследовательского подхода в

обучении, активно используемую на материале английского языка [4; 5; 13], в то время как в обучении французскому языку в отечественных исследованиях на сегодняшний день делаются лишь первые шаги.

Заключение.

Мы убедились, что сегодня существуют самые разнообразные особым образом организованные корпусные ресурсы, представляющие французский язык как многомерное пространство и дающие новые возможности как для его исследования, так и для его изучения / преподавания. Корпуса позволяют получить доступ к новым данным или подсказкам для изучающих иностранный язык, наблюдать за устными маркерами, изучать живой, разговорный язык даже в условиях отсутствия непосредственного контакта с носителями языка. Мы считаем, что активное использование корпусных методов в преподавании / изучении языка позволит связать теорию с практикой, вывести правила использования языковых средств и поддержать интерес к процессу обучения.

Библиография

1. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: О некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
2. Kamber A., Dubois M. Corpus, grammaire et français langue étrangère : une concordance nécessaire // Linguistik Online. Vol. 78. Issue 4. 2016. Pp. 3+. URL: link.gale.com/apps/doc/A486694960/LitRC?u=anon~7963ab96&sid=googleScholar&xid=b7e41a56. (дата обращения 20.01.2022).
3. Di Vito S. L'utilisation des corpus dans l'analyse linguistique et dans l'apprentissage du FLE // Linx. 2013. № 68-69. Pp. 159 – 176. URL: <https://journals.openedition.org/linx/1519> (дата обращения 10.01.2022).
4. Горина О. Г. Инструменты корпусного анализа в обучении иностранному языку // Вестн. Том. гос. ун-та. 2018. № 435. С. 187 – 194. doi:10.17223/15617793/435/24
5. Чилингарян К.П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 196—218. doi:10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218.
6. Лузина Л.Г. Джон Руперт Фёрс // Европейские лингвисты XX века. 2001. № 2001. С. 35 – 50.
7. Богдавленская Ю.В. Парцеллограмма и парцеллярная сетка: корпусное исследование // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 4-10.
8. Химинец Е.М. Исследование структурно-семантических схем коллокаций лексемы «Mission» во французских газетах Libération и le Figaro // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 4. С. 37–47.
9. Долгих З.Б. Обзор ряда корпусных возможностей в сфере лингвистических исследований (на примере анализа средств градуирования в португальском языке) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 5 (795). С. 21 – 31.
10. Копотев М. В. О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка // Филологический класс. 2021. № 2. С. 90 – 101. doi:10.51762/1FK-2021-26-02-07
11. Комалова Л.Р. Корпусные исследования в лингвистике применительно к

- медицинской практике // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2020. № 1. С. 115-122.
12. Кажарова М.А. Корпусная лингвистика и специализированные языки в лексикологии и терминологии // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 12. С. 230-238.
13. Черенда А.Э. Корпусная лингвистика и обучение через исследования // Международный научный журнал «Вестник науки». 2020. № 11 (32). Т.1. С.28-34.
14. Котюрова И.А. Создание корпусов учебных текстов как развивающееся направление корпусной лингвистики // Международный научный журнал. 2020. № 5. С. 100-108. doi:10.34286/1995-4638-2020-74-5-100-108
15. Богоявленская Ю. В. Сопоставительный объектно-ориентированный корпус: определение понятия и принципы формирования // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. № 9. С. 3 – 12.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 12.01.2022).
17. SketchEngine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (дата обращения 20.12.2021).
18. Страница разработчика корпусного менеджера AntConc Антонио Лоуренса. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (дата обращения 20.01.2022).
19. Le Robert Dico en ligne. URL : <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения 14.01.2022).
20. Debaisieux J.-M. Analyses linguistiques sur corpus : subordination et insubordination en français. Hermes Lavoisier. 2013. 503 p.
21. Cordereux P. Comment indexer les corpus oraux? // Histoire Epistémologie Langage. No. 38/2. 2016. Pp. 101-113. URL : https://www.persee.fr/doc/hel_0750-8069_2016_num_38_2_3564 (дата обращения 12.01.2022).
22. Brunot F. Archive de la Parole. URL: <https://gallica.bnf.fr/html/und/enregistrements-sonores/archives-de-la-parole-ferdinand-brunot-1911-1914?mode=desktop> (дата обращения 20.01.2022).
23. Tyne H. Corpus oraux par et pour l'apprenant // Mélanges CRAPEL. Centre de recherches et d'applications pédagogiques en langues. 2009. No. 31. Pp.91-111. URL: https://hal.archives-ouvertes.fr/file/index/docid/416544/filename/TYNE_MELANGES.pdf (дата обращения 13.01.2022).
24. Bourhis V., Gagnon R. (Eds.). Les corpus parlés et leur didactisation: quelle parole (ap)prise dans l'espace de la classe ? Vol. 198. 2020. Paris, France: Didier Érudition Klincksieck.
25. Tutin A. Le dictionnaire de collocations est-il indispensable? // Revue française de linguistique appliquée. Vol. X, No. 2. 2005. Pp. 31-48. doi:10.3917/rfla.102.48
26. Fabre C., Lecolle M. S'approprier des instruments d'observation de la langue pour élaborer des recherches : le TLFi et Frantext pour des étudiants de linguistique // Pratiques. No. 143-144. 2009. Pp. 139-152. URL: <https://journals.openedition.org/pratiques/1424> (дата обращения 15.01.2022).
27. Корпус Frantext. URL: <http://www.frantext.fr> (дата обращения 10.01.2022).
28. Trésor de la Langue Française informatisé. URL : <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (дата обращения 20.01.2022).
29. Sinclair J. The search for units of meaning // Textus. 1996. No. 9 (1). Pp. 75–106.
30. Auzéau F., Abiab L. Le corpus : un outil inductif pour l'enseignement-apprentissage de

la grammaire // Synergies France. No. 12. 2018. Pp. 175-187.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Корпусные методы в исследованиях и изучении/преподавании французского языка», несомненно рассматривается актуальная тема как романского языкознания, а также демонстрируемая методология проведения корпусных исследований и обсуждаются методические аспекты лингводидактики. Автор представляет интересный материал с научной точки зрения, который имеет весомое значение для теории и практики как романской филологии, так и для корпусной лингвистики и теории обучения иностранным языкам.

Отметим, что данная работа вносит вклад в изучения не только корпусных исследований, но и обращает внимание лингвистов на, возможно, незаслуженно обделенный вниманием французский язык в свете «бума» изучения китайского и испанского языков и глобального – английского.

Глобализация как неотъемлемая часть нашей жизни, мультикультурность и полиязычность мировых мегаполисов побуждает исследователей все больше внимания обращать на проблемы межкультурной коммуникации и методики эффективного преподавания языков.

Целью статьи является обзор корпусных ресурсов, представленных исследовательскими центрами французского языка, и демонстрация возможностей корпусных методов в исследовательской работе и при изучении французского языка.

Работа опирается в первую очередь на методы лингво-семантического анализа с использованием корпусного менеджера SketchEngin.

Одним из аспектов работы является демонстрация опыта успешного применения корпусов в обучении на разных этапах освоения французского языка.

Статья структурирована, состоит из введения, основной части, описания результатов исследования и представления выводов. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Исследование выполнено в русле современных лингвистических подходов. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Постулируемое автором иллюстрируется практическим языковым материалом.

Следует отметить библиографию, содержащую 30 позиций, среди которых представлены как отечественные, так и зарубежные источники. Считаем, что для всестороннего рассмотрения исследуемого вопроса немаловажным было бы обращение к большему количеству фундаментальной научной литературы: монографиям и диссертациям.

Однако непонятно нарушение автором общепринятого принципа составления списка используемой литературы в алфавитном порядке и отделения работ на русском языке от зарубежных изданий.

К техническим погрешностям стоит также отнести ссылку на источник 2 (недоступен).

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам-романистам, лингвистам, студентам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана научным языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи положительное, работа

может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чьонг Т. — Особенности антропонимического комплекса во вьетнамском и русском языках // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39754 EDN: HICXVU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39754

Особенности антропонимического комплекса во вьетнамском и русском языках

Чьонг Тхи Суан Хьонг

аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ xuanhuong203@gmail.com

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39754

EDN:

HICXVU

Дата направления статьи в редакцию:

07-02-2023

Дата публикации:

14-02-2023

Аннотация: В статье представлены результаты контрастивного описания фрагмента картины мира вьетнамского и русского — двух неродственных и не соседствующих народов. Объектом проведенного исследования стала антропонимическая лексика современных вьетнамского и русского языков, предметом исследования являются общие и несовпадающие черты антропонимического комплекса рассматриваемых языков. Исследование проведено на материале словарей и культурологических работ, посвященных русской и вьетнамской лингвокультурам. Результатом анализа является сделанные автором выводы о сходстве и различиях, полученные при контрастивном анализе антропонимов двух неродственных языков. Автор считает неверной тенденцию к сокращению вьетнамского антропонимического комплекса, а также перестановку его компонентов при упоминании и цитировании в научной литературе. Общим на формальном уровне является неизменная структура официального имени, закрепленный характер элементов антропонимического комплекса, связь с патронимом, наследование фамилии от отца к детям, в настоящее время фамилия не имеет семантической оформленности. Также общим для вьетнамского и русского языков стало происхождение

элементов антропонимического комплекса из характеристики человека по характеру, внешности, профессии. Характерным аспектом русских антропонимов является возможность инверсионного употребления элементов антропонимического комплекса, формат которого закреплен за определенным контекстом/стилем. Русские имена и фамилии характеризуются большим разнообразием по происхождению и семантике. Флективный характер русского языка диктует обязательность словоизменения частей антропонимического комплекса. Материалы и выводы исследования могут быть использованы при обучении русскому и вьетнамскому языку, отдельные выводы могут быть включены в общую теорию антропонимии.

Ключевые слова:

антропонимикон, антропонимический комплекс, семантика имени, происхождение имени, фамилия, личное имя, среднее имя, вьетнамский язык, русский язык, лингвокультурология

Введение

Контрастивный анализ известен как один из наиболее распространенных методов современной лингвистики и представляет собой сравнительное описание двух и более языков, один из которых, как правило, является родным для автора исследования. Целью анализа данного типа становится определение взаимных структурных соответствий и различий. В лингвистике контрастивный метод впервые применен в совместной работе И.А. Стернина и К. Флекенштейна «Очерки по контрастивной лексикографии и фразеологии» [1]. В работах, выполненных данным методом, ставится задача выявления и описания категорий и свойств сопоставляемых языков, отражающих их национальную специфику. На материале вьетнамского и русского языков наибольшее развитие данный метод получил в лексикологии [2] и паремиологии [3]; к настоящему времени известны также работы, посвященные различным аспектам морфологии [4], фонетики [5], синтаксиса [6]. Известно, что семантика антропонимических единиц отражает особенности каждой лингвокультуры, тем не менее, отсутствуют научные работы, посвященные сопоставлению данного фрагмента вьетнамской и русской лингвокультур, что определяет актуальность нашего исследования. Его гипотезой стало предположение о том, что несмотря на принадлежность вьетнамского и русского языков к разным языковым типам и семьям, можно обнаружить лексико-семантические, формальные и грамматические черты сходства, определяемые общими внутренними закономерностями языкового развития.

Методологической основой исследования стали работы по антропонимике вьетнамских и российских лингвистов: М. Я. Блоха и Т. Н. Семеновой [7], М. Л. Ковшовой [8], И. А. Королевой [9], М. А. Кронгауза [10], А. В. Суперанской [11; 12], М. А. Сюннерберга [13], Л. М. Щетинина [14; 15], Dương Lan Hải [16], Lê Trung Hoa [17; 18], Nguyễn Quang Lê [19] и др., а также культурологические исследования Thượng Tọa Thích Thanh Duệ, Nguyễn Bích Hằng и Lê Thị Uyển [20], Trần Ngọc Thêm [21] и Trương Hữu Quỳnh [22].

Материалы и результат исследования. Исследование проведено на языковом материале, полученном из словарей антропонимов русского языка, теоретических работ, посвященных русскому и вьетнамскому антропонимиконам, лингвокультурологических исследований. Проведенное сопоставительное исследование позволило сделать выводы

о наличии таких общих и специфических черт антропонимического комплекса, как 1) формальный состав имен и 2) происхождение имен.

Общие черты

Формальный состав. Полный антропонимический комплекс во вьетнамском языке состоит из трех или четырех слов. Общим с русским языком является вычленяемая фамилия, которая переходит к ребенку от родителей, и два имени (среднее и личное), например, *Нгуен Шинь Шак* (*Nguyễn Sinh Sắc*), известный общественный деятель Вьетнама, и его сын *Нгуен Шинь Кунг* (имя при рождении *Хо Ши Мина*). Полный антропонимический комплекс современного русского языка состоит также из трех слов и представляет собой фамилию, имя и отчество: *Иванов Александр Петрович*. Общим для рассматриваемых языков является тенденция создания антропонимического комплекса на базе именовании по имени главы семьи.

Происхождение. Происхождение вьетнамских фамилий определено двумя основными источниками: китайским антропонимиком, связанным с длительным присутствием китайцев на территории Вьетнама, и общим влиянием китайской культуры в регионе, что повлекло появление смешанных семей, определяемых китайскими по происхождению словами, например, *Ван* (*Văn* от китайского 文, составляет > 0,01 % от общего числа вьетнамских фамилий) и *Ли* (*Lý* от китайского 李, составляет 0,5 % от общего числа вьетнамских фамилий) (см. Таблицу 1). Второй способ — собственно вьетнамские лексические единицы, которыми называли малочисленные народы Вьетнама, а также представителей социальных групп, например, фамилию *Тхить* (*Thích*, составляет 0,5 % от общего числа вьетнамских фамилий) давали монахам-буддистам.

Таблица 1

Популярные вьетнамские фамилии в процентном соотношении по данным, полученным из открытых источников

(Вьетнамские имена и фамилии | Лингвоблог. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20120123030128/http://www.lingvoblog.com/j-note105> (дата обращения: 29 июля 2012))

Фамилия (написанная по-русски)	Фамилия (написанная на вьетнамском)	Процентное соотношение к общему числу вьетнамских фамилий
Нгуен	<i>Nguyễn</i>	38,4%
Чан	<i>Trần</i>	11%
Ле	<i>Lê</i>	9,5%
Фам	<i>Phạm</i>	7,1%
Хуинь/ Хоанг	<i>Huỳnh/ Hoàng</i>	5,1%
Фан	<i>Phan</i>	4,5%
Ву/ Во	<i>Vũ/ Võ</i>	3,9%
Данг	<i>Đặng</i>	2,1%
Буй	<i>Bùi</i>	2%
До	<i>Đỗ</i>	1,4%
Хон	<i>Hồ</i>	1,3%

Нго	<i>Ngô</i>	1,3%
Зыонг	<i>Dương</i>	1%
Ли	<i>Lý</i>	0,5%

Общим с русским языком для элементов вьетнамского антропонимического комплекса являются такие основания образования, как личные характеристики человека, профессия, родовые названия (патронимы и матронимы), заимствованная лексика (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Элементы антропонимического комплекса по происхождению

Основания	Русский язык	Вьетнамский язык
Характеристика внешнего вида	<i>Кривоносов</i> , <i>Великанов</i> , <i>Малых</i>	<i>Ту (Tú)</i> 'элегантный', <i>Хуэ (Huệ)</i> 'красивая' <i>Нхо (Nhỏ)</i> 'маленький'
Характеристика характера	<i>Неупокоев</i> , <i>Шальных</i>	<i>Иэн (Yên)</i> 'спокойный'
Характеристика по профессии предка	<i>Винокуров</i> , <i>Кузнецов</i> , <i>Портнов</i>	<i>Куан (Quan)</i> 'военный', <i>Виен (Viện)</i> 'писарь при дворе'
Родовые названия, патронимы, матронимы	<i>Пушкин</i> , <i>Юсупов</i> (от рода); <i>Сергеев</i> , <i>Павлов</i> (от патронима); <i>Маринин</i> , <i>Марфин</i> (от матронима)	все вьетнамские фамилии образованы от наименования рода: <i>Фан (Phan)</i> от китайского рода <i>Фань (范)</i>
Географическое название	<i>Казанцев</i> , <i>Амурцев</i> , <i>Вяземский</i>	<i>Динь (Dinh)</i> от слова 'дворец' = живший/работавший в столице
Заимствованное слово	<i>Хабаров</i> , <i>Абаев</i> (тюркское происхождение исходного имени), <i>Ольгин</i> (скандинавское происхождение исходного имени), <i>Арсеньев</i> (греческое происхождение исходного имени)	<i>Нго (Ngô)</i> , <i>Динь (Đinh)</i> , <i>Хо (Hồ)</i> , <i>Чинь (Trịnh)</i> , <i>Нгуен (Nguyễn)</i> и мн. другие имеют китайское происхождение

Основные различия

Формальный состав. Фамилия. Важным отличием антропонимических комплексов русского и вьетнамского языков с точки зрения их состава является 1) обязательный порядок слов, не предполагающий инверсии: фамилия + среднее имя + личное имя (одно или два слова). Например: *Чыонг Тан Шанг (Trương Tấn Sang)* или *Нгуен Тхи Ким Нган (Nguyễn Thị Kim Ngân)* и 2) наследование фамилии ребенком от отца по причине

сохранения женщинами собственной фамилии после замужества [\[25\]](#).

Тем не менее, вьетнамские лингвисты отмечают тенденцию к появлению антропонимического комплекса, состоящего из четырех элементов, в котором два первых элемента являются фамилиями отца и матери, далее среднее имя и личное имя, например, **Чан Нгуен Фьонг Май** (Trần Nguyễn Phương Mai) [\[13\]](#).

Частным случаем является инверсивное использование вьетнамского антропонимического комплекса вьетнамцами, ассимилировавшимися в европейских странах или США, например, *Дастин Нгуен* (от вьетнамского *Нгуен Суан Чи* , *Nguyễn Xuân Trí*).

Поскольку существует ограниченное количество вьетнамских фамилий (см. Таблицу 1), основную различительную функцию несут личные имена, которые отличаются большим разнообразием. Это является причиной использования личного имени для различения и для обращения во Вьетнаме: обращение в аудитории к студенту из Вьетнама *Фан Нгуен Хань* предполагает употребления последнего элемента антропонима: *Хань* !

Русский антропонимический комплекс предлагает использование фамилии + имени + отчества как в полном варианте, так и в усеченном (без отчества), в сокращенном (фамилия и имя в неполной форме), в инверсивном (имя + фамилия; имя + отчество + фамилия):

Иванова Анна Петровна — употребляется в формате списка, в официальных документах, удостоверяющих личность и т.д.: «... справка выдана (кому?) *Пырьевой Анастасии Андреевне* ; справка выдана (кем?) *Пырьевой Анастасией Андреевной* » [\[26\]](#);

Иванова А. П. — сокращенный вариант для списка, перечисления, упоминания преимущественно в официально-деловом и научном стиле: «Добавим, что подробно об этой проблеме написано в работе Е. В. Бешенковой и О. Е. Ивановой «Теория и практика нормирования русского письма», опубликованной на сайте Орфографической комиссии» [\[26\]](#);

Иванова Анна — употребляется чаще всего для именованья ребенка или подростка: «Поздравляем Иванова Ивана, ученика 4 класса А, и его руководителя Иванову А. А. с победой в конкурсе» [\[26\]](#);

Анна Петровна Иванова — инверсионное употребление, характерное для официальных документов предметной направленности, например, в характеристике конкретного человека: «Каждый знает имя героического лейтенанта Черноморского флота Петра Петровича Шмидта, композитора Петра Ильича Чайковского, русских флотоводцев Степана Осиповича Макарова, Федора Федоровича Ушакова и многих других выдающихся людей прошлого» [\[12, с. 123\]](#);

Анна Иванова — инверсионное неполное употребление, характерное для указания на ребенка, подростка или на взрослого в неформальном общении: «Приз лучшему игроку вручили Сергею Иванову» [\[26\]](#);

Аня Иванова — инверсионное неполное употребление, характерное для указания на ребенка или близкого взрослого человека в неформальном общении, обращении при потенциальной или реальной возможности нахождения рядом нескольких Ивановых; часто используется для создания творческого псевдонима, например *Дима Билан* , *Катя*

Лель .

Среднее имя. Особенностью вьетнамского языка является наличие среднего имени, которое лингвисты относят к более позднему, чем фамилия, компоненту антропонимического комплекса [17; 22].

Выделяются следующие основные функции среднего имени во вьетнамском языке:

1) различие по роду, связанное с семантикой среднего имени, например, *Тхи (Thị)* маркирует женщину, т.к. имеет значение 'трудолюбивая, умная девушка'. К средним именам данного типа относятся также *Зиеу (Diệu)* со значение 'красивая' и *Ны (Nữ)* со значение 'мягкая'. Примером антропонима, указывающего на мужчину, является *Ван (Văn)*, имеющий значение 'литература', таким образом, при выборе данного имени родители надеются, что оно расположит мальчика к учебе;

2) маркирование семьи, клана, вызванное необходимостью разделения носителей одной фамилии на родственников и однофамильцев: *Đặng Ngọc*, *Đặng Vũ*, *Đặng Xuân* (три разных рода).

Личное имя. Наиболее важной частью вьетнамского антропонимического комплекса является личное имя, о чем свидетельствует его вьетнамское название *tên chính* 'основное имя' или *tên gọi* 'назывное имя, которым называют' [13]. Во Вьетнаме не отмечена традиция имянаречения в честь великих людей и именами, которые являются заимствованными словами [20]. В первом случае мотивацией является признак грубости и неуважения при повторении имени великого человека, во втором случае — важность семантической нагрузки личного имени ребенка.

Интересным являются такие традиции имянаречения, как:

1) выбор имени согласно году рождения (= восточному гороскопу), которая предполагает, например, детей 2006 года рождения называть лексической единицей *Туат (Tuất)* со значением 'собака', однако исследователи отмечают постепенный отход от данной традиции [25];

2) подбор имени новорожденному ребенку с учетом имен его старших братьев и сестер, например, выбор всех имен по названию цветка / растения, например, *Мок (Mộc)* со значением 'дерево', *Бач (Bách)* со значением 'кипарис' и *Ли (Ly)* со значением 'лилия' для детей одной семьи; страны — *Нга (Nga)* со значением 'Россия' и *Дык (Đức)* со значением 'Германия'; одной буквы алфавита — *Н -Hải*, *Hiếu*, *Hùng*, *Hồng*, *Hương*, *Hoà*, *Hà*. Часто имена детей одной семьи образуют лозунги:

- *Бинь (Binh)* + *Тинь (Tinh)* + *Чиен (Chiến)* + *Дау (Đầu)* = *Binh Tinh Chiến Đầu* со значением 'Будьте сами собой, боритесь достойно';

- *Бак (Bắc)* + *Нам (Nam)* + *Тхонг (Thống)* + *Нят (Nhất)* = *Bắc Nam Thống Nhất* со значением 'Север и юг едины';

- *Вьет (Việt)* + *Нам (Nam)* + *Чиен (Chiến)* + *Тханг (Thắng)* = *Việt Nam Chiến Thắng* со значением 'Вьетнам победит' [13].

В русском языке основными особенностями антропонимического комплекса являются:

- его грамматическая оформленность, при которой в зависимости от категории рода и числа антропонимы обладают словоизменительной функцией, например:

Иванова Анна Петровна (флексия **-а** выражает такое грамматическое значение, как: женский род, единственное число, именительный падеж; суффиксы **-ов** - и **-н** - маркируют связь с патронимом); *Иванов Алексей Петрович* ; *Ивановы* (брат и сестра); *Петровичи* (брат и сестра Ивановы);

- большое количество источников заимствования личных имен, что обусловлено включенностью русской лингвокультуры в европейскую традицию, таким образом, русский именник формируется из таких источников, как: древнегреческая (*Алексей* , *Арсений* , *Афина* , *Агния*) и римская (*Эвелина* , *Эмилия* , *Марк* , *Феликс*) культура; славянская культура (*Святослав* , *Вера* , *Любовь* , *Людмила*); библейская, прежде всего, древнееврейская культура (*Мария* , *Гавриил* , *Анна*); романские по происхождению имена (*Наталья* , *Аврора* , *Венера* , *Роман*); германские по происхождению имена (*Адель* , *Алина* , *Альберт* , *Амалия*); тюркские по происхождению имена (*Тимур* , *Руслана*) и т.д.

Заключение

Таким образом, формальные и содержательные черты антропонимов в рассматриваемых языках находят много общих черт. Общим на формальном уровне является неизменная структура официального имени, закрепленный характер элементов антропонимического комплекса, связь с патронимом, наследование фамилии от отца к детям, отсутствие семантической оформленности фамилии в настоящее время. Также общим для вьетнамского и русского языков стало происхождение элементов антропонимического комплекса из характеристики человека по роду, характеру, внешности, профессии. В сопоставляемых языках отмечаются заимствования преимущественно на уровне фамилии (вьетнамский язык) и имени (русский язык).

Характерным аспектом русских антропонимов является возможность инверсионного употребления элементов антропонимического комплекса, формат которого закреплен за определенным контекстом/стилем. Русские имена и фамилии характеризуются большим разнообразием по происхождению и семантике. Флективный характер русского языка диктует обязательность словоизменения частей антропонимического комплекса.

Особенностью вьетнамского языка на формальном уровне является важность употребления среднего имени, которое служит для различения однофамильцев и отчасти указания на пол его носителя, а также необходимость в сохранении полного вьетнамского антропонимического комплекса без перестановки его компонентов при упоминании в официально-деловой и цитировании в научной литературе, что является частотной ошибкой в употреблении вьетнамского антропонимического комплекса, например, в русском или английском тексте.

Библиография

1. Стернин И. А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. Галле: университет Мартина Лютера Галле, 1989. 129 с.
2. Нгуен Т. Х. Н., Перфильева Н. В. Ориентационная метафора в экономическом дискурсе (на материале заголовков российских и вьетнамских интернет-изданий) // Litera. 2022. № 5. С. 65—78. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.5.37846
3. Ковшова М. Л., Хоанг Тхи Фьонг Ха. Эмоция «Удивление» и способы ее концептуализации в русской и вьетнамской фразеологии // Язык, сознание, коммуникация. М., 2014. С. 159—166.
4. Буй Х. Т. Значения видо-временной формы русского глагола и способы их

- выражения во вьетнамском языке // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 4. С. 70.
5. Фан Нгуен Хань, Новоспаская Н. В. Французские заимствования во вьетнамском языке и их особенности // Язык как искусство: функциональная семантика и поэтика: сб. статей. М.: РУДН, 2022. С. 411–418.
 6. Ха Т. Ч. Учёт особенностей вьетнамского языка в системе русско-вьетнамского и вьетнамско-русского машинного перевода // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2007. № 77 (2). С. 206–210.
 7. Блох М. Я., Семенова Т. Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике. М.: Готика, 2001. 196 с.
 8. Ковшова М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019.
 9. Королева И. А. Становление русской антропонимической системы: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 2000. 40 с.
 10. Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Р. М. Фрумкина (ред.). Экспериментальные методы в психолингвистике. М.: Наука, 1987. С. 118–132.
 11. Суперанская А. В. Имя через века и страны. М.: Наука, 1990. 188 с.
 12. Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1991.
 13. Сюннерберг М. А. Система вьетнамских имен и фамилий. М.: "Ключ-С", 2014. 68 с.
 14. Щетинин Л. М. Актуальные вопросы прикладной ономастики. Ростов-на-Дону, издательство Ростовского университета, 1978 а.
 15. Щетинин Л. М. Русские имена (очерки по донской антропонимии). Ростов-на-Дону, издательство Ростовского университета, 1978 б.
 16. Dương Lan Hải. Bàn thêm một số điểm xung quanh việc viết hoa tên riêng // Ngôn ngữ. 1972. №. 1. (Зыонг Лан Хай. Несколько замечаний о написании личных имен заглавными буквами // Лингвистика. 1972. № 1.
 17. Lê Trung Hoa. Cách đặt tên chính của người Việt, (Kinh), Tiếng Việt và các ngôn ngữ dân tộc phía nam. H.N.: KHXH, 1992 а. (Ле Трунг Хоа. Как назвать вьетнамца (Кинь), вьетнамский и другие этнические языки. Ханой: Социальные науки, 1992).
 18. Lê Trung Hoa. Họ và tên người Việt Nam. H.N.: KHXH, 1992. (Ле Трунг Хоа. Вьетнамские имена. Ханой: Социальные науки, 1992).
 19. Nguyễn Quang Lệ. Về việc viết hoa tên riêng // Ngôn ngữ. 1972. № 4. (Нгуен Куанг Ле. О написании личных имен заглавными буквами // Лингвистика. 1972. № 4).
 20. Nguyễn Tài Cẩn. Từ loại danh từ trong tiếng Việt hiện đại. H.N.: KHXH, 1975 (Нгуен Тай Кан. О типах существительных в современном вьетнамском языке. Ханой: Социальные науки, 1975).
 21. Phan Kế Bính. Việt Nam phong tục. H.N., 2011. (Фан Ке Бинь. Вьетнамские обычаи. Ханой: Литература, 2011).
 22. Thượng Tọa Thích Thanh Duệ, Nguyễn Bích Hằng, Lê Thị Uye ^ n. Phong tục và lễ nghi cổ truyền Việt Nam. H.N.: Văn hóa-thông tin, 2007. (Тхыонг Тоа Тхич Тхань Зуе, Нгуен Бич Ханг, Ле Тхи Уиен. Традиционные вьетнамские обычаи и ритуалы. Ханой: Культура и информация, 2007).
 23. Trần Ngọc Thêm. Cơ sở văn hóa Việt Nam. H.N.: Giáo dục, 2011. (Чан Нгок Тхем. Культурные традиции Вьетнама. Ханой: Образование, 2011).
 24. Trương Hữu Quýnh. Tìm hiểu những mặt hạn chế và tiêu cực trong di sản truyền thống của dân tộc ta // Các giá trị truyền thống và con người Việt Nam hiện nay. Tập II. H.N.,

1996. Tr. 55—95. (Чыонг Хиу Куинь. Понимание ограничений и негативных аспектов нашего традиционного наследия // Традиционные ценности и современные вьетнамцы. Том 2. Ханой, 1996, С. 55—95).
25. Quốc triều hình luật. H.N.: Pháp lý, 1991. (Национальная правовая система. Ханой: Юридическая литература, 1991).
26. Справочно-информационный портал Грамота.ру — русский язык для всех. Режим доступа: <http://www.gramota.ru> (дата обращения: 13.01.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Контрастивный анализ известен как один из наиболее распространенных методов современной лингвистики и представляет собой сравнительное описание двух и более языков, один из которых, как правило, является родным для автора исследования. Целью анализа данного типа становится определение взаимных структурных соответствий и различий. Предметом специального изучения становится антропонимический комплекс во вьетнамском и русском языках. Автор работы отмечает, что «проведенное исследование позволило сделать выводы о наличии таких общих и специфических черт антропонимического комплекса, как 1) формальный состав имен и 2) происхождение имен». Методология исследования выверена, разночтений и противоречий нет. Объем практических данных полновесен, что говорит о тщательной разверстке темы. Объективность примеров не вызывает сомнений: «Анна Петровна Иванова — инверсионное употребление, характерное для официальных документов предметной направленности, например, в характеристике конкретного человека: «Каждый знает имя героического лейтенанта Черноморского флота Петра Петровича Шмидта, композитора Петра Ильича Чайковского, русских флотоводцев Степана Осиповича Макарова, Федора Федоровича Ушакова и многих других выдающихся людей прошлого», или «личное имя. Наиболее важной частью вьетнамского антропонимического комплекса является личное имя, о чем свидетельствует его вьетнамское название tên chính 'основное имя' или tên gọi 'назывное имя, которым называют'. Во Вьетнаме не отмечена традиция имя наречения в честь великих людей и именами, которые являются заимствованными словами. В первом случае мотивацией является признак грубости и неуважения при повторении имени великого человека, во втором случае — важность семантической нагрузки личного имени ребенка» и т.д. Стиль сочинения соотносится с собственно научным типом, термины и понятия вводятся в основной текстовый массив с учетом коннотаций. Работа самостоятельна, оригинальна, интересна. В заключительном блоке отмечено, что «характерным аспектом русских антропонимов является возможность инверсионного употребления элементов антропонимического комплекса, формат которого закреплен за определенным контекстом/стилем. Русские имена и фамилии характеризуются большим разнообразием по происхождению и семантике. Флективный характер русского языка диктует обязательность словоизменения частей антропонимического комплекса», «особенностью же вьетнамского языка на формальном уровне является важность употребления среднего имени, которое служит для различения однофамильцев и отчасти указания на пол его носителя, а также необходимость в сохранении полного вьетнамского антропонимического комплекса без перестановки его компонентов при упоминании в официально-деловой и цитировании в научной литературе, что является частотной ошибкой в употреблении вьетнамского антропонимического комплекса, например, в

русском или английском тексте». Ссылки на работы И.А. Стернина, М.Я. Блох, И.А. Королеву, А.В. Суслову, Л.М. Щетинина и др. исследователей сделаны правильно, системно. Библиография к тексту использована максимально полно, формальные требования издания учтены. Рецензируемая статья «Особенности антропонимического комплекса во вьетнамском и русском языках» может быть рекомендована к открытой публикации в научном журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Чжэн Ц., Виктор М.Ш. — Особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39714 EDN: HWBWQY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39714

Особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык

Чжэн Цяньминь

аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

123290, Россия, Московская область, г. Москва, пр-д Шмитовский, 39к1

✉ toujie@mail.ru

Виктор Михайлович Шаклеин

доктор филологических наук

профессор, кафедра Русский язык и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10к2, оф. 524

✉ vmshaklein@bk.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39714

EDN:

HWBWQY

Дата направления статьи в редакцию:

02-02-2023

Дата публикации:

22-02-2023

Аннотация: Цель исследования – выявить особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык. Путем анализа ряда работ, связанных с термином «интерязык», сравнения понятия об интерязыке в публикациях различных специалистов, в статье уточняется понятие термина «интерязык», которое обновлялось в последние годы в российской и зарубежной лингвистике, и найдены сходства и различия в их суждениях. Выделение особенностей словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, является важной и актуальной задачей, способствующей исследованию интерязыка в целом. Предметами исследования

являются устные и письменные языковые материалы собранных преподавателями с помощью аудиторных тестов и домашних заданий среди двух групп китайских студентов-филологов, изучающих русский язык на филологическом факультете в Российском университете дружбы народов. Новизна исследования и его польза для науки заключается в том, что авторы впервые системно суммировали и проанализировали такие специфические особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, как дословный перевод с родного языка на изучаемый язык, отсутствие или лишнее использование предлогов, неправильный выбор предлогов в словосочетаниях, и причины существования этих особенностей. Основываясь на результатах проведенного исследования, авторы предлагают полезные советы для повышения эффективности изучения русского языка на занятиях по овладению вторым языком, особенно на занятиях по обучению китайских студентов русскому языку.

Ключевые слова:

особенности, словосочетание, интерязык, русский язык, китайские студенты, российская лингвистика, дословный перевод, отсутствие использования предлогов, неправильный выбор предлогов, изучение русского языка

Введение

Благодаря тесным экономическим, политическим и культурным контактам между Россией и Китаем постоянно растёт количество китайских студентов, изучающих русский язык, и русских студентов, изучающих китайский язык. В процессе овладения вторым иностранным языком изучающие создают свою индивидуальную языковую систему, которую исследователи называли «интерязык (interlanguage)» [\[15, с. 210\]](#).

Большинство предыдущих исследований, посвященных интерязыку, сосредоточено на фонетических и синтаксических аспектах. Меньше внимания уделяется лексической части интерязыка китайских студентов, изучающих русский язык. Именно поэтому исследование особенностей словосочетаний в интерязыке изучающих русский язык китайских студентов представляется важным и актуальным.

Для достижения цели исследования необходимо выполнить следующие задачи:

- 1) рассмотреть исследования, связанные с термином «интерязык», сравнить понятия об интерязыке в публикациях различных специалистов и найти сходства и различия в их суждениях;
- 2) систематизировать и проанализировать особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык.

Для выполнения задач используются следующие методы исследования: метод корпусного анализа текста, описательный метод, метод дистрибутивного анализа, оппозиционный метод, метод формализации, метод сопоставительного анализа и т.д..

Интерес к исследованию особенностей словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, возникает из-за того, что в языковых материалах, собранных авторами из разработанных преподавателями аудиторных тестов (устных и письменных) и домашних заданий среди двух групп китайских студентов-филологов, изучающих русский язык на филологическом факультете в Российском университете

дружбы народов, проявляются определенные закономерности и специфические особенности.

Практическая значимость заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении курсов и семинаров по практическому, сравнительному терминоведению «интерязык». В то же время результаты исследования дают полезные предложения в процессе учебно-методической деятельности – на занятиях по преподаванию русского языка, особенно на занятиях по обучению китайских студентов русскому языку. Достигнутые результаты исследования могут быть использованы в процессе составления учебников и учебно-методических материалов по дисциплине русского языка или прикладной лингвистики.

Основная часть

Термин «интерязык» (interlanguage) был впервые предложен американским лингвистом Л. Селингером: «interlanguage refers to the separateness of a second language learner system, a system that has a structurally intermediate status between the native and target languages» [\[15, с. 210\]](#). Иными словами, «интерязык означает языковую систему, которая занимает статус посредника между родным и изучаемым языками» [\[13, 2017, с. 171\]](#). До того, как Л. Селингер определил термин «интерязык» в российской и зарубежной лингвистике, большинство исследователей рассматривали данный языковой феномен как языковые ошибки.

Теория интерязыка зародилась и развивалась в США, затем, «во второй половине XX века, эта теория стала часто вызывать интерес у русских и иностранных исследователей, поскольку она показывает развитие интерязыка в соответствии со специфическими, однако при этом похожими законами развития «природных», естественных языков» [\[7, с. 297\]](#).

По мнению А.О. Овсянникова, «интерязык отличается нестабильностью, изменчивостью: в плане диахронии речь идёт либо о прогрессе, с постепенным приближением к норме изучаемого ИЯ, либо о регрессе, связанном с постепенной утратой навыков и автоматизмов; в плане синхронии, изменчивость проявляется в первую очередь на уровне реализации лингвистической компетенции в зависимости от вида *речевой деятельности*» [\[9, с. 106\]](#).

Под интерязыком специалистом А.Я. Джафаровой понимается «явление, типа персонального пиджина, которое может перерасти в укоренившуюся форму при отсутствии корректировки со стороны преподавателя» [\[3, с. 36\]](#). С её точки зрения, «интерязык воспринимается преподавателем как естественный шаг на пути формирования более полноценного знания языка» [там же].

Н.В. Лосева, Л.Н. Метельская дают следующее определение термина «интерязык» – «индивидуальная языковая система обучающегося, которая формируется в его сознании при изучении неродного языка и находится в промежуточном состоянии между родным языком и изучаемым иностранным» [\[8, с. 73\]](#).

Изучив работы, посвященные понятию интерязыка в российской лингвистике, О.В. Старинина подчёркивает, что интерязык – «это так называемый промежуточный язык, сформированный в сознании изучающего иностранный язык, отличающийся от языка, который присутствует в сознании его носителя» [\[12, с. 112\]](#). По её суждению, «интерязык представляет собой трамплин между родным языком и изучаемым, перенос языкового

опыта, в котором важную роль играет родной язык» [там же].

По мнению Н.Н. Rogozной «языковая система интерязыка является относительно независимой и включает в свою структуру элементы и единицы как родного, так и неродного языков» [11, с. 61].

Рассматривая определения интерязыка российских и зарубежных исследователей, мы сможем увидеть, что понятие термина «интерязык», пришедшего в российскую лингвистику в конце 90-х годов XX века, является таким же, как и в зарубежной лингвистике. В начале XXI века теория интерязыка стала постепенно развиваться в российской лингвистике. С начала этого века до сегодняшнего дня, феномену интерязыка посвящен ряд работ таких российских исследователей, как А.В. Багдужева, С.А. Дерябина, А.А. Залевская, Е.А. Костина, Е.В. Логинова, Н.В. Лосева, З.Г. Прошина Н.Н. Rogozная, О.В. Старина, В.М. Шаклеин и др. [1; 2; 4; 5; 6; 7; 8; 10; 11; 12; 13]. Изучение работ этих научных деятелей составило теоретическую базу данного исследования.

Проанализировав и сравнив характерные черты интерязыка, выдвинутые русскими исследователями, В.М. Шаклеин, Чжэн Цяньминь приходят к выводу, что у интерязыка есть такие общие специфики, как **системность, индивидуальность, динамичность** [14, с. 271]. С.А. Дерябина отмечает, что индивидуальность интерязыка «зависит от когнитивных способностей индивида, его опыта в изучении иностранных языков, стратегии изучения, знаний об устройстве системы родного языка, качеств личности» [2, с. 57]. Н.Н. Rogozная в одной из своих последних работ суммирует такие особенности интерязыка, как : «**1) независимость; 2) этапность; 3) динамизм; 4) системность; 5) закономерность**» [11, с. 63].

1. Дословный перевод с родного языка в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык.

Под влиянием родного языка в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, часто используются неправильные словосочетания, которые дословно переведены с китайского языка.

Таблица 1

Примеры дословного перевода некоторых устойчивых словосочетаний в русском языке, в китайском языке, в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык

Словосочетания в русском языке	Словосочетания в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык	Словосочетания в китайском языке
чёрный чай	*красный чай	红茶 (红:красный)
тёмный шоколад	*чёрный шоколад	黑巧克力 (黑的:чёрный)
слабоалкогольная напиток	*алкогольная напиток с низкими градусами	低度数酒精饮品
крепкий чай/кофе	*концентрированный чай/кофе	浓茶/浓咖啡(浓的: концентрированный)
кофе без сахара	*горький кофе	苦咖啡 (苦的:горький)

Как видно из примеров, языковые привычки в разных языках существенно отличаются.

Следует заметить, что для описания одинаковых продуктов питания в русском и китайском языках используются разные цвета, имена прилагательные. В словосочетаниях, перечисленных в таблице (табл. 1.), в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, проявляется дословный перевод с родного языка, а именно с китайского языка. Кроме примеров в таблице (табл. 1.), в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, используются такие словосочетания, как *** мыть одежду/мыть бельё** (в русском языке должно быть **стирать одежду/стирать бельё** 洗衣服/洗床上用品), так как в китайском языке глаголы «**мыть**» и «**стирать**» передаются одним словом – 洗.

2. Использование описательного словосочетания вместо одного слова в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык.

Также в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, по причине интерференции от родного языка иногда используются целые словосочетания в тех ситуациях, где в русском языке можно было использовать всего одно слово. Например, слово «**китаянка**» переводится на китайский язык как словосочетания 中国女孩 / 中国女人 – в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, образующееся двумя словами: *** «китайская девушка / китайская женщина»**, которые считаются грамматически правильными, но не соответствуют языковым привычкам изучаемого языка (русского языка). Похожие словосочетания часто используются в интерязыке китайских студентов, например: *** «русская девушка (俄罗斯女孩) / французская девушка (法国女孩) / испанская девушка (西班牙女孩)»** и т.д..

Наряду с этим, в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, встречаются другие описательные словосочетания вместо одного слова в ситуациях, когда в словарном запасе студентов не было данного слова. Например, в лексиконе обучающихся из Китая можно часто встретить такие словосочетания как в следующей таблице (табл. 2.):

Таблица 2

Примеры использования словосочетания вместо одного слова в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык

Словосочетания в русском языке	Словосочетания в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык	Словосочетания в китайском языке
иностранец	*иностранный человек	外国人 (外国人的:иностранный,人:человек)
свёкла	*красный овощ	红菜 (红色的:красный, 菜:овощ)
борщ	*суп из красных овощей	红菜汤 (红色的:красный, 菜:овощ, 汤:суп)
батат	*красная картошка (по цвету) или сладкая картошка (по вкусу)	红薯 (红色的:красная, 薯、土豆:картошка,甜的:сладкая)

Из представленных примеров в таблице (табл. 3.) наглядно видно, что на каком-то этапе овладения русским языком в словарном запасе китайских студентов, изучающих русский

язык, отсутствуют такие слова как «*иностранец*», «*свёкла*», «*борщ*», «*батат*» и т.д.. Поэтому для достижения коммуникативной цели, китайские студенты, изучающие русский язык, используют описательного словосочетания в интерязыке вместо одного слова, как должно быть в русском языке.

3. Отсутствие предлога или использование лишнего предлога в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык.

В русском языке родительный падеж имен существительных используется для описания предметов. Из-за интерференции от родного языка или переобобщения правил изучаемого языка предлоги обнаруживаются иногда там, где их не должно быть, или наоборот, они отсутствуют там, где требуется. Примеры отсутствия предлога в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, представлены в следующей таблице:

Таблица 3

Примеры отсутствия предлога в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык

Словосочетания на русском языке	Словосочетания на интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык	Словосочетания на китайском языке
вход в торговый центр	*вход торгового центра	商场入口(商场 торговый центр; 入口 вход)
экзамен по русской литературе	*экзамен русской литературы	俄语文学考试 (俄语文学 русская литература; 考试 экзамен)
лекция по русскому языку	*лекция русского языка	俄语课 (俄语 русский язык; 课 лекция)
играть в футбол	*играть футбол	踢足球(踢,玩耍 играть; 足球 футбол)

Исходя из представленных примеров в таблице (табл. 3.), можно сделать вывод, что причиной неправильного использования родительного падежа или отсутствия предлогов в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, является переобобщение правил изучаемого языка или интерференция от родного языка.

4. Неправильный выбор предлога в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык.

Проанализировав собранные языковые материалы, авторы замечают, что китайские студенты, изучающие русский язык, путают предлоги «*в*» с «*на*»; «*из*» с «*от*», «*с*»; «*после*» с «*через*», так как предлоги «*в*» и «*на*» переводятся на китайский язык одинаково, а именно «*在*»; предлоги «*из*», «*с*», «*от*» в китайском языке озвучиваются одним словом – «*从*»; что касается предлогов «*через*» и «*после*», то они обозначаются в китайском языке одной конструкцией – «*在 之后*» и т.д.. Примеры неправильного использования предлогов в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, приводятся в таблице (табл. 4.):

Таблица 4

Примеры неправильного использования предлогов в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык

Использование предлогов в словосочетаниях в русском языке	Использование предлогов в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык	Использование предлогов в словосочетаниях в китайском языке
в среду	* на среду	在周三
на остановке	* в остановке	在车站
на работе	* в работе	在工作
на второй день	* во втором дне	在第二天
из России	* с/от России	从俄罗斯.....
от души	* из души	发自内心;由衷
через 4 года	* после 4 лет	四年之后

Следовательно, выбор предлога связан со стремлением подчеркнуть, выделить какой-либо оттенок мысли, который обусловлен характером контекста. Одной из причин неправильного выбора предлогов в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, является интерференция от родного языка.

Заключение

Анализируя особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, можно обратить внимание на следующие выводы:

1. В результате поисков уточнения определения термина «интерязык» в исследованиях в ближайшие годы выявлены общие характерные черты интерязыка: системность, индивидуальность, динамичность, независимость, закономерность и т.д.;
2. В интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, часто можно увидеть прямой дословный перевод с родного языка, что особенно касается описания цветов, названий продуктов питания;
3. В интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, часто используются описательные словосочетания вместо одного слова, что происходит из-за интерференции от родного языка или по причине отсутствия подходящих слов в словарном запасе студентов;
4. В результате интерференции от родного языка, переобобщения правил русского языка в словосочетаниях в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, предлоги либо отсутствуют, либо используются тогда, когда не требуется;
5. Под влиянием родного языка в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, нередко в словосочетаниях выбираются не подходящие по смыслу предлоги.

В проведенном исследовании особенностей словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, некоторые данные не рассматриваются с динамической точки зрения из-за ограниченного времени сбора языковых материалов. Дальнейшие исследования открывают двери к всестороннему изучению развития

интерязыка и его взаимодействия с родным и изучаемым языками на разных этапах овладения русским языком, другими словами, появляется возможность отслеживания динамических особенностей интерязыка китайских студентов, изучающих русский язык.

Библиография

1. Багдугева А.В. Нарушение морфемного состава слов в китайской речи русскоговорящих студентов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2020в. Т. 17. № 4. – С. 61-66.
2. Дерябина С.А. Феномен интерязыка машинописного текста // Речевые технологии. – Москва, 2019. – № 1. – С. 54-66.
3. Джафарова А.Я. Особенности корректировки ошибок в устной речи студентов согласно программе "CELTA" // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – Москва, 2017. – № 2 (773). – С. 34-41.
4. Залевская А.А. Вопросы теории двуязычия. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 144 с.
5. Костина Е.А., Хэкетт-Джонс А.В., Баграмова Н.В. Влияние интерязыка на билингвальное поведение учащихся в процессе овладения иностранным языком // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – Новосибирск, 2017. – Т. 7. № 4. – С. 93-107.
6. Логинова Е.В. Фонологический компонент вьетнамско-русского интерязыка // Вестник Бурятского государственного университета. – Улан-удэ, 2010. – № 10. – С. 79-83.
7. Лосева Н.В. Некоторые аспекты использования теории интерязыка в методике преподавания иностранных языков // Человек и его язык: материалы юбилейной XVI международной конференции научной школы-семинара имени Л. М. Скредлиной, РГПУ им. Герцена. – Санкт-Петербург: Скифия, 2013. – С. 296-310.
8. Лосева Н.В., Метельская Л.Н. Опыт экспериментального исследования межъязыковой интерференции в ситуации учебного мультилингвизма // Филология и культура. – Казань, 2018. – № 2 (52). – С. 72-81.
9. Овсянников А.О. Лингводидактические аспекты теории аппроксимации в обучении чтению на втором иностранном языке / IX Международной научно-практической конференции // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород, 2015. – № 8. – С. 105-109.
10. Прошина З.Г. Русский язык как посредник в коммуникации народов Восточной Азии и России (проблемы опосредованного перевода) автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20: защищена 24.05.02 / Прошина Зоя Григорьевна. – Владивосток, 2002. – 39 с.
11. Рогозная Н.Н. Языковые контакты: Билингвизм. Интерязык. Интерференция: монография. – Москва, Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2022. – 200 с.
12. Старинина О.В. Методика межъязыкового трансфера как условие формирования билингвальной личности на начальном этапе обучения ИЯ // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2021. № 3 (88). – С. 112-113.
13. Шаклеин В.М., Чжэн Цяньминь Интерязык: в поисках уточнения термина / В.М. Шаклеин, Чжэн Ц.М. // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2017. – № 5 (59). – С. 170-175.
14. Чжэн Цяньминь, Шаклеин В.М. К вопросу исследования интерязыка. – Горно-Алтайск: Международный научный журнал "Мир науки, культуры, образования" № 4 (65), 2017. – С. 269-272.

15. Selinker L. Interlanguage, IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 10 (1-4), 1972. – P. 209-232.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопрос объективной оценки процессов овладения тем или иным языком остается в науке открытым. Наблюдений, профильных исследований на данный момент достаточно много, но, появляющиеся новые варианты разверстки этой проблемы дополняют уже достаточно давно начавшийся диалог. Как отмечается в начале рецензируемого труда, «в процессе овладения вторым иностранным языком изучающие создают свою индивидуальную языковую систему, которую исследователи называли «интерязык (interlanguage)»; интерязык манифестируется в устной и письменной речевой продукции, которая является основным материалом для теорий усвоения второго языка, так как инструментальные методы (например, томография) до сих пор используются в этой области редко. Термин «усвоение второго языка» может распространяться и на изучение третьего, четвертого и других языков, так как изучение последующих языков следует по тому же пути. Можно отметить, что изучение подобной ситуации возможно с подачи контрастивного анализа, он более продуктивен и концептуален. Объясняя актуальность написания статьи автор отметил: «большинство предыдущих исследований, посвященных интерязыку, сосредоточено на фонетических и синтаксических аспектах. Меньше внимания уделяется лексической части интерязыка китайских студентов, изучающих русский язык. Именно поэтому исследование особенностей словосочетаний в интерязыке изучающих русский язык китайских студентов представляется важным и актуальным». Работа достаточно интересна, приведенный ряд иллюстраций использован не только в качестве номинаций, но открытого доказательства. Поисковые задачи, выверены, точны – «рассмотреть исследования, связанные с термином «интерязык», сравнить понятия об интерязыке в публикациях различных специалистов и найти сходства и различия в их суждениях; систематизировать и проанализировать особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык». Думаю, что подобная конкретика позволяет достичь и поставленную цель. Формальные блоки статьи выдержаны, основная часть сориентирована на систематизацию данных по имеющемуся вопросу, здесь же дан сравнительно-сопоставительный анализ процессов. Удачно по ходу сочинения автор вводит комментарии-связки: например, «под влиянием родного языка в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык, часто используются неправильные словосочетания, которые дословно переведены с китайского языка», или «как видно из примеров, языковые привычки в разных языках существенно отличаются. Следует заметить, что для описания одинаковых продуктов питания в русском и китайском языках используются разные цвета, имена прилагательные. В словосочетаниях, перечисленных в таблице (табл. 1.)...» и т.д. Стиль работы соотносится с собственно научным типом, термины и понятия используются с правильной коннотативной нагрузкой. Материалы имеют как практический, так и теоретический характер, большую часть положений можно использовать при освоении языковых дисциплин. Заключение связано с основной частью, разночтений не выявлено. Библиографическая база полновесна, формальные требования издания учтены, текст не нуждается в серьезной правке и дополнениях. Весьма обдуманно в финале труда звучит утверждающий тезис о потенциально возможном продолжении исследования в данном русле: «дальнейшие исследования

открывают двери к всестороннему изучению развития интерязыка и его взаимодействия с родным и изучаемым языками на разных этапах овладения русским языком, другими словами, появляется возможность отслеживания динамических особенностей интерязыка китайских студентов, изучающих русский язык». На мой взгляд, это очень неплохо, таким образом, автор показывает свое равнодушие к предмету разбора. Рекомендую статью «Особенности словосочетаний в интерязыке китайских студентов, изучающих русский язык» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Селеменова М.В. — Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой // Litera. — 2023. — № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39815 EDN: HLZGOY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39815

Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой

Селеменова Марина Валерьевна

ORCID: 0000-0003-0083-9802

доктор филологических наук

профессор, кафедра социально-гуманитарных дисциплин и истории права, Московский городской университет управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова

107045, Россия, г. Москва, ул. Сретенка, 28

✉ marselem78@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39815

EDN:

HLZGOY

Дата направления статьи в редакцию:

17-02-2023

Дата публикации:

24-02-2023

Аннотация: Предметом исследования является образ города в малой и средней прозе В.С. Токаревой. Автором выявлено своеобразие художественной концепции города в творчестве Виктории Токаревой, которое заключается в сочетании изображения обобщенно-условного пространства и узнаваемых пространственных образов, которые могут рассматриваться в контексте поэтики локальных текстов. Уточнение характеристик обобщенно-условного города происходит посредством анализа системы персонажей, нравственно-философская парадигма которых соотнесена с городскими локусами. Узнаваемые пространственные образы соотнесены с автобиографическим контекстом творчества автора и рассмотрены с точки зрения авторского вклада в "московский" и "петербургский" текст русской литературы. Основным вкладом автора в изучение поэтики прозы В.С. Токаревой является уточнение типологии образов рассказов и повестей и выявление "эпизодических героев" - персонажей с несформированной нравственно-философской парадигмой и жизненной позицией неучастия в судьбах других персонажей и собственной судьбе. Поэтика эпизода определяет как ключевые характеристики таких персонажей, так и свойства связанных с ними городских локусов.

Основными художественными приемами, способствующими выявлению характеристик персонажей городской прозы, являются у В.С. Токаревой прецедентные сравнения и детали, раскрывающие авторскую позицию. В результате проведенного исследования выявлено, что прочтение малой и средней прозы Токаревой через призму поэтики локальных текстов позволяет уточнить своеобразие авторской интерпретации образов двух столиц. Смещение исследовательского фокуса на обобщенный образ города продуктивно с точки зрения уточнения типологических особенностей персонажной сферы и выявления актуальной нравственно-философской проблематики.

Ключевые слова:

городская проза, образ города, поэтика локальных текстов, эпизодический персонаж, прецедентное сравнение, автобиографическая проза, художественная деталь, мотив одиночества, пространственный образ, нравственная проблематика

В кругу авторов городской прозы Виктория Токарева всегда занимала особое место: ее рассказы и повести воспринимались критикой и читательской аудиторией как «женские», направленные на создание образов современниц и осмысление предназначения женщины, при этом городской контекст чаще интерпретировался как фон, а не как значимый компонент художественной концепции прозы. В исследовательском корпусе текстов, посвященных творчеству В.С. Токаревой, внимание сосредоточено, преимущественно, на проблемах индивидуально-авторского стиля и способах его репрезентации (Н.А. Божко, Н.М. Калашникова, Ю.Н. Киреева), на гендерных аспектах прозы (Н.П. Меденцева, Ф.Р. Муртазаева, Ж.З. Пардаева, Н.Н. Тертыхная, О.М. Холможенко), на интертекстуальности рассказов (Ю.М. Афанасьева, Н.В. Зубакова, Л.В. Дорофеева, С.А. Кирсанычева), на духовно-нравственных основах произведений (Е.В. Кондрашева, Л.А. Саркисян). На наш взгляд, с 1964 года, когда был опубликован первый рассказ Токаревой «День без вранья», важной составляющей художественного мира писателя был образ города как в идейно-тематическом, так и в собственно текстологическом измерениях.

Точное воссоздание городской повседневности, внимание к деталям быта и уклада жителя большого города, осмысление специфики нравственно-философской парадигмы среднестатистического горожанина сближают прозу В.С. Токаревой с творчеством Ю.В. Трифонова, Ю.М. Нагибина, В.С. Маканина, но при общности походов город как тема и текст подсвечен у Токаревой особыми смысловыми и стилевыми оттенками и должен быть изучен как с точки зрения поэтики локальных текстов, так и с точки зрения идейно-тематической значимости.

Художественная концепция города в прозе Токаревой базируется на двух подходах. *Первый подход* предполагает изображение среды обитания как условного Города – обобщенного, лишенного узнаваемых топографических примет, выглядящего то микромиром в масштабах планеты, то макропространством, в котором затерялись дом и человек: «Далеко-далеко висит звезда, а под ней висит Земля, а на Земле бывший особняк обедневшего дворянина. А на втором этаже, в трех метрах над людьми, стоит Наташа» («Уж как пал туман») [\[12, с. 52\]](#). Город в контексте такого подхода воссоздан эскизно, писательская оптика наведена только на значимые городские локусы, отражающие мысли и поступки героев: «Улица полого поднимается вверх, и мне кажется, что на моей улице, как раз на этом месте, где я ступаю, закругляется земной шар. Он медленно летит во Вселенной и немножко крутится при этом вокруг своей оси, а

я иду по земле, как по глобусу, и оказываюсь то вверх ногами, то вверх головой» («Следующие праздники») [\[12, С. 286-287\]](#). Даже если город, изображенный в подобном художественном ракурсе, назван или угадывается по одной-двум деталям, это не меняет содержательной направленности: для автора важна среда обитания, формирующая и обуславливающая качества и поступки героев.

«Город – это прежде всего люди» («Инструктор по плаванию») [\[12, С. 209\]](#), – такая установка на изображение среды через ее обитателей выводит на первый план исследовательского внимания галерею персонажей и повышает значимость типологического аспекта системы образов малой прозы.

Герой Виктории Токаревой – современный «маленький человек», живущий в большом городе и погруженный в повседневные заботы. В нем уживаются романтические мечты и мелочные поступки, свободолюбие и формализм, мудрость и инфантильность. Токарева показывает, что современные горожане, запутавшиеся в житейских и нравственных вопросах, заслуживают снисхождения и сочувствия.

Зачастую герой Токаревой – *эпизодический персонаж*, причем не с точки зрения теоретико-литературного подхода и места в системе образов, а с позиции проявленности, значимости персонажа в контексте общего жизненного потока. Свою «временность и эпизодичность» остро ощущает доктор Смоленский («Пропади оно пропадом») [\[12, С. 329\]](#). Это ощущение передано через пространственную дихотомию: пытаюсь сохранить и семейный очаг, и новый локус любви, герой теряет целостность и собственное место в жизни: «Дома он думал о Наде, а с Надей думал о доме, и получалось, что у него ни любви, ни семьи, ни режима, а только одна измученная совесть» [\[12, С. 318\]](#). Итоговый пространственный образ героя – клиника, что свидетельствует о зависании в промежуточном, неитоговом состоянии без принятия решения, а единственным неэпизодичным в его жизни остаются пациенты и работа.

В рассказе «Где ничто не положено» тема эпизодичности распространяется на всю жизнь героя: «...моя жизнь – сплошной эпизод, я сам я – эпизодический персонаж» [\[12, С. 115\]](#). Персонаж – эпизодический герой не с точки зрения присутствия в тексте, а с точки зрения присутствия в жизни других персонажей. Эпизодичность становится синонимом малозначимости. Персонаж по мере развития событий раскрывается во взаимоотношениях с друзьями, знакомыми, женщинами, и его общая малозначимость усиливается мотивом *хорошего характера*: «У меня хороший характер, я ни от кого ничего не требую, и со мной легко. Я ничего не требую, потому что сам ни в кого и ни во что себя не вкладываю» [\[12, С. 115\]](#). Токарева дает отсылку к тексту Евангелия от Матфея: «Где ничто не положено – нечего взять» [\[12, С. 115\]](#). Согласимся с Ю.М. Афанасьевой, что «цитаты из Библии позволяют взглянуть на описываемые в художественном тексте события с позиции вневременных по своему содержанию притч и заветов, заставляют сопоставить сюжетные линии и характеры героев с идеалом человеческого поведения» [\[1, С. 38\]](#). Нравственный комментарий с помощью евангельской цитаты заключается в высвечивании бесхарактерности, ненаполненности героев смыслами, неготовности брать на себя ответственность за свой выбор. Герой Токаревой скользит по жизни, не оставляя следа и не отдаваясь ничему, даже творчеству, которое формально является его сферой самореализации. Для центрального персонажа и его окружения творчество осталось студенческой мечтой, либо стало ремеслом, рутинной для заработка, в них «ничто не положено», и им нечем поделиться со своими учениками. Фрагменты повествования, связанные с Гнесинским институтом, не складываются в единую историю

творческой самореализации.

Также эпизодично, фрагментарно представлен в рассказе город: Москва узнаваема по таким локусам, как памятник Маяковскому, зал Чайковского, станции метрополитена. Город показан как место случайных встреч, мимолетных увлечений, бессмысленных связей. Герой рассказа случайно знакомится с девушкой по имени Гелана и боится не узнать ее на свидании, так как запомнил только ее шапку: «Если Гелана придет в другой шапке, я просто не узнаю ее» [\[12, С. 100\]](#). Место встречи героев – чужая квартира, случайная спутница тоже имеет статус жизненного эпизода, который запомнится разве что за счет необычного имени девушки. В героя эмоционально и ценностно «ничто не положено», он декларирует неготовность к серьезным отношениям и понимает, что «женщины действительно на меня не рассчитывали, а относились несерьезно, как к эпизоду» [\[12, С. 114\]](#).

Поэтика эпизода, фрагмента определяет у Токаревой способ создания *образа обычного человека*, героя, типичность которого заявлена как в прямой речи, так и в авторских оценках.

Инженер Николай («Следующие праздники») считает себя столичным обывателем: «Я обычный, трезвый, бесталаный человек. В этом, наверное, моя трагедия» [\[12, С. 278\]](#). Его жена Алла – учитель русского языка и литературы. Жизнь этой семьи однообразна и предсказуема, скучные будни скрашивают только праздники. У героев нет постоянных друзей и постоянной компании, поэтому праздники у них проходят суетно, шумно и бессмысленно. Ожидание праздника оказывается более значимым и эмоционально насыщенным, чем его проведение. Показателем заурядности героев становится «отсутствие расстояния в глазах» («...я не самый главный, я рядовой инженер, без расстояния в глазах» [\[12, С. 278\]](#)). Расстояние в глазах измеряется городским пространством и сравнивается с макрокосмическим (идеальным) масштабом: «У космонавта – расстояние от Земли до Луны. А у меня и у Вили – от метро «Таганская» до метро «Маяковская» [\[12, С. 278\]](#). Короткий маршрут столичного метрополитена синонимичен скромному масштабу личных притязаний центрального персонажа рассказа. Сравнив себя и космонавта (заурядный/выдающийся жизненный путь), Николай упрочивается в мысли о собственной обыкновенности. Но при этом он остро чувствует несовершенство человеческого существования и гармонию Вселенной. В обычном человеке раскрывается огромный личностный потенциал – способность мечтать, чувствовать сопричастность событиям мирового масштаба, быть верным своему слову.

На первый взгляд, может показаться, что в финале рассказа герой смиренно воспринимает свою судьбу и судьбу своей жены: «Алка будет преподавать литературу – должны ведь дети знать Пушкина. А я буду придумывать механизмы – должна ведь быть на заводе своя автоматическая линия» [\[12, С. 287\]](#). Будни героев окрашены мечтой о следующих праздниках. В городской прозе Токаревой образы природы часто играют роль пространственной антитезы городскому образу жизни, соответственно в финале рассказа появляется «весенний лес, дымно-сиреневый и прозрачный» как символ не только следующих праздников (времени для себя), но преодоления себя обычного и обретения себя настоящего.

В городской прозе Токаревой *тема одиночества* обычного человека «без расстояния в глазах» реализована как в экзистенциальном, так и в предметно-бытовом аспектах. В рассказе «Рубль шестьдесят – не деньги» эта тема раскрыта через историю случайной покупки шапки-невидимки. Жанровый диапазон малой и средней прозы позволяет

Токаревой лаконично и емко передавать паритетность города и человека через *деталь*. Шапка-невидимка является маркером одиночества: героя и без шапки-невидимки никто не замечает, шапка доводит эту ситуацию до буквального воплощения: «...я сам не знал – живу я здесь или нет. Я ем, сплю, играю с дочкой, разговариваю с женой. <...> Но, в сущности, меня здесь нет» [12, С. 163]. Шапка воспринимается то в простейшем предметном значении с точки зрения ее стоимости, материала, доступности в ближайшем ларьке, то как деталь, символически указывающая на присутствие/отсутствие одного человека в пространстве города и в жизни другого.

Н.В. Зубакова отмечает, что «излюбленным приемом, который использует В. Токарева в своих произведениях, является прецедентное сравнение» [4, С. 93]. В рассказе «Рубль шестьдесят – не деньги» источником прецедентных сравнений становится роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: герой-невидимка в вигоневой шапке сравнивает себя с собакой Понтия Пилата по кличке Банга: «Это была обыкновенная собака – такая же, как другие ее породы. Но оттого, что она служила Понтию Пилату, казалась себе необыкновенной, привилегированной собакой. Я тоже казался себе привилегированной собакой и готов был лежать у Викиных ноги и в этой жизни, и за гробом. Но ей это не понадобилось» [12, С. 159]. С помощью этого прецедентного сравнения актуализируется тема *отраженной значимости*, когда персонаж ценен не сам по себе, а за счет принадлежности другому. Кроме того, данная прецедентная ситуация воспринимается как отсылка к булгаковскому мотиву *разделенной участи* («...тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит» [2, С. 508]). Герои рассказа Токаревой нарушили это правило и превратились в невидимок. Соседство городских улиц, на которых обитают герои рассказа, лишь усиливает чувство одиночества и абсурдность не встречи: «Нужно какое-то чудо, шапка-невидимка, чтобы встретились двое людей, живущих в одно время, в одном городе, на соседних улицах, в двадцати минутах ходьбы» [12, С.163]. Чтобы снова стать «видимыми», т.е. значимыми, включенными в жизнь, совершающими осмысленные поступки, им нужно вернуться в прошлое и «разделить участь» друг друга.

Путь героя из дома на Чистых прудах можно прочертить на карте города: «мимо кинотеатра «Колизей», издательства «Искусство» – по Бульварному кольцу. И пока я шел – не встретил ни одного живого человека» [12, С. 166]. Пустой город, заполненный людьми в шапках-невидимках, – визуализация мотива *одиночества в толпе*: «Люди надели шапки и теперь невидимы. Может, на улице полно народу – просто я никого не вижу» [12, С. 166]. Фактически герой проходит небольшое расстояние, но содержательно он отматывает свою жизнь на четыре года назад. Выбрасывая шапку-невидимку, он освобождается от статуса незначимого, неважного человека: «...я все о себе знаю: я талантливый конструктор, и видеть меня каждый день – счастье» [12, С. 165].

Особенно остро тема *одиночества*, реализованная с помощью мотива невидимости, звучит у Токаревой в рассказах о женских судьбах. Героиня рассказа «Инструктор по плаванию» Таня на свой лад повторяет мысль героя-рассказчика из рассказа «Рубль шестьдесят – не деньги»: «...когда ты идешь и тебя никто не замечает, появляется ощущение, что ты необязательна» [12, С. 207]. Необязательность (в значении «ненужность») – ключевая характеристика многих героинь городской прозы: их способности и талант не востребованы в обществе, они одиноки или связаны с нелюбимым человеком (типологические особенности женских персонажей подробно рассмотрены в работах Н.П. Меденцевой [5], Ф.Р. Муртазаевой [6]).

Героини Токаревой обладают сильным волевым характером, но их самооценка часто

занижена. Они готовы поддержать даже слабого, неудачливого и бесхарактерного мужчину, простить ему эгоизм и ложь, готовы рассказать случайному собеседнику «про свою любовь, которая кончилась, и теперь, когда она кончилась, кажется, что ее не было никогда» [12, С. 68]. Жительницы города, погруженные в повседневные заботы, находят отдушину в любви или творчестве. Они остаются искренними и с иронией относятся к житейским неурядицам. На протяжении всего творческого пути Токарева создает образы женщин, которые сохраняют свою женственность, нежность, способность к самопожертвованию в ритме жизни большого города.

Тема одиночества в большом городе наполнена у В.С. Токаревой экзистенциальным смыслом и зачастую значительно масштабирована: «Марина вдруг подумала, что Земля с людьми – тоже муравейник. И она среди всех тащит непосильную ношу. А кто-то сверху сидит на бревне и смотрит...» [11]. Одиночество в большом городе-муравейнике расширено до масштабов Земли-муравейника и сопряжено с библейским мотивом одиночества человека перед лицом Бога. Исследователи Л.В. Дорофеева и С.А. Кирсанычева справедливо соотносят приведенный отрывок со словесной иконой, которая воспринимается как «удачная попытка изобразить невидимого Бога как бы невидимыми красками подтекста» [3, С. 11]. Город во Вселенной, показанный через характеры и образ жизни его обитателей, – идейно-тематическая доминанта малой и средней прозы В.С. Токаревой.

Второй подход к воссозданию образа города может рассматриваться в контексте поэтики локальных текстов. Рассказ «Будет другое лето» отсылает к ключевым мотивам и образам «петербургского» и «московского» текстов русской литературы [см.: 9]. Пространственная антитеза Ленинград/Москва соотносится у Токаревой с противопоставлением *места силы* и *места слабости*. «У каждого живущего на земле есть такое место, где ему всего уютнее. Мое место – Ленинград» [12, С. 126]. Образ Ленинграда у Токаревой семантически окрашен такими значениями, как любовь к родному дому, первая любовь, первая детская дружба. Даже традиционный туристический набор пространственных образов северной столицы у Токаревой показан через призму личностного восприятия героини: «Я люблю Медного всадника и решетку Летнего, куда приводят туристов. Люблю обшарпанную Выборгскую сторону. Мне нравится просто бродить по улицам, я узнаю их и не узнаю. От этого мне грустно и хочется жить лучше, ярче, чем я живу сейчас» [12, С. 127]. Любимым местом в Москве у героини рассказа является Ленинградский вокзал, воспринимаемый как рецепция родного города в чужой столице. Л.А. Саркисян, рассматривая структуру и поэтику воплощения конфликтов в прозе В.С. Токаревой, заметила, что «конфликт – это не причина, а лишь следствие внутреннего и внешнего дискомфорта» [8, С. 145]. Конфликт героини с Москвой обусловлен не свойствами самого города, а тем, что он стал пространством, в котором героиня не нашла себя.

Каждый пространственный образ в прозе Токаревой наделен тем смыслом, который несут связанные с этим пространством отношения или воспоминания. Москва в рассказе «Будет другое лето» показана местом неудач, слабости, одиночества. Ключевая характеристика столицы у Токаревой – *чужая*. Описывая мастерскую на Таганке, Токарева подчеркивает, что и хозяин дома, и его чувства, и сами стены жилища не принадлежат героине: «Дом не мой. Он не мой» [12, С. 134]. Автор не только выстраивает антитезу родного дома на Васильевском острове и чужой мастерской на Таганке, но и проецирует на этот пространственный контраст смену времен года: полное надежд лето сменилось безнадежной осенью.

Из осенней Москвы, от неразделенной любви героиня рассказа едет в Ленинград на свадьбу и везет в подарок дымчатые очки. Эта художественная деталь скрепляет несколько смысловых узлов рассказа: дымчатые очки как способ не замечать реалий жизни, как связующее звено между судьбами героев и повод увидеться перед расставанием, как неуместный подарок на свадьбу: «Сейчас, правда, осень, очки не нужны. Но ведь будет другое лето» [\[12, С. 137\]](#). Другое лето в значении «другая счастливая жизнь» связано у Токаревой с поездкой героини в Ленинград. В финале рассказа героиня отправляется в *свой* город на *чужую* свадьбу, чтобы оказаться в своем локусе, наполниться силой и, как показывает открытый финал, вернуться в Москву.

Образ Москвы в прозе Токаревой часто сопровождают *мотивы отчуждения и нелюбви*. «В Москве меня не любят» [\[9, С. 210\]](#), – заявляет герой рассказа «Инструктор по плаванию». Лиля, героиня рассказа «Ну и что?», после переезда в Москву «чувствовала себя затерянной в большом городе, как пуговица в коробке. Кому она нужна? Когда ее достанут и куда-нибудь пришьют?» [\[10, С. 11\]](#). Отдаленные районы Москвы воспринимаются героями как провинциальная среда: «Какой смысл жить вы Москве, если обитаешь в Братеево? С таким же успехом можно жить в Тамбове или Туле» [\[11, С. 56\]](#). Кроме того, Токарева часто иронизирует над штампами о столице: «Инженер за сто двадцать рублей. Инженер – это плохо. А москвич – хорошо. Все же столица». [\[10, С. 9\]](#). В целом, может создаться впечатление о том, что образ Москвы создан за счет минус-приемов и аккумулирует в себе преимущественно негативно окрашенную семантику. Следует уточнить, что московский текст у Токаревой наполнен и пространственными образами, подчеркивающими древность и традиционность столицы. Условная линия противостояния Москвы новой и Москвы древней может быть показана с помощью двух локусов: *блочный дом с хорошей слышимостью*, где каждый человек на виду и одиночество переживается болезненно / *старый особняк*, в котором жил обедневший дворянин («Комнаты были тесные, лестница косая» [\[12, С. 47\]](#)). Отметим, что все пространственные образы содержат семантику неуюта и неустроенности, что делает оппозицию мнимой: как блочный дом, так и старый особняк – вариации «опрокинутого дома» Ю.В. Трифонова, здесь «все сидели вместе и врозь» [\[12, С. 69\]](#).

В городской прозе Токаревой много автобиографических черт: одной из них является тема привязанности к Ленинграду и долгого неприятия/привыкания/принятия Москвы. Ярким примером осмысления ключевых столичных локусов – памятников Пушкину и Маяковскому является сюжет автобиографического рассказа «Ну и что?». Основную сюжетную линию рассказа составляет история любви сценаристки Лили к режиссеру, которого она называет Ганди. Причиной одного из несостоявшихся свиданий героев становится то, что оно назначено «возле памятника знаменитому поэту» [\[10, С. 34\]](#). Лили ждет на Пушкинской площади, Ганди – возле памятника Маяковскому. Героиня идет на Пушкинскую (Страстную площадь), так как ищет способ придать своим страстям форму гармонии, лада, взаимной ответственности; Ганди же видит в Лиле только источник вдохновения и наслаждения, он деструктивен и дисгармоничен. Маршрут между двумя памятниками (двумя судьбами героев) так и не был проложен, каждый персонаж остался в своем локусе со своими ценностями.

В одном из последних интервью В.С. Токарева, описывая свои ощущения от центра Москвы, сравнила городскую толпу с источником энергии: «Каждый идет по своим делам, а ты как будто попадаешь в некий энергетический поток. Идешь вместе со всеми, кажется, что у тебя есть с другими какая-то общая цель. Это то, что дает только центр. Я

чувствовала, что живу в столице большой страны» [\[13\]](#). Писатель точно отметила, что город, энергетически сильный и наполненный, испытывает своего героя. Если паритетности человека и города нет, то формируется конфликт как пространственный, так и смысловой.

Исследование поэтики воплощения города в прозе В.С. Токаревой дает основание сделать вывод о значимости города как основного пространственного образа и как художественного средства, позволяющего выстраивать параллелизм состояния персонажа и его среды обитания. На протяжении нескольких десятилетий В.С. Токарева хранит верность избранной теме городской жизни и продолжает издавать сборники рассказов и повестей «Когда стало немножко теплее» (1972), «Летающие качели» (1978), «Ничего особенного» (1983), «Сказать — не сказать...» (1991), «Мужская верность» (2002), «Дом за поселком» (2018). В ее поздней прозе сохраняется ироническая интонация, тонкий психологизм, поучительность без назидательности и глубокая метафоричность. Прочтение малой и средней прозы Токаревой через призму поэтики локальных текстов позволяет уточнить своеобразие авторской интерпретации образов двух столиц, а смещение исследовательского фокуса на обобщенный образ Города продуктивен с точки зрения уточнения типологических особенностей персонажной сферы и выявления актуальной нравственно-философской проблематики.

Библиография

1. Афанасьева Ю.М. Библейские цитаты в прозе Виктории Токаревой // Русская речь. 2009. № 1. С. 38-40.
2. Булгаков М.А. Собр. соч. в 10 т. Т. 9: Мастер и Маргарита. М.: Голос, 1999. 608 с.
3. Дорофеева Л.В., Кирсанычева С.А. Иконописный и агиографический мотивы в повести В.С. Токаревой «Своя правда» // Филологический журнал. 2016. № 21. С. 8-11.
4. Зубакова Н.В. Интертекстуальность в рассказах В. Токаревой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 3 (45). Ч. 2. С. 90—93.
5. Меденцева Н.П. Типические черты «токаревской героини» (на материале творчества Виктории Токаревой) / Н. П. Меденцева // Молодой ученый. 2014. № 19 (78). С. 668-671.
6. Муртазаева Ф.Р. Типология женских персонажей в прозе Виктории Токаревой // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сборник научных статей. Ч. 3. М.: Изд-во «Перо», 2020. С. 136-142.
7. Муртазаева Ф.Р., Пардаева Ж.З. Теоретические аспекты исследования творчества Виктории Токаревой // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 2. С. 272-276.
8. Саркисян Л.А. Конфликт в рассказах Виктории Токаревой. // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. №12 (55). С. 143-156.
9. Селеменева М.В. Городская проза как идейно-художественный феномен русской литературы XX века: монография. М.: МГИ имени Е.Р. Дашковой, 2008.
10. Токарева В.С. Дом за поселком: Рассказы и очерк. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 256 с.
11. Токарева В.С. Мужская верность: Повести и рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 320 с.
12. Токарева В.С. О том, чего не было: Рассказы. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 448 с.

13. Это мой город: писательница Виктория Токарева. – Режим доступа:
<https://moskvichmag.ru/gorod/eto-moj-gorod-pisatel'nitsa-viktoriya-tokareva/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Уже в названии статьи «Город как тема и текст в прозе Виктории Токаревой» заявлены два направления изучения темы города в творчестве писательницы: феноменология образа и его вписанность в традицию локальных текстов. Возможности обоих подходов к анализу темы с успехом продемонстрированы в ходе исследования. Статья отличается многоаспектностью рассмотрения темы, проблемностью, тонким анализом произведений Виктории Токаревой, привлечением широкого литературного и историко-культурного контекста.

Отметим корректное и удачное обращение к научным исследованиям. Автор дает компактный обзор основных направлений в исследованиях о творчестве В. Токаревой. В частности, отмечает интерес ученых к проблемам индивидуально-авторского стиля и способам его репрезентации, к гендерным аспектам прозы В. Токаревой, интертекстуальности ее рассказов, их духовно-нравственной проблематике. Это позволяет автору статьи обозначить проблемное поле своего исследования, сформулировать концептуально значимый тезис, который доказывается в работе и организует материал. Суть исходного положения состоит в том, что, по мнению автора статьи, уже с первого опубликованного рассказа образ города «становится важной составляющей художественного мира писателя ... как в идейно-тематическом, так и в собственно текстологическом измерениях». И это положение убедительно доказывается последующим анализом. При этом, как уже было отмечено выше, в статье образ города в прозе Токаревой рассматривается с привлечением двух методик. Во-первых, город как среда обитания, как условный (обобщенный) город, «лишенный узнаваемых топографических примет, выглядящий то микромиром в масштабах планеты, то макропространством, в котором затерялись дом и человек». В этой части работы подробно раскрывается тезис «город – это прежде всего люди», что позволяет представить специфического для прозы Токаревой героя, воплощающего свое поколение. И это герой именно городской, «современный «маленький человек», живущий в большом городе и погруженный в повседневные заботы», одинокий, неуверенный в себе, как бы потерянный, талантливый, но с заниженной самооценкой, «без расстояния в глазах». Интересно раскрыта такая особенность поэтики Токаревой, как фрагментарность прозы, тяготение к эпизоду. Во-вторых, тема города рассматривается в статье в контексте поэтики локальных текстов. Очень интересен тот фрагмент работы, к которому рассматривается автобиографический рассказ «Ну и что?», наблюдения о том, как в художественном мире писательницы взаимодействуют два города: Москва и Ленинград.

Рассматривая прозу Токаревой, автор статьи помещает ее в литературный контекст – упоминает творчество Ю.В. Трифонова, Ю.М. Нагибина, В.С. Маканина, указывает, что образ города становится типичным для русской литературы 1960-1970-х гг., вместе с тем отмечает, что «при общности походов город как тема и текст подсвечен у Токаревой особыми смысловыми и стилистическими оттенками и должен быть изучен как с точки зрения поэтики локальных текстов, так и с точки зрения идейно-тематической значимости».

Таким образом, в статье убедительно доказывается мысль «о значимости города как основного пространственного образа и как художественного средства, позволяющего

выстраивать параллелизм состояния персонажа и его среды обитания» в прозе Виктории Токаревой.

Статья отличается новизной подхода, легко и с интересом читается, а потому она будет интересна не только специалистам-филологам, но и широкому кругу читателей.

Все вышесказанное позволяет рекомендовать статью к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Савельев Г.А. — Категории вещи и слова в творчестве М. П. Шишкина (на материале романов «Взятие Измаила» и «Венерин волос») // Litera. – 2023. – № 2. – С. 64 - 74. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.37467 EDN: CNVLUI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37467

Категории вещи и слова в творчестве М. П. Шишкина (на материале романов «Взятие Измаила» и «Венерин волос»)

Савельев Глеб Андреевич

аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ gleban.savelev@gmail.com

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.37467

EDN:

CNVLUI

Дата направления статьи в редакцию:

02-02-2022

Аннотация: Автор выдвигает положение о том, что характер творчества М. П. Шишкина определяется взаимодействием двух тенденций: сохранение перцептивно воспринимаемой вещи в слове (слово в этом случае становится инструментом фиксации зримого образа мира) и использование языкового знака, отсылающего к вещи, для создания словесно-художественных конструкций, обладающих имманентной эстетической значимостью. Мировоззренческая позиция писателя предполагает, что этическая задача искусства (в свете темы исследования - задача сохранения опыта восприятия мира) стоит выше эстетической (т. е. задачи создания выразительной художественной формы). Автор статьи доказывает, что для поэтики романов Шишкина в значительной степени характерна "установка на выражение" (по Р. О. Якобсону), при которой художественный дискурс не может быть ограничен задачей сохранения вещи в слове. Анализ средств выразительности и риторических приемов романов «Взятие Измаила» и «Венерин волос» подтверждает мысль автора о том, что речь героев Шишкина, фиксирующая результаты перцептивного взаимодействия с окружающим миром, часто переходит в поэтическую речь, "содержанием" которой становится сама художественная форма. Творчество Шишкина, таким образом, существует только на пересечении двух указанных выше тенденций. Снятие оппозиции "вещь - слово" (с

ценностным преобладанием первого) возможно лишь в контексте разговора о романе "Письмовник", который автор статьи рассматривает как художественный текст, созданный целиком в соответствии с задачей сохранения индивидуального опыта проживания.

Ключевые слова:

вещь, языковой знак, художественный образ, метафора, образ восприятия, перцепция, образ мира, содержание, этика, форма

Вещь, рассматриваемая академиком В. Н. Топоровым как философская категория, не является статичным, зафиксированным во времени и пространстве образованием. Следуя за положениями работ немецкого философа М. Хайдеггера, Топоров утверждал, что вещь должна постоянно становиться вещью, «приобретать статус вещи, отличаясь от вещеобразного нечто, к которому не применим предикат веществования» [\[14, с. 15\]](#).

Напомним, что одна из линий философии Хайдеггера решает вопрос о сущности вещи. Как пишет об этом современный исследователь: «Хайдеггер пытается возродить, воскресить вещь, деконструированную научным знанием» [\[12, с. 88\]](#). Действительно, в работе «Вещь» (1950) философ писал о том, что «принудительное <...> научное знание уничтожило вещи как таковые задолго до того, как взорвалась атомная бомба» [\[15, с. 319\]](#). Познание, по Хайдеггеру, должно быть направлено на вещь «саму по себе», существующую «в качестве определяющей действительности» [Там же] (примечание 1). Как утверждает С. Г. Сычева, подобное устремление имеет «антисимволический» [\[12, с. 90\]](#) характер, так как сознание субъекта, направленное на постижение самой вещи, упраздняет сложные отношения между вещью и знаком (примечание 2). Исследовательница подчеркивает значимость такого типа отношений и выраженности вещи в символе: «Он (символ — Г. С.) не уводит от "самих вещей". Он приводит к ним. Принцип "К самим вещам" реализуется тогда, когда мы помним, что некоторые вещи являются символами и что *символы — это вещи* (курсив наш — Г. С.)» [Там же].

Положение о том, что вещь не воспринимается сознанием вне своего символа или знака, было определяющим и для В. Н. Топорова. Так, отталкиваясь от тезиса Хайдеггера об «основном модусе вещи» (примечание 3), Топоров утверждал, что «веществовать — значит и оповещать о вещи, т. е. преодолевать ее вещьность, превращаясь в *знак вещи* (курсив наш — Г. С.) и, следовательно, становясь элементом уже совсем иного пространства — не материально-вещественного, но идеально-духовного» [\[14, с. 15\]](#). Язык, как считал ученый, «спиритуализует» [Там же, с. 7] вещь, вводит ее в систему духовных отношений (одной из сторон которых является человек) и, таким образом, повышает «статус» вещи.

Итак, мы исходим из представления о том, что знак вещи (а именно слово, к ней отсылающее) является более высокой формой существования вещи, определяющей ее возможность вступать в неутилитарные отношения с человеком («...язык посреднически связывает <...> всё, что есть в мире, с человеком, если только это всё может быть выражено в языке» [Там же]). В свою очередь, включение этого знака в художественный текст значительно усложняет «форму» вещи, наделяет ее новыми, художественными смыслами, так как «значения и смыслы речевых (лингвистических) знаков в художественных текстах <...> оказываются "именами" других — свёрхречевых, металингвистических — знаков» [\[13, с. 20\]](#).

С другой стороны, характер функционирования вещи в художественном тексте нельзя целиком свести к подобному «семантическому углублению», о котором писал Ю. М. Лотман, критикуя положение формальной школы литературоведения о реализации эстетической функции текста исключительно через форму (примечание 4). Определение поэзии как «высказывания с установкой на выражение» [\[21, с. 275\]](#), данное Р. О. Якобсоном (одним из основателей формалистского объединения ОПОЯЗ), отвечает нашим представлениям о функционировании знака вещи в тексте. Знак вещи, включенный как звено в состав тропа (например, сравнения или метафоры), становится частью художественного образа, обладающего имманентной эстетической значимостью. Вещь возводится уже не во вторую «степень» (степень языкового знака как такового), но в третью (примечание 5). Так, когда Ю. К. Олеша в своей поэтической мемуарной книге сравнивает лужу, расположенную под осенним деревом, с цыганкой (примечание 6), оба изначально воспринимаемых предмета (лужа и дерево), «перерастают» свои эмпирически наблюдаемые качества (в частности, для дерева значимым качеством оказывается пестрота листьев) и входят в систему художественных отношений со вторым звеном сравнения — воображаемым образом пестро одетой цыганки. Вещь, опосредованная словом, становится самой формой художественного высказывания.

Творчество М. П. Шишкина, на наш взгляд, представляет собой случай взаимодействия двух «разнонаправленных» тенденций в решении проблемы «вещь — слово»: *конструирование* художественной знаковой реальности из эмпирически воспринимаемых объектов мира и *сохранение* образа мира в акте творчества, равно словесной фиксации психического процесса восприятия. В настоящей статье мы хотим показать, что, несмотря на постулируемое Шишкиным ценностное предпочтение самой вещи (и шире — жизни) слову, в его романном творчестве 2000-х гг. слово может становиться главной, определяющей «реальностью» текста, более значимой, чем вещь, к которой оно отсылает. Последнее, в свою очередь, указывает на то, что творческая практика писателя становится глубже и значительнее его мировоззрения, выражаемого часто публицистически (например, в интервью) или имплицитно в художественном тексте.

В отечественном и зарубежном литературоведении 2010-х гг. сложилось мнение о примате этического содержания романов Шишкина над эстетическим, то есть непосредственно над формой, обладающей самостоятельной художественной ценностью. Так, например, А. Скотница рассматривает корпус романов Шишкина как текстовое единство на основании того, что каждое отдельное произведение выражает «некий *общий смысл* (курсив наш — Г. С.)» [\[11, с. 66\]](#). Смысл же этот, по мнению исследователя, реализуется в виде конкретных тем и мотивов: «движение между утратой и надеждой, упадком и спасением» [Там же, с. 68], «смерть, разлад» [Там же, с. 72], «воскрешение, память, распад» [Там же, с. 76]. Также С. Оробий (автор первой и в настоящее время единственной монографии, посвященной творчеству Шишкина (примечание 7)) пишет о ценностном преобладании содержательного компонента творчества писателя над повествовательной изощренностью: «Как бы изощренно ни был построен каждый роман, он сводится к универсальным, общепонятным категориям: рождению ребенка ("Взятие Измаила"), "воскрешению" певицы Беллы ("Венерин волос"), <...> жизни и смерти ("Письмовник")» [\[9\]](#). Наконец, наше внимание привлёк доклад В. Г. Моисеевой «Эволюция прозы М. Шишкина» (примечание 8). По мнению автора доклада, характер творческих поисков Шишкина определен конфликтом «между "фактом" и "буквой", жизнью и словом, этикой и эстетикой» [\[7, с. 318\]](#). Рассматривая эти оппозиции в «длительном» аспекте (то есть на протяжении всего творческого пути писателя), В. Г.

Моисеева делает вывод о разрешении обозначенного конфликта в последнем романе Шишкина «Письмовник» (2010) в пользу этики.

В процитированных нами работах исследователи обращаются к реализации соотношения «жизнь — слово» в творческой практике Шишкина. Понятие «жизнь», занимающее место первой «переменной» этого соотношения, может включать в себя широкий спектр явлений. В интервью 2000-х — начала 2010-х гг. сам Шишкин часто высказывал мысль о значимости «внесловесного» по отношению к «словесному» (примечание 9), а также обозначил ряд «жизнеориентированных» тем, реализуемых в его романах: «...что может быть интереснее, чем детство или юность, отношения с родителями, первая любовь, отношения с детьми, измены, разводы, смерти? Реальные естественные смерти, а не детективные. Каждый роман именно про это» [5]. Однако проблема «жизнь — слово» может быть переведена в план соотношения вещи и слова (а точнее, восприятия вещи и слова), так как «жизнь» для героев Шишкина — это и *восприятие материальных объектов мира*, осознание своего присутствия в пространстве вещей.

Проецируя положения интервью писателя о значимости «внесловесного» на соотношение «вещь — слово», мы можем сделать предположение о том, что в системе ценностей Шишкина процесс чувственного познания вещи, дифференциация ее качеств и т. д. стоят выше акта художественного преобразования вещи. В романе «Взятие Измаила» (2000) один из творческих принципов писателя был обозначен как собирание «коллекции» образов восприятия. Отправив в редакцию «Пионерской правды» текст своего «романа», герой (примечание 10) получает своеобразный «отзыв-наставление»: «Вот увидишь вокруг себя что-нибудь, что покажется тебе необычным, интересным или просто забавным — возьми и запиши. Может быть, это будет поразивший тебя закат, или дерево, или просто тень» [17, с. 483]. Несмотря на то, что это «наставление» в романе продолжено проблемами этического характера («Или рядом с тобой что-то произойдет, хорошее или плохое. Или ты сделаешь что-то такое, о чем задумаешься, например, обидишь кого-то рядом с собой...» [Там же]), очевидно, что одной из задач автора является сохранение зримого образа мира.

Тем не менее, уже на материале «Взятия Измаила» возможно проследить, как письменная фиксация образов восприятия переходит в *словесно-художественный образ*, обладающий большой степенью внутренней независимости и уводящий читателя от *непосредственно воспринимаемой* вещи к художественной словесной конструкции. Когда герой Александр Васильевич вступает в чувственное (примечание 11) взаимодействие с реальностью (примечание 12) романа, он не ограничивается точным описанием того, что видит. При помощи средств выразительности и оригинальности художнического видения мира герой-повествователь выстраивает такой образ, который мы рассматриваем как самостоятельную художественную единицу, например: «Выпил чаю, глядя в окно. Там стая птиц кружила над деревьями, будто их кто-то гонял ложкой, как чайники (примечание 13)» [17, с. 22]. Зрительно воспринимаемый объект (стая птиц), опосредованный языковым знаком, в приведенной цитате становится значим именно как часть художественного образа. Сознание повествователя, таким образом, направлено не столько на сохранение зримой реальности, сколько на создание словесно-художественного образа. Также, говоря о собственной комнате, герой не констатирует фактически наблюдаемое, но создает поэтический вариант существования предметов: комната, «замурованная кирпичами книг» [Там же, с. 23]; зеркало, «в котором живет правша (т. е. отражающее героя, который является левшой — Г. С.)» [Там же]. Усложняющие восприятие вещи с точки зрения коммуникации, эти образы становятся значимы с художественной точки зрения.

Чередование типов описания мира мы наблюдаем в дневнике героини Ольги Вениаминовны (графически не отделенном от основного повествования). Перечисления, непосредственная фиксация наблюдаемого («На дальних вершинах — снег. Прибрежье, засаженное пальмами, фитолаками, <...>, приятно теребит глаза» [\[17, с. 95\]](#)) взаимодействуют с тонкой нюансировкой зрительного образа, достигаемой лишь средствами языка («...море — крыжовенное» [Там же, с. 97] — употребляя такой эпитет, повествователь не просто «показывает» оттенок моря, но также вскрывает одну из потенций языка, скрытую в нехудожественных дискурсах, а именно возможность описывать цвет (или оттенок) вещи посредством соотношения ее с известным, но в смысловом отношении далеко отстоящим предметом). Героиня вспоминает момент обращения своего сознания «в зрение и слух» [Там же, с. 100] («...с неба сыпала мелкая крупа, и голуби крыльями смахивали с мостовой поземку — шорох перьев об асфальт...» [Там же]) — соответственно, в этом эпизоде слово становится лишь инструментом заострения внимания на ощущениях. Далее, однако, этот принцип «записывания» реальности, свободного от усложненной формы, вновь переходит в метафоризацию вещного окружения: «Мой номер я делю с туземцами — мелкими настырными муравьями. <...> Отламываешь кусок оставленного на ночь на столе круассана — те уже прижились в ноздреватом мякише, как монахи в пещерах » [\[17, с. 102\]](#).

Подобное стилистическое «балансирование» между вещью и словом характерно также для романа «Венерин волос» (2005). Основной тематический вектор романа — «воскрешение» прожитой человеком жизни в слове. Беженцы на допросе (стилистически выходящем далеко за рамки обыкновенного допроса) узнают о том, что их материальное пребывание в мире менее реально, чем рассказанные о них истории («...вы — это ваша история» [\[16, с. 58\]](#)). Толмач (герой-переводчик) получает наставление перед написанием биографической книги об известной певице прошлого столетия: «Суть книги — это как бы восстание из гроба: вот она вроде бы умерла, и все о ней забыли, а тут вы ей говорите: иди вон!» [Там же, с. 111]. Сама героиня-певица формулирует идею сохранения жизни в слове на страницах своего дневника: «А тетрадка (примечание 14) мне нужна для того, чтобы записывать в нее те ощущения, которые никто, кроме меня, не пережил, не переживает и никогда не переживет!» [Там же, с. 465].

Между тем поэтику романа невозможно охарактеризовать лишь через задачу «воскрешения» или «сохранения» образа мира. Сознание героев, направленное на внешний, материальный мир (и на вещь как составную единицу этого мира), имеет свойство переходить от непосредственного наблюдения к поэтическому образу. Так, вещное окружение толмача включается повествователем в состав тропов: «На газоне валяется красный зонт, как порез на травяной шкуре » (примечание 15) [Там же, с. 14], «...ударил мороз <...>. Усы и бороды у всех засеребрились, и каждый нес перед собой дыхание, как воздушную сахарную вату на палочке » [Там же, с. 109], «А прямо, над Святым Петром (собором Святого Петра в Риме — Г. С.), кружится темное живое пятно. Огромная птичья стая. <...> Будто по небу летает огромный черный чулок, который все время выворачивают наизнанку» [Там же, с. 197]. По мысли А. В. Леденева, именно для повествовательной линии толмача характерно использование таких деталей, которые «сюжетно не функциональны, но оправданы самой идеей творческого преображения жизни» [\[2, с. 142\]](#). Каждая отдельная вещь или совокупность вещей, воспринятых повествователем, «преодолевает» свое вещное значение в акте художественного творчества, в результате чего мы можем утверждать, что слово в романе приобретает статус «художественно преобразующего» [Там же] (а не только «воскрешающего»).

В конечном счете, повествование «Венерина волоса» может превращаться в поток поэтической речи, для которой «содержанием» становится сама форма высказывания (примечание 16). На этом принципе основаны «показания» героев-беженцев. Изначально отвечающие жанровым требованиям допроса (краткость, информативность, точность сформулированного ответа), их истории постепенно переходят в повествовательную прозу со множеством сюжетных отступлений, описаний и риторических приемов, затрудняющих восприятие фактов. К примеру, рассказ о безымянном «телохранителе» наполнен стилистически окрашенной лексикой и метафорами («Вы зарабатывали на хлеб насущный — <...>, — служа телохранителем у одного успешного журналиста, умнички и злыдня, ведущего телешоу, убогого, но обожаемого смертными, ибо приносило в их хижины и дворцы надежду и крупички света» [16, с. 37]), сказочными образами («К названному журналисту попали Бог весть откуда материалы об источнике зла. Все дело было в игле. Игла была спрятана в яйце, яйцо в селезенке...» [Там же]), а также описаниями, включающими характеристики сразу нескольких пространств («В комнате провидицы пахло курившейся смолкой, а за окном в старом дереве под корой прятались проеденные жучком письмена, в которых он описал свою жучью жизнь...» [16, с. 40]). Наконец, в определенной точке повествования последовательность событий и действий нарушается немотивированным «описанием природы» (примечание 17), целиком основанном на принципе метафорического преобразования зримого мира: «Вокруг стрекозы, прилипшей к лучу солнца, стеклянистый нимб» [Там же, с. 48], «Речка ползет по-пластунски и тащит водоросли за волосы» [Там же, с. 49] и т. д. По нашему мнению, подобный тип повествования направлен не на воскрешение зрительного образа, но на выявление способностей художественного «зрения» и возможностей художественного высказывания.

Главным материалом для настоящей работы послужили романы М. Шишкина 2000-х гг., а именно «Взятие Измаила» и «Венерин волос», однако мы не можем не обозначить вектор дальнейшего развития творческих принципов Шишкина. Последовавший за названными текстами роман «Письмовник» характеризуется поэтикой «чистого» восприятия: акт письма для героев — это запечатление образа мира, то есть того перцептивного «отпечатка», который реальность оставляет в сознании повествователя. Слово в романе становится именно способом передачи мироощущения героев, этических смыслов и т. д., а не художественной целью. «И запахи из сада! Такие густые, плотные, прямо взвесью стоят в воздухе» [18, с. 10]; «Ты только что из поликлиники, со свежей пломбой в зубе — запах зубного кабинета изо рта» [Там же, с. 16]; «Так хочется зимы! Схватить ртом морозного воздуха. Услышать хруст шагов по насту...» [Там же, с. 253] — такие конструкции пронизывают весь текст романа и ведут не к реальности слов, но к вещам, лежащим в плоскости чувственного познания (примечание 18). Поэтому вслед за В. Г. Моисеевой мы можем утверждать, что в последнем романе Шишкина «конфликт этики и эстетики» [7, с. 319] (в свете нашей темы — вещи и слова) разрешается в пользу первого.

Подведем итог сказанному выше. Приведенные в статье цитаты из романов иллюстрируют действие творческого механизма преобразования вещи (вещь — языковой знак — художественный образ), обозначенного нами в самом начале. Эти немногочисленные примеры дают исчерпывающее представление об указанном творческом принципе, а их количественное преумножение не внесло бы качественных изменений в понимании явления. В то же время в творчестве Шишкина действует другая значимая тенденция, которую мы обозначили как сохранение образа мира. Если романы «Взятие Измаила» и «Венерин волос» отмечены взаимодействием двух тенденций, то «Письмовник» представляет вариант «очищенной» художественной формы, концентрирующей в себе

объемный, перцептивно насыщенный образ мира. Творчество М. Шишкина, таким образом, проходит круг эстетического и мировоззренческого развития от многомерных словесных конструкций к воспроизведению в тексте потока жизни — что уместно сравнить с тем, как герой «Письмовника» продирался «всю жизнь через сложные вещи к самым простым» [\[18, с. 282\]](#).

Примечания:

1. Это положение в иных формулировках появляется и в других работах ученого (см., например, «Вопрос о технике» (1953): «Сущностью вещи, согласно старинному философскому учению, называется то, что она есть» [\[15, с. 221\]](#)). В статье мы не претендуем на сколько-нибудь полное изучение вопроса о вещи в философии Хайдеггера, поэтому не цитируем таких известных работ, как «Бытие и время» (1927), «Истоки художественного творения» (1935) и др. Привлечение подобных источников потребовало бы многомерного рассмотрения категории вещи с точки зрения ее философских аспектов. Мы лишь намечаем те смысловые линии, которые связывают философию с теорией литературы.

2. С. Г. Сычева пишет о соотношении «символ — вещь». Мы же, переводя проблему в лингвистический и далее в литературоведческий план, используем термин «знак», подразумевая под ним знак языковой: «материально-идеальное образование <...>, репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» [\[20, с. 167\]](#).

3. «Основной модус вещи, говоря словами Гейдеггера, — в ее веществовании» [\[14, с. 15\]](#).

4. Ср.: «Одно из основных положений формальной школы состоит в том, что эстетическая функция реализуется тогда, когда текст замкнут на себя, <...> план выражения становится некоторой имманентной сферой, получающей самостоятельную культурную ценность. Новейшие семиотические исследования подводят к прямо противоположным выводам. Эстетически функционирующий текст выступает как текст повышенной, а не пониженной, по отношению к нехудожественным текстам, семантической нагрузки» [\[3, с. 203–204\]](#). Впрочем, далее Лотман пишет о том, что «формальная школа сделала, бесспорно, верное наблюдение о том, что в художественно функционирующих текстах внимание оказывается часто приковано к тем элементам, которые в иных случаях воспринимаются автоматически и сознанием не фиксируются» [Там же, с. 204].

5. То есть степень художественного образа — эта математическая метафора использована нами по аналогии с тем, как О. Э. Мандельштам описывал процесс претворения непосредственно воспринимаемой действительности в ценностно более высокую действительность слова: «...поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает. <...> Эта реальность в поэзии — слово как таковое» [\[4, с. 142\]](#).

6. «В самом деле, у меня был запас великолепных метафор. <...> Это была метафора о луже в осенний день под деревом. Лужа, было сказано, лежала под деревом, как цыганка» [\[8, с. 267\]](#).

7. «"Вавилонская башня" Михаила Шишкина: опыт модернизации русской прозы» (2011).

8. Доклад был прочитан на IV международной научной конференции «Русская

литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)» в 2014 г.

9. Например, по поводу романа «Письмовник»: «"Письмовник" это такой же роман, *как и все мои остальные тексты* (курсив наш — Г. С.): попытка поймать словами внесловесное, перевести то, что составляет жизнь, на язык языка» [\[6\]](#). Отметим, что некоторые поэтические особенности «Письмовника», действительно, делают его романом о «внесловесном». Однако автор распространяет этот принцип на все свое творчество, чему, на наш взгляд, противоречат художественные особенности других его романов (об этом речь идет далее в статье).

10. В автобиографическом эпилоге романа дистанция между героем и автором отсутствует вовсе; также раскрывается автобиографический характер основной повествовательной линии романа, связанной с историей жизни Александра Васильевича (в частности, отношения между героем и его женой Катей). Ввиду этого эпилог можно рассматривать как вид авторского комментария, поясняющего мировоззренческую позицию писателя и его взгляд на смысл словесного творчества.

11. От сущ. 'чувство', обозначающего «способность живого существа воспринимать внешние впечатления» [\[1\]](#).

12. Несмотря на то, что художественный текст мы рассматриваем как знаковую структуру, «имитирующую» реальность, для героя произведения эта структура становится реальностью «первичной», единственно доступной эмпирическому познанию.

13. Здесь и далее в цитатах из текстов М. Шишкина курсив наш — Г. С.

14. Тетрадка, в которой героиня вела дневник.

15. В приведенном фрагменте А. В. Леденев видит «стилизацию под Юрия Олешу» [\[2, с. 141\]](#). Интересно, что В. Б. Шкловский рассматривал метафоры Олеши как средство «обновленного» видения мира, творческого преобразования реальности: «Сюжетные метафоры – система видения Олеши. Он видит стрекозу и то, что она похожа на самолет. Олеша сам отмечает, что он видит две возможности: один предмет не заменяет, а *обновляет* (курсив наш — Г. С.) другой» [\[19\]](#).

16. Ср. пронизательное суждение Шишкина, сделанное в связи с работой над книгой «Монтре — Миссолунги — Астапово: По следам Байрона и Толстого» (2002), написанной по-немецки: «Это была нехудожественная книга, где язык являлся только средством передачи информации, тогда как в нормальной (т. е. художественной — Г. С.) книге язык — самоценное живое существо. Он ничего не передает, он сам по себе информация» [\[10\]](#).

17. «Вошли в подъезд и, <...> и стали медленно подниматься по лестнице. <...> Раздался лязг передернутого затвора. Вы поняли, что это за вами, и тут началось описание природы» [\[16, с. 48\]](#).

18. Несомненно, текст романа наполнен также метафорами и сравнениями, однако тропы в романе скорее служат средством предельной субъективации образов восприятия. К примеру, так героиня передает образ увиденного впервые моря: «Выбежала на мостик, а он *взорвался от прибоя* — и я сразу получила от моря *мокрую пощечину* » [\[18, с. 44\]](#).

Библиография

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс] // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/ч/чувство> (дата обращения: 17.01.2022).
2. Леденев А. Сенсорная реактивность как свойство поэтики Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин. Краков, 2017. С. 131–146.
3. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Таллинн: Александра, 1992–1993. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 1992. С. 203–215.
4. Мандельштам О. Э. Утро акмеизма // Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 141–145.
5. Михаил Шишкин: «Написать свою Анну Каренину...» [интервью Марине Концевой] // 9 Канал ТВ [Израиль]. 5.12.2010. URL: <https://archive.9tv.co.il/news/2010/12/05/89804.html> (дата обращения: 20.12.2021).
6. Михаил Шишкин о своем новом романе «Письмовник» [интервью Льву Данилкину] // АфишаDaily. 16.08.2010. URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/ (дата обращения: 20.12.2021).
7. Моисеева В. Г. Эволюция прозы М. Шишкина // «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): Материалы IV Международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 4–5 декабря 2014 года) / Ред.-сост. П. Е. Спиваковский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 316–320.
8. Олеша Ю. К. Ни дня без строчки. М.: Советская Россия, 1965. 306 с.
9. Оробий С. «Словом воскреснем»: истоки и смыслы прозы Михаила Шишкина [Электронный ресурс] // Знамя. 2011. № 8. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=4669> (дата обращения: 17.01.2022).
10. Писатель Михаил Шишкин: «У Бога на Страшном суде не будет времени читать все книги» [интервью Наталье Кочетковой] // Известия. 22.06.2005. URL: <https://iz.ru/news/303564> (дата обращения: 17.01.2022).
11. Скотница А. Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской литературы: Михаил Шишкин. Краков, 2017. С. 65–88.
12. Сычева С. Г. Мартин Хайдеггер о вещи, символе и мышлении // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 297. С. 84–91.
13. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
14. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995 – С. 7–111.
15. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
16. Шишкин М. П. Венерин волос: роман / Михаил Шишкин. – Москва: Издательство

- АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 572 с.
17. Шишкин М. П. Взятие Измаила: роман / Михаил Шишкин. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – 538 с.
18. Шишкин М. П. Письмовник: роман / Михаил Шишкин. – Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. – 414 с.
19. Шкловский В. Б. Глубокое бурение [Электронный ресурс] // Информационный образовательный портал «Русофил». URL: http://www.russofile.ru/articles/article_120.php (дата обращения: 17.01.2022).
20. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
21. Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову // Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. С. 272–316

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметный мир литературного текста стоит воспринимать не только формальной составляющей, но и метафизической данностью. Еще с периода Античности вещь как таковая привлекала художников, ибо она есть зафиксированная во времени и пространстве образование. Но, пожалуй, только к XIX–XX веку на вещь стали обращать внимание объемно и концептуально. Представленный к публикации текст достаточно серьезен и фундаментален; автор обращается к прозе М. Шишкина, в творчестве которого вещь «является структурообразующей составляющей, формирующей пространство, мир, жизнь». Автор во вводной части прописывает цель, задачи исследования, объясняет выбор темы, выбор автора. Привлекает в статье грамотная отсылка / использование философских работ М. Хайдеггера, языковых трудов Романа Якобсона, культурологических исследований В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана. Считаю, что данные отсылки формируют позицию / точку зрения самого исследователя, создают т.н. эффект диалога с оппонентами. Работа не лишена объективной оценки творчества М. Шишкина, суждения, версии рецепции открыты, доступны для обсуждения: например, «в процитированных нами работах исследователи обращаются к реализации соотношения «жизнь — слово» в творческой практике Шишкина. Понятие «жизнь», занимающее место первой «переменной» этого соотношения, может включать в себя широкий спектр явлений. В интервью 2000-х — начала 2010-х гг. сам Шишкин часто высказывал мысль о значимости «внесловесного» по отношению к «словесному» (примечание 9), а также обозначил ряд «жизнеориентированных» тем, реализуемых в его романах: «...что может быть интереснее, чем детство или юность, отношения с родителями, первая любовь, отношения с детьми, измены, разводы, смерти?», или «уже на материале «Взятия Измаила» возможно проследить, как письменная фиксация образов восприятия переходит в словесно-художественный образ, обладающий большой степенью внутренней независимости и уводящий читателя от непосредственно воспринимаемой вещи к художественной словесной конструкции. Когда герой Александр Васильевич вступает в чувственное (примечание 11) взаимодействие с реальностью (примечание 12) романа, он не ограничивается точным описанием того, что видит. При помощи средств выразительности и оригинальности художнического видения мира герой-повествователь выстраивает такой образ, который мы рассматриваем как самостоятельную

художественную единицу...» и т.д. Материал органично составлен, он оригинален, целостен; думается, что его полновесно можно использовать при изучении курса «История русской литературы». Методология работы актуальна, синкретический режим допускает погружение в тексты М. Шишкина на уровне реализации «вещи / слова» более объемно. В тексте достаточное количество ссылок, систематизация источников, таким образом, проведена автором не формально, но профессионально и грамотно. Завершает работу вывод, в котором сказано, что «приведенные в статье цитаты из романов иллюстрируют действие творческого механизма преобразования вещи (вещь — языковой знак — художественный образ), обозначенного нами в самом начале. Эти немногочисленные примеры дают исчерпывающее представление об указанном творческом принципе, а их количественное преумножение не внесло бы качественных изменений в понимании явления. В то же время в творчестве Шишкина действует другая значимая тенденция, которую мы обозначили как сохранение образа мира. Если романы «Взятие Измаила» и «Венерин волос» отмечены взаимодействием двух тенденций, то «Письмовник» представляет вариант «очищенной» художественной формы, концентрирующей в себе объемный, перцептивно насыщенный образ мира. Творчество М. Шишкина, таким образом, проходит круг эстетического и мировоззренческого развития от многомерных словесных конструкций к воспроизведению в тексте потока жизни — что уместно сравнить с тем, как герой «Письмовника» продирался «всю жизнь через сложные вещи к самым простым». Отмечу, также и поддержание на протяжении всей работы собственно научного стиля; термины и понятия использованы в режиме унификации. Серьезной правки текста не требуется, библиография может быть использована при формировании новых тематически смежных исследований. Статья «Категории вещи и слова в творчестве М. П. Шишкина (на материале романов «Взятие Измаила» и «Венерин волос»)» рекомендуется к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тюняева О.Д. — «Практик на американский лад»: образ Василия Федотыча Соломина в романе И. С. Тургенева «Новь» // Litera. – 2023. – № 2. – С. 75 - 82. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39719 EDN: DUFXEE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39719

«Практик на американский лад»: образ Василия Федотыча Соломина в романе И. С. Тургенева «Новь»

Тюняева Ольга Дмитриевна

Аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ tyunuaeva@list.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39719

EDN:

DUFXEE

Дата направления статьи в редакцию:

03-02-2023

Аннотация: Предметом исследования является «американская тема» в творчестве И. С. Тургенева. Формирование многогранного образа Америки у Тургенева показано на фоне широкой картины восприятия Нового света в России середины XIX в. Автор обозначает определенные пересечения, существовавшие между Российской империей и США в XIX столетии, что обуславливает интерес этих стран друг к другу. Отмечается, что существовавший на протяжении всей жизни интерес Тургенева к литературе и культуре США был обусловлен не только личными вкусами писателя, но и общей увлеченностью Новым светом в русском обществе того времени. В центре внимания находится образ «постепеновца» Соломина из романа «Новь». В изображении этого героя прослеживаются определенные представления о национальном характере американца, сформировавшиеся в русском обществе второй половины XIX в. Благодаря подробному историко-литературоведческому анализу последнего романа писателя, автор приходит к выводу о том, что у Тургенева обращение к «американизму» в данном случае связано с созданием новой концепции развития России, концепции «постепеновства снизу». Особенности характера Соломина, генетически восходящие к представлению об американском национальном характере, позволяют герою действовать в сложившихся исторических условиях. А «постепеновство снизу» оказывается единственно возможной движущей силой прогресса в России. В заключение дается предположение, почему в

окончательном варианте текста писатель отказывается делать своего героя «практиком на американский лад».

Ключевые слова:

Тургенев, Америка, США, Новый свет, Россия, XIX век, образ, роман, Соломин, Новь

К XIX в. по обе стороны от Европы, центра мировой культуры и цивилизации, сложились два больших государства, совершенно разных по своему политическому и социальному устройству. Тем не менее, эти страны имели и немало точек пересечения. Речь идет о России и США. Империя и федерация выступали друг для друга образом «Другого», наличие которого характерно для любой культуры [\[1, с. 11\]](#). Относительно «Другого» культура определяет свое положение в мире. Культура может отождествлять себя с неким «Другим», либо противопоставлять. Но в обоих случаях у одной культуры чувствуется сильнейший интерес к другой. Подобным ориентиром друг для друга и являлись Россия и США. Исследователи давно отмечали, что государства объединял ряд общих факторов: общность социальных проблем (крепостное право в России и рабство в Америке); обширная территория двух стран; периферийное положение этих больших государств по отношению к Европе, центру мировой культуры в XIX в. Если в XVIII в. Россия воспринимает Европу как наставницу в плане культуры, то уже к концу XIX столетия русская литература сама оказывает непосредственное влияние на развитие литературы Европы. Литературы России и США практически одновременно, в начале XIX в., входят в мировое художественное пространство. Этим в немалой степени обуславливается явный интерес русских и американских писателей друг к другу [\[2, с. 225\]](#).

Известно, что на протяжении всего творческого пути И. С. Тургенев проявлял живой интерес к литературе и культуре Америки. Этот интерес, по всей видимости, был обусловлен не только личными вкусами писателя, но и общей увлеченностью Новым светом в русском обществе середины XIX в. А. М. Эткинд убедительно показал, насколько важен был Новый Свет для России в середине XIX в. в различных аспектах жизни [\[1\]](#). В частности, исследователь проводит аналогии между многочисленными религиозными сектами, которые существовали как в Российской империи, так и в заокеанской республике.

Существовали в России весьма утопические политические проекты, ориентированные непосредственно на Америку. Так, в начале 1860-х гг. М. А. Бакунин обсуждал с П. А. Кропоткиным «создание Соединенных Штатов Сибири, которые вступили бы в федерацию с Соединенными Штатами Америки» [\[1, с. 250\]](#).

А. М. Эткинд отмечает особую знаковую роль Америки в двух важнейших текстах второй половины XIX столетия — «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и «Бесах» Ф. М. Достоевского. «В обоих романах Америка играет важнейшую **закадровую роль**: другое место, откуда вышли, о котором мечтают, куда исчезают и откуда возвращаются главные действующие лица» [\[1, с. 265\]](#). Недаром исследователь называет Чернышевского «американистом». Новые отношения к телесной любви, которые культивируются в романе Чернышевского, по-своему напоминают сектантские религиозные общины Америки. Четвертый сон Веры Павловны о земном рае приобретает особую связь с Америкой. Грезы о Новом мире порождают прямые ассоциации даже с природными ландшафтами

Североамериканского континента. Именно Америка с ее политическим устройством должна была, по мнению Чернышевского, воплотить все социалистические чаяния русского мыслителя [\[1, с. 197\]](#).

Таким образом, концепт «Америка» в русской культуре постепенно приобретает и философское наполнение. Нередко Америка описывается как Земля Обетованная, рай на земле [\[3, с. 118\]](#). Новый свет в этой парадигме воспринимается как место, несущее личную и общественную свободу человеку. В данном ключе интересны рассуждения А. И. Герцена о различиях между Европой и Америкой в связи с вопросами эмиграции. Размышляя о сущности европейской цивилизации, Герцен заключает, что переезд русского в Европу не является эмиграцией в полном смысле слова благодаря общности культуры. А вот переезд в Америку представляется писателю настоящей эмиграцией. «<...> это страна (Америка. — О. Т.) „забвения родины“, — отмечает Герцен, — «это новое отечество, там другие интересы, все другое; люди, остающиеся в Америке, выпадают из рядов» [\[4, с. 74\]](#).

Одновременно Новый свет воспринимается как иное, потустороннее пространство, находящееся за пределами изведенного мира. Упоминание Америки в качестве эквивалента загробного мира встречается, например, в творчестве Ф. М. Достоевского [\[5, с. 155\]](#).

Параллельно формировалось в России и представление об особенностях национального характера американцев. Ключевыми чертами считались индивидуализм, трудолюбие, социальная активность, предприимчивость, рационализм, приверженность к материальным благам. На протяжении XIX столетия представления об американском национальном характере в России продолжали углубляться.

Подобные различные представления об Америке, о Новом свете, в определенной степени нашли отражение и в творчестве И. С. Тургенева. Тема «Тургенев и Америка» довольно обширна и в разные годы привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей [\[5–10\]](#). Известно, что автор «Отцов и детей» был открыт к мировой культуре [\[11\]](#). На протяжении всей жизни Тургенев живо интересовался событиями Нового света и желал лично посетить заокеанскую Республику. В письме к американскому писателю Я. Бойесену писатель признавался: «Одно из самых сильных моих желаний — посетить самому вашу страну — Новый Свет, который для Старого Света является тем, чем Будущее для Настоящего или Прошедшего, — и я надеюсь, что исполню это желание прежде, чем покину эту землю» [\[12, с. 260\]](#). Осуществить эту мечту Тургеневу так и не удалось. Но до конца своих дней русский писатель поддерживал дружеские отношения с Г. Джеймсом, вел переписку с Я. Бойесеном, У. Д. Хоуэллсом и некоторыми другими представителями американской литературы.

В свою очередь в Америке интерес к творчеству Тургенева возник уже в середине XIX в. Первые упоминания о Тургеневе в американской критике появляются в статьях, повествующих о крепостном праве в России [\[13\]](#). В то время читателей США привлек антикрепостнический пафос «Записок охотника». Первые отдельные рассказы из цикла стали появляться в Новом свете в середине 1850-х гг. [\[5, с. 74\]](#) А спустя десять лет, в 1867 г., Ю. Скайлер издал в Нью-Йорке собственный перевод «Отцов и детей». Довольно скоро в Америке стали выходить и другие переводы романов Тургенева. При жизни писателя в США были изданы «Отцы и дети» (1867), «Дым» (1872), «Дворянское гнездо» (Liza, 1872), «Рудин» (1873), «Новь» (1877), повесть «Вешние воды» (1874) [\[14\]](#).

[п. 171](#). Большой интерес к Тургеневу-романисту в XIX веке проявили такие американские писатели, как Г. Джеймс, У. Д. Хоуэллс, Т. Пери, Я. Бойесен.

Сам же Тургенев в своем творчестве не придавал теме Америки большого значения. Писателя, в первую очередь, интересовали события в России, в некоторых случаях — жизнь русских в Европе. Но образ Америки так, или иначе возникает в творчестве Тургенева, причем зачастую он вписывается в общую парадигму представлений о Новом свете в России середины XIX в. Это касается и представлений об американском национальном характере, которые нашли отражение в образе Василия Федотыча Соломина из последнего романа Тургенева «Новь» (в «Вестнике Европы 1877. № 1, 2). Работа над «Новью» велась долго: первые наброски появились уже в начале 1870-х гг., а черновая рукопись была закончена в 1876 г.

В подготовительных материалах к роману Тургенев писал: «Мелькнула мысль нового романа. Вот она: есть романтики реализма (Онегин — не пушкинский, а приятель Ральстона). Они тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу. <...> В противоположность этому Онегину — надо поставить настоящего практика на американский лад (курсив наш — О. Т.), который так же спокойно делает свое дело, как мужик пашет и сеет, — можно подумать, что он хлопочет только о своем желудке, о своем *bien être* (благополучии), и счесть его за дельного эгоиста; только наблюдательный глаз может видеть в нем струю социальную, гуманную, общечеловеческую: она сказывается в выборе его занятия, в сознании долга перед другими, в честно выдержанно сером <?>, во всем плебейском закале. Натура грубая, тяжелая на слово, без всякого эстетического начала — но сильная и мужественная, нескучливая, с выдержкой. У него своя религия — торжество низшего класса, в котором он хочет участвовать. Русский революционер» [\[15, с. 399\]](#).

Однако позже Тургенев отказался от своего желания представить Соломина «американцем». В романе про Соломина сказано, что он некогда два года пробыл в Англии, в Манчестере, где многому сумел научиться, т. е. Америка заменяется более понятной, или привычной Англией. Теперь же он заведовал большой бумагопрядильной фабрикой купца Фалеева. «Соломин был единственный сын дьячка: у него было пять сестер — все замужем за попами и дьяконами; но он с согласия отца, степенного и трезвого человека, бросил семинарию, стал заниматься математикой и особенно пристрастился к механике; попал на завод к англичанину, который полюбил его как сына и дал ему средства съездить в Манчестер, где он пробыл два года и выучился английскому языку. На фабрику московского купца он попал недавно и хотя с подчиненных взыскивал, — потому что в Англии на эти порядки посмотрелся, — но пользовался их расположением: свой, дескать, человек! Отец им был очень доволен, называл его "обстоятельным" и только жалел о том, что сын жениться не желает» [\[15, с. 225-226\]](#).

Тем не менее, в чертах характера Соломина все же прослеживается нечто от американца. Неслучайно Тургенев писал о своем герое как о «практике на американский лад». В «Нови» писатель предлагает, по сути, новую концепцию развития России, не имеющую аналогов и в Европе.

Известно, что в этом романе нашла отражение концепция «постепеновства снизу» [\[16, с. 8-17\]](#). Тургенев полагал, что «хождения в народ» революционеров 1870-х гг. очевидно зашли в тупик. Вместо этого писатель предлагал концепцию скромной деятельности, которую ведут «полезные» люди [\[17\]](#). Их деятельность не предполагала разрозненные

бессмысленные шаги, а должна была в конечном итоге выстроиться в единую систему, способствующую развитию прогресса в России. «Времена переменялись, — писал Тургенев, — теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума — ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение... нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы» [\[12, с. 181\]](#) [\[18\]](#). Эту позицию разделяли, как справедливо пишет В. М. Головкин, некоторые общественные деятели того времени, например, публицист журнала «Вестник Европы» Л.А. Полонский, или один из видных деятелей «культурнического течения» в народничестве, публицист и литератор Я. В. Абрамов [\[16, с. 9\]](#). Таким «скромным», «незаметным» и одновременно «полезным» человеком оказывается «постепеновец снизу» Соломин. Он показан как необходимая сила для внутренних реформ русского общества. Причем важно, что такого типа люди, которых пока в России решительно недостает, не должны быть яркими лидерами, своего рода героями. Наоборот, они, в первую очередь, должны быть лишены эгоизма, самолюбия, быть «серыми» и сосредоточенными на конкретных делах. «Что может быть, напр., неизменнее, — писал Тургенев, — учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т.д. На что тут таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своим эгоизмом <...>» [\[12, с. 181\]](#).

Мы же полагаем, что генетически «постепеновство» Соломина отчасти может быть возведено к представлениям о национальном американском характере. В первую очередь, здесь стоит говорить о предпринимательской жилке героя, его понимании истинного порядка вещей, практицизме и способности действовать в нынешних обстоятельствах. Соломин, единственный среди всех персонажей романа, оказывается способным не только рассуждать о больших переменах, ждать революции, но и приближать это будущее реальными практическими и одновременно не радикальными действиями [\[19\]](#). Г. А. Тиме писал о «серости» Соломина, как об одном из основополагающих качеств героя [\[20, с. 152–153\]](#). Соломин, начисто лишенный эгоизма, оказывается буквально «слит» с такой же как он, серой народной массой. Но в этом и заключается особая сила героя. Если Алексей Нежданов показывает полную несостоятельность на выбранном им поприще (испытывает разочарование в народничестве, не находит общего языка с мужиками), то Соломин, напротив, вполне последовательно делает то, что считает необходимым. Он не питает никаких иллюзий относительно народа и русской действительности. Но это не мешает ему по мере возможностей помогать народу в получении образования и приобщать его к прогрессу, учить работать и вовлекать именно в труд. «Нежданов стал расспрашивать его о том, какие социальные идеи он пытается провести во вверенной ему фабрике и намерен ли он устроить дело так, чтобы работники участвовали в барыше?

— Душа моя! — отвечал Соломин, — мы школу завели и больницу маленькую — да и то патрон упирался, как медведь!» [\[15, с. С. 226–227\]](#)

Таким образом, хотя Тургенев и отказался от задумки сделать Соломина «американцем», автор сохраняет в герое некое первоначальное зерно делового человека не на западноевропейский, а на американский манер. Подобный склад характера Соломина выделяет его среди других персонажей. Именно Соломин оказывается, по сути, единственным героем, способным действовать в сложившихся исторических условиях. А «постепеновство снизу» — единственно возможной движущей силой прогресса в России. В заключительной главе романа из речи Паклина читатель узнает, что Соломин организовал свой небольшой завод на артельных началах. В этой детали мы опять же

видим некоторые отсылки к «американизму», определенным образом понятому в русской культуре. Завод на артельных началах, созданный Соломиным, перекликается с четвертым сном Веры Павловны из романа Чернышевского «Что делать?». Мы уже говорили о том, что именно в политическом устройстве США Чернышевский видел возможность воплощения своей социальной утопии в жизнь. Но если герои Чернышевского во многом остаются плоскими воплощениями какой-то одной авторской идеи, то Тургенев, напротив, всячески старается раскрыть своего героя с разных сторон. Наделяя Соломина практицизмом, здравым смыслом, лишая его особой гордости и эгоизма, присущих, например, Базарову, Тургенев стремится все же сделать своего героя именно русским человеком. Недаром Соломин оказывается выходцем из духовной среды. Таким образом, Соломин сочетает в себе черты исконно русского характера с «американизмом», понимаемым весьма специфически в XIX столетии. Интересно, что в одном из своих эссе М. Н. Эпштейн рассуждал о возможности появления «амеросса» — человека, соединяющего в себе черты двух национальных культур: «российскую культуру задумчивой меланхолии, сердечной тоски, светлой печали, — и американскую культуру мужественного оптимизма, деятельного участия и сострадания, веры в себя и в других...» [\[21, с. С. 25\]](#) Нечто подобное такому «амероссу» прослеживается в образе Соломина, который не чужд понимания русских мужиков, работников на его фабрике.

По неясным для нас причинам Тургенев отказывается от задумки сделать своего героя «практиком на американский лад». «Американскую» модель поведения героя писатель заменяет на «английскую». Можем предположить, что «английская» модель поведения и ведения хозяйства могла быть более понятна русскому читателю. Ведь Европа, в отличие от США, не представлялась столь отдаленной как в культурном, так и в географическом плане. Однако этот вопрос остается пока для нас непроясненным.

Америку едва ли можно считать центральным топосом в творчестве Тургенева, однако несомненный интерес писателя к Новому свету способствовал формированию значимого в поэтике его прозы образа, который отчасти отражал противоречивые представления об Америке в русском обществе XIX в. Мы сосредоточили внимание на «постепеновце» Соломине, в образе которого писатель передал целеустремленность и внутреннюю стройность нового национального типа американца. «Американизм» Соломина одновременно становится основой для создания новой концепции «постепеновства снизу», которая по Тургеневу выступает единственно возможной движущей силой прогресса в России. Однако в творчестве Тургенева топос Америки приобретает и более отвлеченное, философское значение [\[22\]](#). В повести «Вешние воды» (1872) и рассказе «Сон» (1877) возникает амбивалентный образ Америки, который одновременно становится и метафорой новой жизни (Новым светом), и хтоническим пространством «загробного», «иноного» мира.

Библиография

1. Эткинд А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
2. Гиленсон Б.А. Русская классика в мировом литературном процессе: XIX – начало XX веков: Учебное пособие. М.: Вузовский учебник: НИЦ ИНФРА-М, 2014.
3. Арустамова А.А., Кондаков Б.В. Константа «Америка» в русской литературе XIX в. // Вестник Пермского университета, Вып. 5. Пермь, 2010. С. 117-121.
4. Герцен А.И. Былое и думы. Полн. собр. Соч.: В 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1956.
5. Николюкин А.Н. Литературные связи России и США: Становление литературных контактов. М.: Наука, 1981.

6. Алексеев М.П. Мировое значение «Записок охотника» // «Записки охотника» И. С. Тургенева. (1852–1952). Сборник статей и материалов. Орел, «Орловск. правда», 1955. с. 36-117.
7. Гиленсон Б.А. Тургенев в американской критике. // «Уч. зап. Горьковск. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского». Сер. филологическая. Русская литература, вып. 48, 1958. с. 99-107.
8. Gettman R.A. Turgenev in England and America. Urbana: University of Illinois Press, 1941.
9. Korn D. Turgenev in Nineteenth Century America. // The Russian Review, Vol. 27, No. 4, Oct., 1968. p. 46-467.
10. Peterson D. The clement vision: Poetic realism in Turgenev and James. Port Washington (N.Y.), L.: Kennikat press, 1975.
11. Ребель, Г.М. Всемирная отзывчивость Тургенева. По материалам литературно-эпистолярной антологии «С Тургеневым во Франции». // Вопросы литературы. М. 2020. №2. С. 196-231.
12. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30т. Письма: В 18 т. Т. М.: Наука, 2002.
13. Robinson E. Slavery in Russia. // The North American Review Vol. 82. No. 171. April, 1856. p. 293-314.
14. Yachnin R., Stam D. H. Turgenev in English: a checklist of works by and about him. New York: The New York Public Library, 1962.
15. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30т. Сочинения: В 12 т. Т. 9. М.: Наука, 1982.
16. Головки В.М. «Постепенность снизу» как выражение позиций демократического просветительства И.С. Тургенева. // Вестник МГПУ, Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование, М. 2017. № 2 (26). с. 8-17.
17. Головки В.М. «Новь» И. С. Тургенева как «роман-foresight»: социально-философская идея и жанровая структура. // Философский модус словесного творчества. М.: Флинта, 2022. С. 167-210.
18. Беляева И.А., Матюшенко А.Г. Духовные причины идейного спора: еще раз о природе конфликта в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. «Российское профессорское собрание», М. 2022. № 11 (т. 3) с. 24-30.
19. Беляева И.А., Тышкова-Каспшак Э. Архетипические константы и трансформации русского романа. // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2021. № 3 (т. 19), с. 78-102.
20. Тиме Г.А. И.С. Тургенев и немецкая мысль XVIII–XIX веков. // Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011.
21. Эпштейн М.Н. Амероссия. Избранная эссеистика. На русском и английском языках. М.: Серебряные нити, 2007.
22. Доманский В.А., Кафанова О.Б. Художественные миры Ивана Тургенева. М.: Флинта, 2020.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «"Практик на американский лад": образ Василия Федотыча Соломина в романе И. С. Тургенева "Новь"» - интересное исследование проблемы, которая не является магистральной в тургенеvedении, однако представляет несомненный интерес. Прежде всего автор статьи освещает вопрос «Тургенев и Америка», показывает, что писатель интересовался страной, ее литературой, мечтал ее посетить. Также затрагивается вопрос о переводах произведений Тургенева в Соединенных Штатах, особенно отмечается значимость антикрепостнической темы произведений Тургенева для американского читателя. Вторая тема, которой касается автор статьи, - американская тема в русской литературе второй половины XIX века. Отмечается знаковая роль темы Америки в двух романах – Н.Г. Чернышевского «Что делать» и Ф.М. Достоевского «Бесы». Все это позволяет обозначить литературный контекст и выявить те смыслы, которые закрепились за образом Америки в русском общественном сознании. Важным выводом является наблюдение о том, что « концепт «Америка» в русской культуре постепенно приобретает и философское наполнение» и «описывается как Земля Обетованная, рай на земле», а также как «иное, потустороннее пространство, находящееся за пределами изведенного мира».

Рецензируемая статья вырастает из того факта, что в подготовительных материалах к роману «Новь» Тургенев хотел одного из персонажей сделать «настоящим практиком на американский лад». Из этого замысла и начинается формироваться образ Соломина. Однако, как отмечено автором статьи, от первоначальной идеи Тургенев отказался, героя "отправил" учиться в Англию, где он и освоил принципы организации фабричного производства.

Ценность статьи состоит в том, что, во-первых, подробно рассмотрен образ Соломина, переосмыслено его место в системе образов романа и в его идейном строе. Автор статьи фиксирует в Соломине «американские» черты, которые восходят к первоначальной идее. Во-вторых, "предыстория" образа, его новая трактовка позволяет воспринять "Новь" как роман концептуальный, с жизнестроительной составляющей. В нем, по мнению автора статьи, Тургенев представил «новую концепцию развития России, не имеющую аналогов и в Европе», а «постепеновство» Соломина он возвел к представлениям о национальном американском характере, каким его воспринимали в России второй половины XIX века. В связи с этим иначе, чем принято, рассмотрено и объяснено такое качество героя, как «серость» и тот биографический факт, что Соломин происходит из духовной среды.

Статья интересна, доказательная и аргументирована. Она обладает несомненной научной новизной, хорошо структурирована, исполнена в научном стиле. Список литературы репрезентативен. Все работы, включенные в него, фундированы, отсылки к ним обозначают научный контекст и дискуссионные моменты.

Все вышесказанное позволяет рекомендовать данную статью к публикации.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Коржова И.Н. — Кто открыл неизвестную землю? (Прием двойной мотивировки в творчестве Ф. К. Сологуба и В. В. Набокова) // Litera. – 2023. – № 2. – С. 83 - 93. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.38926 EDN: DENKGU
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38926

Кто открыл неизвестную землю? (Прием двойной мотивировки в творчестве Ф. К. Сологуба и В. В. Набокова)

Коржова Инесса Николаевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы, Московский финансово-промышленный университет "Синергия"

462422, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, 80 г

✉ clean24@yandex.ru[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.2.38926

EDN:

DENKGU

Дата направления статьи в редакцию:

10-10-2022

Аннотация: Предметом изучения в данной статье являются сологубовские претексты рассказов В. В. Набокова «Terra Incognita» и «Памяти Л. И. Шигаева». В работе устанавливается генетическая связь указанных произведений с рассказами «Призывающий зверя» и «Соединяющий души» Ф. К. Сологуба. Работа основывается на сопоставительном анализе, который помогает выявить общность сюжетов и приемов писателей, установить черты мировоззрения, приводящие к сходному выбору. Область художественного внимания Набокова, как и Сологуба, составляет состояние бреда, которым мотивировано раздвоение пространства. Указанием на сологубовский интертекст у Набокова является изображение мелкой домашней нечисти, текстуально близкое описаниям у предшественника. В статье доказано, что заимствования сюжетов обусловлены эстетической общностью художников: стремлением воссоздать двоемирие, соединив объективный план с изображением альтернативного – субъективного или метафизического – измерения. Онтологическая нестабильность воссоздается писателями с помощью приема двойной мотивировки. В статье исследуются попытки обоих авторов трансформировать прием, найденный в прозе, для драмы. Сологуб осуществляет их в незавершенной адаптации для сцены рассказа «Призывающий зверя»

и в пьесе «Мелкий бес». Набоков стремится передать точку зрения героя в пьесах «Смерть», «Событие», «Изобретение Вальса». Отмечено, что в области драмы общие установки находят на уровне приемов несхожую реализацию.

Ключевые слова:

Набоков, Сологуб, двоемирие, гносеологическая проблематика, двойная мотивировка, точка зрения, претекст, интертекст, фантастика, пространство бреда

«Мне кажется, что Сирин продолжает именно "безумную", холостую, холодную гоголевскую линию, до него подхваченную Федором Сологубом. От "Отчаяния" до "Мелкого беса" расстояние вовсе невелико – если только сделать разницу в эпохе, в среде и культуре» [\[1, с. 119\]](#), – писал в 1934 г. Г. Адамович. В соответствии с эстетическими критериями Адамовича это оставляло молодого автора вдали от литературного олимпа. Но, отрешившись от оценочности, можно утверждать, что своим нелестным отзывом Адамович указал исследователям один из интереснейших пластов набоковского интертекста. Работа О. Сконечной «"Отчаяние" В. Набокова и "Мелкий бес" Ф. Сологуба» [\[2\]](#) закрепила данную параллель. В современном литературоведении исследователи давно вышли за рамки двух указанных романов: О. Буренина обнаруживает нити, связующие «Отчаяние» с малой прозой Сологуба [\[3\]](#), Ю. Левинг – с «Тяжелыми снами», он включает в круг сологубовских влияний «Дар» и «Приглашение на казнь» [\[4\]](#), Л. Бугаева исследует отсылки к «Творимой легенде» в незаконченном романе «Solus rex» [\[5\]](#). За сложными сплетениями текстов вырисовываются контуры коренного вопроса – о точках схождения эстетики писателей. Цель нашей работы – выявить не изученные ранее случаи обращения Набокова к произведениям Сологуба и рассмотреть вопрос о возможных аспектах схождения эстетики писателей.

I

Уже рецензенты первого романа Ф. Сологуба верно определили его излюбленный предмет изображения: «сны, видения, кошмары, химеры и т.д. В этом направлении он достиг колоссальных и удивительных результатов. Его область – между грезой и действительностью. Он настоящий поэт бреда» [\[6, с. 179\]](#). Не менее виртуозно неизвестную землю, где разум теряет свою власть над сознанием, изображал Набоков. Мастерски исполненная передача нарушенной логики бреда в его произведениях не была самоцелью, а лишь позволяла довести до максимума те искажения, с которым сознание отражает реальность. Показывая расхождение между объективным и субъективным обликами мира в лучших своих рассказах («Катастрофа», «Пильграм», «Terra incognita»), писатель расшатывал представление о реальности, тем более наделенной самоуверенным эпитетом «подлинная».

Источниками зыбкого мира «Terra incognita» исследователи называли и «В плену» В. Брюсова [\[7\]](#), и «Красный смех» Л. Андреева [\[8\]](#). Этот список необходимо расширить, включив в него рассказ Ф. Сологуба «Призывающий зверя», тем более что сходство между текстами не ограничивается общностью приема, но проявляется и на уровне фабулы. Герои, изможденные лихорадкой и, вероятно, впавшие в бред, переносятся в другое пространство, где обстоятельства требуют от них мужества и самоотдачи и в итоге ведут к гибели. Набоков сохраняет выстроенную Сологубом пространственную оппозицию: стесненность комнаты европейского типа и зеленые просторы под высоким

небом. Только охота в средиземноморских, веющих ночной сыростью лесах заменена экспедицией в знойные тропики. Это замещение не нарушает общего принципа: путь в экзотические края в обоих рассказах пролагает лихорадка, только в одном случае облик пространства подсказывает озноб, а в другом – нестерпимый жар.

Набоков не только перенимает схему событий и их мотивировку, но и позволяет расцвести некоторым приемам, лишь намеченным Сологубом. Такова совершающаяся прямо на глазах трансформация пространства. В «Призывающем зверя» стены отступают, как бы давая взгляду проникнуть за их пределы: «Свет электрической лампы становился тусклым. Потолок казался темным и высоким. Пахло травой, – ее забытое название было когда-то нежно и радостно» [9, с. 68], постепенно пейзаж «проявляется», и герой отмечает, как «яркие загорались в темном небе звезды», «тихо, однозвучно и робко журчал в ночной тишине ручей» [9, с. 68]. Граница между мирами воздвигается и разрушается мгновенно: «И, заклятые, вокруг него воздвиглись стены...» [9, с. 70], «Страшное рыканье потрясло стены. Холодную повеяло сыростью» [9, с. 73]. У Набокова описание перехода тоньше: используя прием «просвечивающих предметов», он создает эффект перетекания пространств. «Я старался не поднимать глаз, – но в этом небе, на самой границе поля моего зрения, плыли, не отставая от меня, белые штукатурные призраки, лепные дуги и розетки, какими в Европе украшают потолки, – однако, стоило мне посмотреть на них прямо, и они исчезали, мгновенно куда-то запав, – и снова ровной и густой синевой гремело тропическое небо» [10, Т. 2, с. 363]; «Разорванный, висящий рукав рубашки обнаружил его предплечье и странную на коже татуировку: граненый стакан с блестящей ложечкой, – очень хорошо сделанный. <...> Кук медленно повернулся, и стеклянистая татуировка соскользнула с его кожи в сторону <...>» [10, Т. 2, с. 364]. Предметы европейской реальности не просто проступают сквозь вымышленную картину, они определяют направление работы больного сознания. Так, «золотые камыши» [10, Т. 2, с. 363] родились, вероятно, из «бумажных обоев в камышеобразных, вечно повторяющихся узорах» [10, Т. 2, с. 363]. Сологуб также оставил в тексте намек на подобную мотивированность пейзажа. Но разгадка проскальзывает лишь однажды, чтобы найти ее, необходимо вернуться в начало рассказа к лаконичному описанию, как будто вызванному обычной писательской «вежливостью» по отношению к обстоятельному читателю: «Окно скрывалось за тяжелыми, темно-зелеными, в тон обоям на стенах, но только гораздо темнее их, занавесками. Обе двери <...> были крепко закрыты. И там, за ними, было темно и пусто, – и в широком коридоре, и в скучной, просторной и холодной зале, где тосковали разлученные с родиной грустные растения» [9, с. 65]. Их запах будет постоянно доноситься до героя.

Наконец, боль, испытываемая героями, обретет облик голодного зверя. У Сологуба он появится сам: «Прямо в сердце вонзились беспощадные когти. Страшная боль пронзила тело. Сверкая кровавыми глазами, зверь наклонился к Гурову и, с треском дробя зубами его кости, стал пожирать его трепещущее сердце» [9, с. 74]. Герою Набокова будет суждена мучительная смерть от жажды и лихорадки. Но как отзвук сологубовского текста прозвучат бредовые речи его спутника: «Я говорил, что мы здесь застрянем. Черная собака объедается падалью. Ми-ре-фа-соль», «Предлагаю поживиться его мясом, пока он не высох. Фа-соль-ми-ре» [10, Т. 2, с. 365].

Повествовательная манера предшественника определила, по нашему мнению, значимость текста Сологуба для Набокова. М. Бахтин так определил ее главный принцип: «<...> основная особенность новелл Ф. Сологуба – ведение повествования в

двух планах <...>. В старых новеллах все события вмещаются в единую, целостную, компактную действительность. В действительности сводятся концы с концами, и лишь иногда остается лирическое впечатление иного плана, как, например, в "Черном монахе" Чехова <...>. У Сологуба двойственность обнаруживается везде, единый план не устанавливается» [11, с. 146]. Набоков использует не только ту же двуплановую структуру, но и ситуацию выбора между мирами, заявленную у Сологуба. И здесь мы вступаем в область принципиальных эстетических различий, для продолжения разговора о которых необходимо определить, что же представляют собой два плана в каждом из рассказов.

Герой Набокова попеременно пребывает то на кровати в европейских меблированных комнатах, то под жалящим солнцем тропиков. Повествование застает героя в экспедиции, где он и подхватывает лихорадку, и только после начинают проступать черты европейского быта. Где же находится на самом деле герой, остается до конца не прояснено, хотя тонкие детали указывают, что герою суждена совсем негероическая смерть «при нотариусе и враче» (подробнее об этом в комментариях Ю. Левинга [8]). Важно, что персонаж осознает возможность выбора того, какую реальность принять для себя в качестве подлинной. Таковой однозначно признается трагический и героический мир африканских приключений в противовес «декорациям» европейского быта: именно он наделен полнотой жизни в противовес обыденному миру кажимостей. Среди других рассказов со сходной проблематикой «Terra incognita» выделяют два момента. Во-первых, автор отказывается от четкого разделения субъективного от объективного, помещая оба пространства в фокус видения героя, во-вторых, на него возлагается бремя выбора между мирами. Эти принципиальные моменты только подкрепляют связь рассказа Набокова с «Призывающим зверя», так как находят в последнем соответствия.

В рассказе Сологуба объективный план тоже отодвинут за границы повествования. Болезнь героя представлена так, как воспринимает ее он, через появления маленьких домашних нежитей и Лихорадки, истомившей героя своими ласками. Фантастичность субъективных деформаций лишь проявляет черты реальности, делая явной ее близость к хаосу. Так проявляется скрытое родство в изображении повседневности и открывшегося герою нового измерения: и там, и здесь быт опрокидывается и обнажаются бытийные пласты. В рассказе проявляется получившая развитие у чтимого Сологубом Шопенгауэра идея метемпсихоза. Герою дается шанс исправить прошлое и убить Зверя. Но он не спешит выбирать героический путь и прячется за стенами комнаты, предпочитая общение с мелкой нежью возможности победить Зло. Если отважный Грегсон становится образцом для набоковского героя, то подвиг отрока Тимарида, товарища Гурова-Аристомаха, одинок. В его судьбе реализуется значимая для Сологуба идея искупительной жертвы. Но со всегдашней иронией писатель показывает, что заплаченная кровь только умножает Зло. Тимарид, как и Гуров, своей смертью лишь увеличил кровожадность Зверя.

Итак, набоковский герой переступает неподлинную реальность и обретает себя пусть даже и в смерти, являя, по мнению Вл. Ходасевича, тип подлинного художника: «Наконец, надо принять во внимание, что, кроме героя "Соглядатая", все сирийские герои – подлинные, высокие художники. Из них Лужин и Герман, как я говорил, – лишь таланты, а не гении, но и им нельзя отказать в глубокой художественности натуры. Цинциннат, Пильграм и безымянный герой "Terra Incognita" не имеют и тех ущербных черт, которыми отмечены Лужин и Герман» [12, с. 224]. В мире Сологуба при любом выборе персонаж оказывается обречен, Зверь побеждает и героя, и труса. Но различие писателей не только в противоположности эмоционального спектра. По замечанию Бройтмана, «сологубовское "надбытие" (или "меональное" инобытие) нельзя смешивать с

“субъективным началом”, хотя оно без него немыслимо» [\[13, с. 916\]](#), Набоков избегает выхода в надличностный план, утверждая в центре создаваемого им мира сознание отдельного человека.

II

В 1934 году Набоков создал рассказ «Памяти Л. И. Шигаева», в котором снова вступил на неизведанную землю галлюцинаций. Хотя рассказ написан в форме заочной надгробной речи или некролога, герой сбивается и говорит о собственных несчастьях, от которых его спас покойный. Страдая от неверности возлюбленной, герой пьет в буквальном смысле до чертиков. Дважды появляется подобная нечисть на страницах набоковских произведений. Но если в первом случае, в «Сказке», ее присутствие было полно inferнальной таинственности Гофмана, то теперь тон описания иначе как сологубовским не назовешь. Только он столь же буднично и скрупулезно описывал разного рода «домашних нежителей». Герой рассказа «Призывающий зверя» впервые увидел их, застав врасплох: «А на днях Гуров проснулся вялый, тоскующий, бледный, и лениво повернул выключатель электрической лампы, чтобы прогнать дикий мрак зимнего раннего утра, – он вдруг увидел одного из них: маленький, серенький, зыбкий, легкий, мелькнул вдоль изголовья, пролепетал что-то и скрылся» [\[9, с. 65\]](#). При тех же обстоятельствах появляются черти у Набокова: «Видел я их каждый вечер, как только выходил из дневной дремы, чтобы светом моей бедной лампы разогнать уже заливавшие нас сумерки» [\[10, Т. 4, с. 346\]](#). По своей же весомой материальности они напоминают скорее Соединяющего души из одноименного рассказа Сологуба. Узнаваемой оказывается и место локализации видений (на столе), и сопровождающий нечисть «чернильный» мотив. «Помнится, я купил собачью плетку, и как только их собралось достаточно на моем столе, попытался хорошенько вытянуть их <...>. Но все они снова потихоньку собрались в кучу, пока я вытирал со стола пролитые чернила и поднимал павший ниц портрет» [\[10, Т. 4, с. 346-347\]](#), «он шлепался на пол с толстым жабым звуком, а через минуту, глядь, уже добирался с другого угла, высунув от усердия фиолетовый язык <...>» [\[10, Т. 4, с. 347\]](#). – «Уродец уселся на бронзовую перекладину чернильницы, сбросив ногою тростниковую вставку пера, чтобы поместиться поудобнее» [\[9, с. 32\]](#), «Гость вскочил на островерхую крышку чернильницы, стал там на одной ноге, вытянув руки вверх <...>» [\[9, с. 34\]](#). Знаменательно, что герой «Соединяющего души» – едва ли не единственный персонаж Сологуба, пытающийся физически уничтожить явившееся ему темное существо: он вооружается против нечисти перочинным ножом. Но способ, который избирает герой Набокова – сечь чертей – как будто еще более подходит предшественнику.

Остается добавить, что на осмысление сологубовского наследия намекает и само название. Придуманное антропоним Л. И. Шигаев, особенно если прочесть его слитно с инициалами, «Лишигаев», акустически напоминает и «шишигу», и «лешака», то есть педалирует тему мелкой нечестии (хотя возможна и другая интерпретация: инициалы, созвучные частице «ли», оспаривают каждое предложение, где они упомянуты). Сама фамилия героя – производное от «шигать». В словаре Даля находим объяснение «шигать, шигнуть птицу, юж. сполошить, согнать, шугнуть, пугать» [\[14, с. 632\]](#). Птичий мотив может намекать на настоящую фамилию Сологуба – Тетерников. Набоков создает пародию, «выставляя» наиболее известные сологубовские темы бреда, бесовщины и насилия и помещая их в рамку некролога, где прощается с героем, чье имя метит в ту же цель. По оценке повествователя, Шигаев «был совершенно лишен чувства юмора, совершенно равнодушен к искусству, к литературе и к тому, что принято называть

природой» [\[10, Т. 4, с. 349\]](#), а свои истории он рассказывал «так скучно, так основательно» [\[10, Т. 4, с. 350\]](#), что хотелось немедленно прервать его. Но теплота воспоминаний о Шигаеве не позволяет назвать расчет с Сологубом окончательным. Вероятно, рассказ можно назвать художественным эквивалентом оценки, которую много позже Набоков выскажет в письме, адресованном Э. Филду: «<...> Перечитывая стихотворения Сологуба, любезно Вами присланные, дорогой Эндрю, я понял, как, на самом деле, всегда восхищался частями этого "дьячкова яйца"» [цит. по 4, с. 500]. Примером того, как остро видел Набоков гносеологическую проблематику во в целом чуждых ему метафизических идеях, может служить рассмотренное нами в первой части статьи выделение приема двойной мотивировки и фабулы из рассказа Сологуба и мастерское их использование для достижения собственных художественных задач.

III

Внимание Набокова к рассказам Сологуба с двойной мотивировкой событий стало закономерным продолжением его постоянных экспериментов в этой области, начало которым было положено в 1923 году пьесой «Смерть». Здесь автор впервые попытался создать устойчивый баланс между субъективной и объективной трактовкой, который выдерживал любые колебания от новых аргументов в пользу того или другого прочтения. В пьесе была найдена и картографическая метафора для непознанных сознанием сфер: «а на местах мной виденных не часто / иль вовсе незамеченных – туманы, / пробелы будут – как на старых картах, / где там и сям стоит пометка: Terra / incognita» [\[15, с. 88\]](#).

Сологуб, как и Набоков, проявивший себя во всех родах литературы, предпринимал аналогичные попытки воплотить принцип двойной мотивировки на сцене. Ю. Герасимов, указывая на стойкий интерес писателя к межродовым транспозициям, вопрошает, «а не занимался ли Ф. Сологуб своего рода "алхимическим" поиском некоторого универсального способа для преодоления "заключения стен" – жанровых перегородок, чтобы приблизить наступление чаемого тождества Театра и Жизни?» [\[16, с. 96\]](#). Руководимые различными философскими и эстетическими идеями, Вс. Мейерхольд, Г. Крэг, Н. Евреинов, Л. Андреев, А. Блок пытались изменить ракурс видения в театре, найти новый фокус изображения, совпадающий с личностным преломлением бытия.

В русле подобных исканий задумывает Сологуб переложение рассказа «Призывающий зверя». Замысел остался невоплощенным и наброски были опубликованы в начале 2000-х, что исключает возможность знакомства Набокова с этим текстом. Но тем интереснее проследить, какие пути избирали художники в драме, реализуя принципы, приведшие их к схожим результатам в прозе. В черновике пьесы Сологуба сохранена фабула рассказа (хотя, возможно, автор намеревался внести некоторые изменения в финал) и переход из одного пространства в другое. Но эффект перетекания, недостаточно сильный и в рассказе, исчез вовсе. Если черты средиземноморского пейзажа в рассказе постепенно проступали под взглядом героя, детали добавлялись постепенно, то теперь переход совершается быстро: «Темно. Стены исчезли. [Лес. Яркие] Поле. Лес. Яркие в черном небе звезды. Ручей. Свежесть» [\[17, с. 98\]](#). Серые нежити, скользившие в рассказе полутенями, стали самостоятельными действующими лицами: Лампой, Стеной-Пристенником, Окном-Приоконником. Поэтому метаморфозы пространства сопровождаются репликами существ: **«Лампа.** Я гасну. **Потолок.** Я таю в ночном тумане. **Стена.** Таем, таем в ночном тумане» [\[17, с. 98\]](#). Антропоморфная уже в рассказе Лихорадка обретает самостоятельность отдельного существа и получает голос. В целом,

бредовая хмарь наливается земной тяжестью. Вероятно, Сологуб следует приемам Метерлинка, персонифицировав предметы в «Синей птице». На сцене воцаряется фантастический мир галлюцинаций героя. Его точка зрения, придающая происходящему фантастичность, только усилена. Это не уничтожает двойной мотивировки события, но устраняет зыбкую прелесть, с которой она воплощалась в рассказе. Метафизической реальности, проступающей сквозь ткань бытия, очевидно, вредит излишняя овнешненность. Трагическое понимание природы мироздания облекается в формы, найденные в сказке.

В пьесе Набокова «Смерть» представлен лишь один план действительности, и читателю предоставляется только выбрать позицию, с которой его оценивать. Либо все происходящее является дотлевающими за пределами смерти мыслями героя, либо он жив и находится в полном сознании, но так или иначе мир представлен сквозь призму его восприятия. В отличие от Сологуба Набоков не стремился передавать особенность помутившегося сознания. Собственно, в его пьесе остается фантастичным только само допущение, что герой уже умер и виденное нами – неостановимый разбег его мысли. Переход на точку зрения героя автор обозначает иными средствами. Не создав в первой картине описания комнаты, Набоков дает его во второй картине в реплике героя. Это мотивировано тем, что, войдя в знакомый кабинет Гонвила, Эдвин лишь окинул его привычным взглядом, не задерживающимся на предметах. Приходя в себя после выпитого яда, он уже с интересом осматривается, так как рассчитывает увидеть свою новую, вечную, обитель. Кроме того, собеседник героя обозначается в ремарке «человек в кресле» и, только будучи узнанным, обретает имя Гонвил.

Эти мелкие детали позволяют, однако, сделать вывод о принципиальном расхождении творческих задач писателей. Очевидно, Сологуб ориентируется на взгляд зрителя, причем демонстрирует небольшую искусственность в чисто постановочных моментах. Он знает, что декорация не сможет постоянно трансформироваться, что зритель не угадает сомнений героя относительно существования духов, и делает однозначными все эти моменты. Набоков также не находит сценических эквивалентов своему замыслу и переносит ряд приемов прямо из прозы, делая доступными их только в чтении (это и постепенно проступающие декорации, и неузнанный герой).

Оба автора имели и более серьезный опыт представления бредового сознания на сцене: «Мелкий бес» у Сологуба и набоковские «Изобретение Вальса» и «Событие». В «Изобретении Вальса» возникает неожиданный резонанс с неизвестным Набоковым переложением «Призывающего зверя»: оба автора избирают прием персонификации состояния и вводят в пьесы героев, которые, собственно, и должны объяснить происходящее – это Сон и Лихорадка. Лихорадка остается второстепенным персонажем. Реалистическая мотивировка, которую обеспечивает эта фигура, заслоняется кипящим противоборством начал, обнаруживающихся под тонкой пленкой реальности. Зверь и домашние нежити не подчиняются этой некрасивой желтолицей деве. Сон, персонаж пьесы Набокова, выступает антагонистом героя. Несмотря на сходные средства воплощения, проблематика Набокова иная – взаимоотношение человека с собственным вымыслом, граница между реальностью и вымыслом.

Пьеса «Мелкий бес» – еще одна попытка Сологуба воплотить двоемирие и двойную мотивировку в драме. И вновь тяжелый туман бреда героя, окутывавший роман, в пьесе сгущается в конкретные фигуры. Недотыкомка не только должна принять определенный облик, но и заговорить с героем. В начальной ремарке оговорено, что «каждый раз, когда она является, все на сцене становится как бред – освещение убывает, предметы кажутся странными и угрожающими, их очертания становятся человекообразными, люди

изменяются, кажутся злыми, издевающимися над Передоновым, их лица и движения становятся чрезмерно пошлыми и вульгарными, и сами они тогда похожи на видения бреда <...>» [\[18, Т. 1, с. 268\]](#). Однако это замечание – явный призыв о помощи, обращенный к постановщику. Сам Сологуб в тексте пьесы никак эти изменения не показывает. Если в романе главный герой является «минус-демиургом» и «авторство» Передонова проявляется в том, что сюжет романа становится реализацией и языком его бредовых состояний <...>» [\[13, с. 903\]](#), то в пьесе, по нашему мнению, он потерял эту власть. Ему была выделена маленькая епархия с четкими границами – появлением и исчезновением Недотыкомки. Столь четкое разделение придало остальным сценам объективный статус.

«Событие» Набокова оказалось более удачным примером театрального воплощения колеблющейся между явью и сном реальности. Набоков писал пьесу, используя то гротескные крупные мазки, то тонкую кисть реалиста. От этого ткань пьесы получилась неровной с просветами яви и сгущением абсурда. Первый постановщик пьесы Ю. П. Анненков оценил эту особенность как давно искомый в драматургии способ изображения действительности: «Наша жизнь слагается не только из реальных фактов, но также из нашего к ним отношения, из наших снов, из путаницы наших воспоминаний и ассоциаций, а от драматурга почему-то требуют односторонних вытязек: либо – все реально, либо – откровенная фантастика» [\[19, с. 166\]](#). Но чей взгляд соединяет в себе правду и вымысел? Современные исследователи избирают два принципиально разных подхода к пьесе, объясняя искажения реальности или авторской установкой на пародию, или внутренним состоянием ввергнутого в ужас героя. И это служит лучшим свидетельством того, что субъективное видение проявляет в предметах их подлинную суть. Искажение, передавая неконтролируемые процессы в душе героя, в то же время выражает четкую авторскую оценку повседневности как фарса. Говорить о влиянии пьесы «Мелкий бес» на «Событие» можно лишь предположительно. Очевидно совпадение ключевого приема: выдвижение точки зрения центрального героя происходит благодаря гротеску в изображении прочих действующих лиц. Но если Сологуб оставляет эту идею для воплощения режиссеру, Набоков сам реализует ее в ткани пьесы. Отсутствие четких границ между субъективным и объективным видением также позволило Набокову сохранить принцип двойной мотивировки, приглушенный в пьесе Сологуба по сравнению с его же романом.

Очевидно, что Сологуба и Набокова объединяет интерес к произведениям, основанным на приеме двойной мотивировки. Поколебленным оказывается объективный взгляд на реальность. Альтернативное ему субъективное видение привлекает Набокова само по себе, так как задает новые критерии подлинности – человеческую субъективность и творческую, преобразующую интенцию сознания. Сологуб в произведениях первой половины 1900-х, о которых шла речь в работе, проявляет интерес к надбытийным сферам, для которых сознание служит скорее посредником. Если у Набокова мы выбираем между двумя точками зрения – субъективной и объективной, то у Сологуба между двумя формами мировосприятия – прагматической и мистической.

Библиография

1. Адамович Г. Рец.: «Современные записки», книга 55 // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова / Под. общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: НЛО, 2000. С. 117–119.
2. Сконечная О. «Отчаяние» В Набокова и «Мелкий бес» Ф. Сологуба. К вопросу о традициях русского символизма в прозе В. В. Набокова 1920-х –1930-х гг. // В. В.

- Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 520–532.
3. Буренина О. «Отчаяние» как олакрез русского символизма: Федор Сологуб и Владимир Набоков [Электронный ресурс] // <http://www.diss.sense.uni-konstanz.de/>
 4. Левинг Ю. Раковинный гул небытия (В. Набоков и Ф. Сологуб) // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 499–519.
 5. Бугаева Л. Д. «Творимая легенда» В. Набокова // Набоковский вестник. 2001. Вып.6. С. 32–42.
 6. Залетный И. Рецензия на роман «Тяжелые сны» // Русская беседа. 1896. № 3. С. 181.
 7. Коннолли Дж. В. «Terra incognita» и «Приглашение на казнь» Набокова: борьба за свободу воображения // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 1. СПб.: РХГИ, 1997. С. 354–363.
 8. Левинг Ю. Примечания // Набоков В. В. Собр. соч. русского периода в 5 т. Т.3. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 778–826.
 9. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений. Т 11. СПб.: Шиповник, 1911. 239 с.
 10. Набоков В. В. Собрание сочинений в 4 т. М.: Правда, 1990.
 11. Бахтин М. М. Лекции об А. Белом, Ф. Сологубе, А. Блоке, С. Есенине (в записи Р. М. Миркиной) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 2–3. С. 138–174
 12. Ходасевич В. О Сирине // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова / Под. общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: НЛО, 2000. С. 219–231.
 13. Бройтман С. Н. Федор Сологуб // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). Книга 1. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 882–933.
 14. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т 4. М.: Русский язык, 1982. 683 с.
 15. Набоков В. В. Трагедия господина Морна. Пьесы. Лекции о драме. СПб.: Азбука-классика, 2008. 640 с.
 16. Герасимов Ю. К. О жанровых транспозициях текста в творчестве Ф. Сологуба // Русский модернизм. Проблемы текстологии. СПб.: Алатея, 2001. С. 92–96.
 17. Сологуб Ф. К. Призывающий зверя (черновая редакция) // Русский модернизм. Проблемы текстологии. СПб.: Алетея, 2001. С. 97– 99.
 18. Сологуб Ф. К. Собрание пьес в 2 т. СПб.: Навьи чары, 2001.
 19. Н. П. В. «Событие» – пьеса В. Сирина (беседа с Ю. П. Анненковым) // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова / Под. общ. ред. Н. Г. Мельникова. М.: НЛО, 2000. С. 165–166.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сравнительно-сопоставительный принцип в литературоведении является достаточно распространенным, при этом продуктивным. Большая часть подобных исследований касается не только установления формальных примет сопоставимых текстов, но и обозначения вариативных содержательных факторов. В русле указанной методологии и выполнена представленная у публикации статья. На мой взгляд, автор не тривиален в выборе авторов – это Федор Сологуб и Владимир Набоков, объемлен в контекстуальном пространстве. Стиль работы соотносится с научным типом, речь выверена, точна, емка:

например, «уже рецензенты первого романа Ф. Сологуба верно определили его излюбленный предмет изображения: «сны, видения, кошмары, химеры и т.д. В этом направлении он достиг колоссальных и удивительных результатов. Его область – между грезой и действительностью. Он настоящий поэт бреда». Не менее виртуозно неизвестную землю, где разум теряет свою власть над сознанием, изображал Набоков. Мастерски исполненная передача нарушенной логики бреда в его произведениях не была самоцелью, а лишь позволяла довести до максимума те искажения, с которым сознание отражает реальность. Показывая расхождение между объективным и субъективным обликами мира в лучших своих рассказах («Катастрофа», «Пильграм», «Terra incognita»), писатель расшатывал представление о реальности, тем более наделенной самоуверенным эпитетом «подлинная», или «герой Набокова попеременно пребывает то на кровати в европейских меблированных комнатах, то под жалящим солнцем тропиков. Повествование застаёт героя в экспедиции, где он и подхватывает лихорадку, и только после начинают проступать черты европейского быта. Где же находится на самом деле герой, остается до конца не прояснено, хотя тонкие детали указывают, что герою суждена совсем негероическая смерть «при нотариусе и враче» (подробнее об этом в комментариях Ю. Левинга). Важно, что персонаж осознает возможность выбора того, какую реальность принять для себя в качестве подлинной. Таковой однозначно признается трагический и героический мир африканских приключений в противовес «декорациям» европейского быта: именно он наделен полнотой жизни в противовес обыденному миру кажимостей» и т.д. Работа содержательна, информативна, материал можно продуктивно использовать в ходе чтения лекций по истории русской литературы XX века. Аргументация по ходу анализа логически выверена, хорошо, что автор сочинения создает т.н. диалог с потенциально заинтересованным читателем, это говорит о профессионализме, а также продуманности концепции. Считаю, что ряд моментов в статье можно продуктивно развить далее, то есть перспектива сопоставительного изучения текстов Ф. Сологуба и В. Набокова рождается одномоментно анализу. Например, это действительно замечено в таких фрагментах как «в 1934 году Набоков создал рассказ «Памяти Л. И. Шигаева», в котором снова вступил на неизведанную землю галлюцинаций. Хотя рассказ написан в форме заочной надгробной речи или некролога, герой сбивается и говорит о собственных несчастьях, от которых его спас покойный. Страдая от неверности возлюбленной, герой пьет в буквальном смысле до чертиков. Дважды появляется подобная нечисть на страницах набоковских произведений. Но если в первом случае, в «Сказке», ее присутствие было полно inferнальной таинственности Гофмана, то теперь тон описания иначе как сологубовским не назовешь. Только он столь же буднично и скрупулезно описывал разного рода «домашних нежителей», или «в пьесе Набокова «Смерть» представлен лишь один план действительности, и читателю предоставляется только выбрать позицию, с которой его оценивать. Либо все происходящее является дотлевающими за пределами смерти мыслями героя, либо он жив и находится в полном сознании, но так или иначе мир представлен сквозь призму его восприятия. В отличие от Сологуба Набоков не стремился передавать особенность помутившегося сознания. Собственно, в его пьесе остается фантастичным только само допущение, что герой уже умер и виденное нами – неостановимый разбег его мысли. Переход на точку зрения героя автор обозначает иными средствами. Не создав в первой картине описания комнаты, Набоков дает его во второй картине в реплике героя» и т.д. Статья оригинальна, интересна, фактических сбивов и противоречий не выявлено, научная наррация сводится к полновесному раскрытию темы. Итог работы органичен основной частью, автор обозначает, что «Сологуба и Набокова объединяет интерес к произведениям, основанным на приеме двойной мотивировки. Поколебленным

оказывается объективный взгляд на реальность. Альтернативное ему субъективное видение привлекает Набокова само по себе, так как задает новые критерии подлинности – человеческую субъективность и творческую, преображающую интенцию сознания. Сологуб в произведениях первой половины 1900-х, о которых шла речь в работе, проявляет интерес к надбытийным сферам, для которых сознание служит скорее посредником. Если у Набокова мы выбираем между двумя точками зрения – субъективной и объективной, то у Сологуба между двумя формами мировосприятия – прагматической и мистической». Бесспорно, итог сопоставления как таковой не может быть поставлен, необходима новая «история рецепции / оценки». Однако, поставленный ряд задач решен, точно финальная мысль автора объективирована. Список источников используется в данной работе максимально, формальные требования издания выдержаны. Рекомендую статью «Кто открыл неизвестную землю? (Прием двойной мотивировки в творчестве Ф.К. Сологуба и В.В. Набокова)» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Тумгоева Ф.З. — К вопросу о грамматической основе односоставных предложений в русском и ингушском языках // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39845 EDN: DECSXJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39845

К вопросу о грамматической основе односоставных предложений в русском и ингушском языках

Тумгоева Фатима Закреевна

ORCID: 0000-0002-1804-1818

аспирант кафедры русского языка, Ингушский Государственный Университет

386001, Россия, республика Ингушетия, г. Магас, пр. И. Зязикова, 7

✉ fatik0696@mail.ru

[Статья из рубрики "Интертекстуальность"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.2.39845

EDN:

DECSXJ

Дата направления статьи в редакцию:

26-02-2023

Аннотация: Предметом данного исследования является выявление разновидностей односоставных предложений в двух генетически неродственных языках – русском и ингушском, описание структурно-семантических свойств указанной синтаксической единицы с типологического аспекта. В связи с этим в данной научной статье выдвигаются следующие задачи: во-первых, провести комплексный анализ концепций предикативного центра односоставных предложений русского языка в сопоставлении с неродственным ингушским; во-вторых, выявить критерии определения типов односоставных предложений в русском и ингушском языках; в-третьих, провести структурно-семантический анализ предикации типов односоставных предложений с двух исследуемых языков: русского и ингушском. Научная новизна исследования – впервые выявляются основные структурно-семантические особенности и грамматические способы выражения предикативной основы односоставного предложения двух разноструктурных языков с сопоставительной точки зрения. Кроме того, научная новизна обуславливается тем, что предикативная основа односоставного предложения в номинативном русском и эргативном ингушском языках с типологической точки зрения недостаточно исследована: на сегодняшний день отсутствуют или мало представлены монографии, научные статьи и другие научные работы, в которых она была бы детально или аспектно разработана. В результате исследования выявлено семь разновидностей односоставных

предложений и доказано, что, несмотря на некоторые структурно-семантические различия, в целом предикация и типы односоставных предложений совпадают в русском и ингушском языках.

Ключевые слова:

Односоставные предложения, предикация, парадигма лица, грамматическая основа, типологический аспект, лицо Говорящее, лицо Произносящее, генетически неродственные языки, предикативное ядро, типы односоставных предложений

Введение

Изучение грамматической двусоставности / односоставности относится к одной из актуальных проблем синхронного языкознания. Вопрос о предикации односоставного предложения, а также о типах данной синтаксической единицы является предметом пристального внимания ведущих морфологов и синтаксистов типологического синтаксиса.

Актуальность исследуемой в статье темы обусловлена следующими факторами:

1) проблема определения синтаксического статуса односоставных предложений в системе языка и структурно-семантические отличия их предикации от грамматической основы двусоставных предложений;

2) нарастающая роль односоставных предложений в рамках ингушского языка, а также рост лингвистических исследований в сфере синтаксиса требует детальной интерпретации данной синтаксической единицы.

Для решения поставленных задач мы обращаемся к следующим **методам исследования**: описательному, сравнительно-сопоставительному, контрастивному.

На наш взгляд, односоставные предложения в русском и ингушском языках занимают важное место в структуре языков различных стратегий (в нашем случае - эргативной) и являются разновидностью простого предложения наряду с двусоставными предложениями.

В ингушской языковедческой науке односоставные предложения были и остаются предметом специального исследования. Однако в статьях, монографиях, диссертациях различного рода, а также в Грамматиках в разделе о простом предложении данная синтаксическая единица рассматривается не в полном объеме и односторонне - в основном с формально-грамматической точки зрения.

Материалом данного исследования послужили иллюстрации из ингушского фольклора наряду с авторскими примерами.

Теоретической базой исследования послужили научные труды, прямо или опосредованно связанные с исследованием односоставных предложений в номинативных и эргативных языках: А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, З.Г. Абдуллаева, В.В. Бабайцевой, Л.Ю. Максимова, Р.А. Магдиловой, М.Р. Назаровой, В.А. Белошапковой, Н.С. Валгиной.

Теоретические выкладки ингушеведов, интерпретировавших синтаксис ингушского языка с различных аспектов: Л.У. Тариевой, И.А. Оздоева, Р.И. Оздоева, Ф.Г. Оздоевой, М.А.

Кульбужева, Nichols J., З. М. Баркинхоевой, А.З. Гандалоевой, М.И. Чапанова – также легли в основу концептуально-понятийной базы данной работы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что материал и результаты исследования грамматической основы односоставного предложения неродственных языков могут быть использованы в преподавании курса сопоставительной грамматики, при составлении учебно-методических пособий по синтаксису односоставного предложения, а также школьных и вузовских пособий по ингушскому, и русскому языкам. Результаты исследования могут быть использованы в составлении лекций, семинаров по сравнительно-сопоставительному языкознанию нахских языков, на практических занятиях по синтаксису и культуре речи ингушского языка, при составлении двуязычных грамматических словарей в качестве иллюстративного материала.

Основная часть

Первым в истории русского синтаксиса научное обоснование понятию односоставности дал А. А. Шахматов в работе «Синтаксис русского языка». Автор ввел в обиход лингвистического исследования первую систематизированную классификацию и интерпретировал типы односоставных предложений с точки зрения их структурно-семантических особенностей. Так, по А. А. Шахматову односоставными являются предложения, «не представляющие словесного обнаружения тех двух членов, на которые распадается каждая психологическая коммуникация» [\[21, с. 32\]](#).

В основу классификации односоставных предложений А. А. Шахматов положил «природу главного члена. Сравнительно со способами словесного выражения главных членов в двусоставных предложениях, главный член односоставного предложения может быть отождествлен формально или с подлежащим, или со сказуемым, причем, конечно, не следует забывать, что такое «сказуемое» отличается от сказуемого двусоставного предложения тем, что вызывает представление и о предикате и о субъекте, между тем как сказуемое двусоставного предложения соответствует только предикату, а также, что «подлежащее» односоставного предложения вызывает представление о субъекте и о предикате, между тем как подлежащее двусоставных предложений соответствует только субъекту» [\[21, с. 50\]](#).

Это концептуальное положение А. А. Шахматова не совсем приемлемо для языков эргативной стратегии. В ингушском языке представляется актуальной концепция Л. У. Тариевой. Согласно ее мнению, ингушский глагол-сказуемое обладает нишей, в которой закодировано одно из лиц парадигмы с претензией на первое лицо [\[20, с. 119\]](#). Получается, что глагол, содержащий в своей структуре одно из первых лиц парадигмы, соответствует двусоставному предложению. Однако в синхронном синтаксисе ингушского языка признаны односоставные предложения [\[16, с. 76-77\]](#).

Следуя положению А. А. Шахматова о категории односоставности, сегодня в русском используются четыре типа односоставных предложений, каждый из которых имеет свои подтипы:

1. односоставные бессказуемо-подлежащные или подлежащные предложения, к которым относятся именные номинативные предложения (*Весна*); количественно-именные предложения (*Два часа дня*); именные генетивные предложения (*Ничего плохого*) [\[21, с. 50\]](#). В ингушском языке также наличествует данный тип односоставной клаузы,

выделенный еще в работе И. А. Оздоева и Р. И. Оздоева:

1. *Йоачан* 'Непогода'.
2. *Мух* 'Ветер'.
3. *Блаьсти* 'Весна'.

Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Ф. Т.

Несмотря на то, что личные местоимения не употребляются в языке вне сорула 'глагола-связки' *да* (*ва*, *ба*, *йа*), односоставные конструкции именного типа функциональны в ингушском литературном языке. Сравните конструкции:

4. *Малув цига?* 'Кто там?'
5. *Со ва* 'Я есть (муж.)'.
6. *Со йа* 'Я есть (жен.)'.

В приведенных иллюстрациях (примеры 2-3) личные местоимения, представляющие одно из лиц парадигмы (т.е. лицо Говорящее), валентное классному показателю, в отличие от другого личного местоимения первого лица (лица Произносящего: *аз* 'я'), не употребляется в качестве односоставного именного предложения [20, с. 80]. Здесь и далее примеры автора статьи – Ф.Т.

Второй тип, который выделил А. А. Шахматов в своем исследовании, - это односоставные сказуемо-бесподлежащие предложения. В данный тип включены определенно-личные бесподлежащие предложения (*Проходите быстрее!*); неопределенно-личные бесподлежащие предложения (*Внезапно постучались в дверь*); инфинитивные бесподлежащие предложения (*Взять его!*); адъективные бесподлежащие предложения (*Почему болен?*); наречные бесподлежащие предложения (*Сегодня тепло*); междометные бесподлежащие предложения (*Увы!*) [21, с. 50].

В эргативном ингушском языке синтаксисты не единодушны в выделении данных типов односоставных предложений. Например, в работе «Г1алг1ай метта синтаксис» 'Синтаксис ингушского языка' Ф.Г. Оздоевой и М.А. Кульбужева [10, с. 15] к односоставным бесподлежащим предложениям относятся неопределенно-личные и обобщенно-личные односоставные предложения. Сравните конструкции:

7. *Кьоалам истола т1а бита аьлар сога* 'Мне сказали оставить ручку на столе'.
8. *К1иран дийнахь хьоалчаг1а да аьнна хьахайтад вайга* 'Нам сообщили, что в воскресенье состоится свадьба'.
9. *Цхьан газетача цискалх лаьца б1арча статья хетаяь* 'В одной газете кошке посвятили целую статью'.
10. *Сиха ц1акхача аьннадар сога* 'Мне сказали быстро приехать'.

В приведенных конструкциях примеры 7-10 в ингушском языке относятся к неопределенно-личным односоставным предложениям, так как в семантической структуре глаголов-сказуемых лицо не определено. Предикация в данных иллюстрациях представлена эргативными глаголами-сказуемыми (*аьлар*, *д1ахайтад*, *хетаяь*, *аьннадар*), в которых закодировано лицо Произносящее (*аз* 'я'), выраженное именем в

эргативном падеже.

Предикация односоставных обобщенно-личных предложений ингушского языка может быть представлена глаголом со снятой валентностью (в нашем случае – именем в эргативном падеже). Свойство такого рода глагола-сказуемого направлено на широкий круг лиц:

11. Да-нана ца лоарх1аш лийнар ялсамала чувитавац *'В рай не пустили того, кто не читл своих родителей'* [9].

12. Зийча – гу, лийхача – коро. *'Наблюдай – увидишь, ищи – найдешь'* [9].

13. Туро кхераваьр г1ажак хийрав *'Напуганный мечом, палки боялся'* [9].

14. 1овдалча сагаца яхь ма лелае . *'Никогда ни в чем не состязайся с глупцом'* [9].

Следует отметить, что в предложении 13 грамматическая основа выражена номинативным глаголом (*кхийрав*), в семантическую структуру которого встроено лицо Говорящее (со *'я'*).

Итак, грамматическая основа односоставных предложений в ингушском языке определяется по отнесённости глагола-сказуемого к тому или иному корпусу (номинативный, эргативный, аффективный) [20, с. 139].

Дифференциальная особенность в определении предикации односоставного предложения двух разноструктурных языков заключается в том, что основной компонент предикативного ядра выражается в эргативном языке тремя личными местоимениями первого лица единственного числа (со *'я'*, выраженное номинативной формой имени; аз *'я'*, выраженное в структуре языка эргативной формой имени; личное местоимение *сона 'я'*, выраженное аффективной формой имени), а в номинативном языке есть только одно личное местоимение (*я*).

Третья группа односоставных предложений, выделенная А. А. Шахматовым, – вокативные односоставные предложения, главным и единственным компонентом которых является обращение: *Мальчик мой!* [21, с. 50].

В ингушском языке большинство ученых-ингушеведов не выделяет данный тип односоставных предложений [10, 15, 16]. Однако А. З. Гандалоева считает, что подобные конструкции имеют место быть в системе ингушского синтаксиса. В своем исследовании вокативные односоставные предложения она выделяет в качестве подтипа номинативных предложений наряду с бытийными [7, с. 55].

15. Ч1агарг, ч1агарг! Ура г1о! *'Ласточка, Ласточка! Взлетай наверх!'*

16. Нана! *'Мама!'*

17. Воти! *'Дядя!'*

Автор отмечает, что предикация в предложениях подобного рода выражена чаще всего именем собственным или именем одушевленного предмета со значением обращения. В ингушском языке вокативные односоставные предложения немногочисленны и встречаются, как правило, в речи, диалогах.

Четвертый тип односоставных предложений по А. А. Шахматову – это безличные

односоставные предложения. Данную группу односоставных предложений составляют безличные спрягаемо-глагольные предложения (*Лучше сегодня же уехать*); инфинитивно-глагольные безличные предложения (*Идти было недолго*); причастно-глагольные безличные предложения (*Все списано*); наречные безличные предложения (*Слишком радостно сегодня*); междометные безличные предложения (*ТЬфу на вас!*) [Шахматов, 2001, с. 50].

В ингушском языке выделяется один тип безличных односоставных предложений, грамматическая основа которого представлена безличным глаголом. Оздоев И.А. называет такие предложения в ингушском языке бесподлежащими [\[15, с. 77\]](#). Сравните конструкции:

18. Ара мелъеннай '*На улице потеплело*'.

19. Шелал т1аетт '*Знобит*'.

В данных предложениях (примеры 18, 19) предикация выражена безличными глаголами и в русском, и в ингушском языке.

А.А. Шахматов и его классификация односоставных предложений оказали большое влияние на развитие грамматической науки и явились основой для синхронной классификации односоставных предложений. Однако, слабость данной концепции, на наш взгляд, заключается в том, что по критерию, приведенному автором, не отличишь односоставное предложение от неполного.

В Академической грамматике 1980 года Шведова Н.Ю., опираясь на концепцию А.А. Шахматова, выделила две большие группы односоставных предложений или, как пишет автор, «однокомпонентных схем», давая грамматическую характеристику, интерпретируя структурно-семантические особенности и порядок слов в каждом типе односоставных предложений:

1). Спрягаемо-глагольный класс, к которому относятся безличные предложения (*Рассвело*) и неопределенно-личные (*Просят*);

2). Не спрягаемо-глагольный класс, который составляет именные (номинативные) односоставные предложения (*Звонок в дверь*); инфинитивные односоставные предложения (*Вернуть его!*) и наречные односоставные предложения (*Весело*) [\[18, с. 96\]](#).

Н.Ю. Шведова построила классификацию, основываясь на структуру главного компонента предикативной основы односоставного предложения. Как видно из примеров, автор не выделил в своей классификации обобщенно-личные и определенно-личные предложения, в чем и заключается неполнота концепции. Следует отметить, что определенно-личные односоставные предложения (*Иду; Идешь*) Н.Ю. Шведова относит к неполным двусоставным предложениям [\[18, с. 120\]](#).

На наш взгляд, определенно-личные и обобщенно-личные предложения являются разновидностью односоставных предложений, так как в них отсутствие подлежащего как одного из главных компонентов предложения не является намеренным.

В. А. Белошапкина вслед за своими предшественниками также считает односоставными такие предложения, в которых присутствует только один главный компонент. Классификацию односоставных предложений она произвела по следующим критериям:

- 1) по грамматическим свойствам главного члена односоставного предложения;
- 2) по морфологической представленности главного компонента;
- 3) по характеру представления носителя признака [Белошапкова, 1989, с. 626].

На основе вышеизложенных признаков В.А. Белошапкова выделяет шесть типов односоставных предложений:

1. определенно-личные (*Идем в гости*);
2. неопределенно-личные (*Напечатали в газете мою статью*);
3. обобщенно-личные (*Без труда не выловишь и рыбку из пруда*);
4. безличные (*Знобит*);
5. инфинитивные (*Вам не видать таких*);
6. номинативные (*Черный вечер*).

Следует отметить, что Белошапкова В.А. считает определенно-личные предложения именно односоставными, а не неполными на том основании, что «введение личного местоимения в них всегда возможно, а значит, в системе языка соответствующий структурный образец предполагает позицию подлежащего. Регулярная незаполненность этой позиции в речи – явление узуса, нормы, а не системы языка» [\[4, с. 627\]](#).

Приведенный В.А. Белошапковой критерий можно назвать слабым, в силу того, что в неполных предложениях также возможен пропуск личного местоимения в позиции подлежащего, однако автор пишет о регулярной незаполненности этой позиции в речи, что говорит в пользу односоставности предложения.

Являясь одним из первых исследователей, интерпретировавших синтаксис ингушского языка, Н. Ф. Яковлев в работе «Синтаксис ингушского литературного языка», посвящает проблеме односоставных (развитых/неразвитых, полных/неполных по Н.Ф. Яковлеву) предложений лишь несколько параграфов. Разграничение полных и неполных предложений автор проводит по семантическому критерию, отмечая при этом, что формальное деление данных предложений в ингушском языке весьма условно, так как учитывается лишь структура, «но не действительное содержание» и полнота мысли [\[21, с. 15\]](#). В качестве доказательства своей концепции автор приводит примеры неполных, по мнению Н.Ф. Яковлева, предложений:

- 1). *Смеркается*
- 2). *Идешь*

Предложение (1), считает Н.Ф. Яковлев, семантически выражает более полно развитую мысль, чем предложение (2). Автор считает, что в ингушском языке несколько другое соотношение между формой и содержанием, потому что глагол предложения (2) *воада* изменяется по лицам и его можно соотнести с любым местоимением 1, 2, 3 лица единственного числа: со (1лицо, ед. ч.) *вода* 'я иду', хьо (2 лицо, ед.ч.) *вода* 'ты идешь', из (3 лицо, ед.ч.) *вода* 'он идет'.

Так, Н.Ф. Яковлев приходит к выводу, что «в ингушском языке наличие подлежащего при глаголе-сказуемом в тех случаях, когда он не изменяется по классам, имеет

большее значение для полноты мысли, чем в русском языке» [\[21, с. 14\]](#). Под «большим значением» следует иметь в виду тот актант (лицо парадигмы), который закодирован в семантической структуре ингушского глагола, соотносящийся с одним из лиц парадигмы. Данный актант выступает как агенс, носитель или исполнитель свойства.

Далее исследователь выделяет в ингушском языке лишь безличные («бессубъектные») предложения: *В доме потеплело 'Ц1аг1а й1охъеннай '*; *Сегодня прояснилось 'Тахан йийкхай '* [\[21, с. 19\]](#).

Концепция Н.Ф. Яковлева представляется нам неполной и недостаточной для принятия ее в качестве базисной для нашего исследования, так как здесь не выделены все виды односоставных предложений и не проведена четкая граница между неполными предложениями и односоставными.

В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимов отмечают, что в односоставных предложениях «выражен словом лишь предикат. Предмет мысли (речи) не назван, но он отражен в сознании в виде наглядно-чувственных образов (восприятий, ощущений и представлений)» [\[3, с. 70\]](#).

При классификации односоставных предложений В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимов взяли за основу структурно-семантический критерий, который предусматривает не только формальные особенности предикации односоставного предложения, но и специфические оттенки в семантике главного компонента грамматической основы односоставных предложений.

Так, авторы выделяют семь типов односоставных предложений, отличая их друг от друга по следующим критериям:

1. способ представления главного компонента предикации;
2. степень синтаксической членимости главного компонента предикации;
3. синтаксическая квалификация главного компонента предикации;
4. характером и количеством второстепенных членов односоставного предложения. Так, автор выделяет в русском языке следующие виды односоставных предложений:
 - 1) определенно-личные (*Напишем сегодня сочинение*),
 - 2) неопределенно-личные (*В семье не любят конфликтов*),
 - 3) обобщенно-личные (*Не зная броду, не суйся в воду*),
 - 4) безличные (*С утра знобит*),
 - 5) инфинитивные (*Надо сидеть до утра*),
 - 6) номинативные (*Раннее утро*),
 - 7) вокативные или предложения-обращения (*Зимушка!*).

Следует отметить, что по способу представления главного компонента односоставные предложения у В.В. Бабайцевой и Л.Ю. Максимова, так же, как и у П.А. Леканта, делятся на именные, у которых главный компонент-подлежащее, и глагольные, основным свойством которых является «отсутствие подлежащего: его нет и быть не может во всех разновидностях глагольных односоставных предложений. Включение подлежащего в предложение (а это возможно во многих случаях) изменяет структурный

тип предложения, вносит новые оттенки в его семантику, превращает односоставные предложения в двусоставные» [\[3, с. 88-89\]](#).

Ингушведы И.А. Оздоев и Р.И. Оздоев об односоставных предложениях в ингушском языке пишут: «Цхъан оттама предложенеш, вешта аьлча, кертера цхъа маьже йола предложенеш...» 'Односоставные предложения, иными словами, предложения, имеющие только один главный член предложения...' [\[16, с.76\]](#). Односоставные предложения в ингушском языке авторы классифицируют на следующие типы, опираясь на морфологическую представленность предикации:

- 1) цӀера 'именные' (*Хала урхе 'Трудный перевал'*)
- 2) подлежащи доаца 'бесподлежащные' (*Баьдйийрзай 'Стемнело'*)
- 3) белгала-йовхый 'определенно-личные' (*Дика дешалахь! 'Учись хорошо!'*)
- 4) белгалза-йовхый 'неопределенно-личные' (*ДӀалаьцар 'Задержали'*)

Под бесподлежащими односоставными предложениями Оздоевы подразумевают безличные предложения, в которых нет и не подразумевается субъект действия: *Ара баьдъеннай 'На улице стемнело'*. Следует отметить, что в данной классификации отсутствуют обобщенно-личные односоставные предложения, они включены в разряд неопределенно-личных предложений: *Илли ца лекхача халхавоалалац (Кица) 'Без мелодии не станцуешь'* (Ингушская пословица).

В ингушском языке в качестве именных односоставных предложений функционируют в большинстве названия книг, журналов, газет: «Золотые столбы 'Дошо боагӀий'», «Сыновья Беки 'Беке къонгаш'», «Багровые зори 'ЦӀийъенна сайре'» и т.д.

Н.С. Валгина считает односоставные предложения особым семантико-структурным типом простого предложения. В работе «Современный русский язык. Синтаксис» автор называет единственным организующим центром предикации односоставного предложения главный член, который «одновременно и называет предмет, явления, состояние и указывает на наличие его в действительности, передает отношение к действительности, т.е. оформляет значение синтаксического времени и объективной модальности» [\[5, с. 152\]](#).

При классификации односоставных предложений автором учитывается семантико-грамматический принцип, причем указывается на недостаточность учета «только одного какого-либо признака как основания для деления на соответствующие группы предложений» [Валгина, 1971, с. 153]. Формально-грамматический критерий учитывает только грамматические показатели - способы представления главных компонентов предикации односоставного предложения; семантическая классификация опирается «на такой логико-семантический показатель, как определенность-неопределенность, которые, будучи категориями мышления, находят свое выражение в языковых средствах» [\[5, с. 153\]](#).

Таким образом, Н.С. Валгина классифицирует односоставные предложения на глагольные и именные в зависимости от морфологической представленности главного члена предикации.

К глагольным односоставным предложениям относятся определенно-личные предложения в обоих исследуемых языках. Сравните конструкции:

1. *Смотрю (1л., ед.ч. , изъяв. н.) все передачи подряд 'Ерригача' передачка муг1ара хьеж'.*
2. *Разглядываешь (2 л., ед. ч. , изъяв. н.) витрины и выбираешь лучшее 'Хьюокхамашка хьеж, т1аккха дикаг1дар хорж'.*
3. *Идем (1 л., мн. ч. , изъяв. н.) завтра на прогулку в лес? 'Кхоана хьюнаг1а лела долх'.*

В приведенных иллюстрациях русского языка мы имеем традиционно выделяемое односоставное определенно-личное предложение. В ингушском языке в приведенных глаголах (примеры 1-2) в семантическую структуру глагола встроены актанты 1-го, 2-го, 3-го лица ед. и мн. числа (1 л. – *со* , 2 л. – *хьо* , *из* , *тхо* , (*вай*), 3 л. – *уж* (*ужаш*).

Классификация односоставных предложений эргативного ингушского языка, на наш взгляд, должна быть произведена исходя из классификации глаголов, произведенной Л. У. Тариевой. Согласно ее концепции, в ингушском языке в самом деле наличествуют определенно-личные предложения искомого типа. Однако, их выделение производится несколько иным способом. Проблема заключается в том, что в ингушском языке три личных местоимения первого лица единственного числа, представляющие одно из лиц парадигмы [19, 20]. Деление глаголов по корпусам сильно зависит от лица парадигмы, встроеного в структуру ингушского глагола.

Выше было указано на тот факт, что глагольная система ингушского языка состоит из нескольких корпусов глаголов: номинативных, эргативных, аффективных.

Глаголы, кодирующие лицо Говорящее, выраженное личным местоимением первого лица единственного числа И.п., названы номинативными.

Глаголы, кодирующие лицо Произносящее, названы автором эргативными, данные глаголы также относятся к определенно личным, так как в них закодировано только одно первое лицо во всех формах (*аз 'я'* , *1а 'ты'* , *цо 'он, она'*). Аффективные глаголы кодируют аффективные лица парадигмы.

К именному типу односоставных предложений относятся номинативные (*Три коровы, две лошади, инвентарь. Молотилка, сеялка*), генитивные (*Цветов, цветов!*).

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что при классификации односоставных предложений и интерпретации предикации исследуемых конструкций важно учитывать семантико-грамматический, структурно-семантический и логико-грамматический аспекты.

Проведенное типологическое исследование позволило нам выявить общие и частные черты предикативной основы односоставного предложения в русском и ингушском языках. Так, в обоих языках наличествуют разновидности глагольных односоставных предложений, единственным компонентом предикации которых является глагол в личной форме. Данная разновидность однокомпонентных предложений включает в себя определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные предложения.

Кроме того, в языках различных стратегий обнаруживаются именные односоставные предложения, в которых предикация формируется из именной части речи. К данному типу односоставных предложений отнесем номинативные и вокативные (или слова-предложения).

Перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой проблемы мы видим в более детальном рассмотрении проблемы определения предикации односоставных предложений в русском и ингушском языках, а также в выявлении общих и частных структурно-семантических признаков предикативного центра исследуемой синтаксической единицы с точки зрения типологического аспекта.

Библиография

1. Nichols J. Ingush Grammar. Berkeley: University of California Press, 2010.
2. Абдуллаев З.Г. Проблемы эргативности даргинского языка. – М., 1986.
3. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Синтаксис. Пунктуация.-М.: Просвещение, 1981.- 271 с.
4. Белашапова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. Современный русский язык.-М.: Высшая школа, 1989.-800 с.
5. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык, изд. 4.- М.,1971.-512 с.
6. Гандалоева А. З. Актуальные вопросы синтаксиса простого предложения в ингушском языке. Магас: Изд-во Ингушского государственного университета, 2012.
7. Гандалоева А.З. ХІанзара гІалгІай мотт. Синтаксис. (Дешара пособи универ-ситета студенташта лаьрхІа). / Назрань. ООО «КЕП», 2018 – 352 с.
8. Долин Ю.Т. Вопросы теории односоставного предложения. Издание 2. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2008. – 129 с.
9. Евлоева А.М. ГІалгІай кицаш. – Назрань: ООО «Кеп», – 2021. – 96с.
10. Кульбужев М. А., Ф.Г. Оздоева. ГІалгІай мета дешара пособи / Пособие по синтаксису ингушского языка. 2006. – 243 с.
11. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке.-М.: Высшая школа,1974.-159 с.
12. М.И. Чапанов. Эргативная конструкция предложения в нахских языках.-Известия ЧИНИИИЯЛ. Том IV. Вып. 2. Языкознание. Грозный, 1962. С. 96-168.
13. Магдилова Р.А. Синтаксис современного аварского языка. Словосочетание и простое предложение. – Махачкала, 2022. – 112 с.
14. Назарова М.Р. Структурно-семантические особенности простых односоставных предложений в таджикском и английском языках: автореф. дисс. ... к. филол. Душанбе, 2016.
15. Оздоев И.А. Синтаксис ингушского литературного языка. Простое предложение // Известия ЧИНИИИЯЛ, том V. Вып.2. Языкознание. Грозный, 1964.
16. Оздоев И.А., Оздоев Р.И. Грамматика ингушского языка: Учебник для 8-9 кл., ч.2: Синтаксис. 8-е изд., испр., пере-раб.-Магас: Издательство «Сердало», 2011.-240 с.
17. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд-е 8-е, доп. М.: Языки славянской культуры, 2001.
18. Русская грамматика: [В 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл.ред.) и др.]. Т. 1. М.: Наука, 1980. 784 с.
19. Тариева Л.У. Очерки для этимологического словаря ингушского языка. Т. I. – Ростов-на-Дону, 2020. – 276 с.
20. Тариева Л.У. Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя. – Назрань, 2017г.-376 с.
21. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд-е 3-е. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
22. Яковлев Н. Ф. Синтаксис ингушского литературного языка. М., 2001.-472с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Система естественного языка уже достаточно давно является пороговым пределом практически не достижимым научной мыслью. Исследование в рамках проблемы грамматической двусоставности, а также односоставности относится к первоочередным магистралям познания синхронного принципа оценки той или иной языковой системы. Дело в том, что, воссоздать модель активной / динамической / изначальной системы не получается по определению: мешает информационный блок, мешают знания, не возможно выйти на фронт метод и условий. Однако появляются новые работы, альтернативные точки зрения, мнения, которые, так или иначе, имеют место в общей парадигме научных умозаключений. Автор отмечает, что «актуальность исследуемой в статье темы обусловлена следующими факторами: 1) проблема определения синтаксического статуса односоставных предложений в системе языка и структурно-семантические отличия их предикации от грамматической основы двусоставных предложений; 2) нарастающая роль односоставных предложений в рамках ингушского языка, а также рост лингвистических исследований в сфере синтаксиса требует детальной интерпретации данной синтаксической единицы». Думаю, что обоснованность позиции предопределена, контур отмечен, рамки высвечены. Методологическая канва конкретизирована, противоречий и разночтений в этой части нет; сравнительно-сопоставительная модель наиболее продуктивна для расшифровки вопроса «о специфике грамматической основы односоставных предложений в русском и ингушском языках». Номинация материала сделана предельно точно: «материалом исследования послужили иллюстрации из ингушского фольклора наряду с авторскими примерами», «теоретической базой исследования послужили научные труды, прямо или опосредованно связанные с исследованием односоставных предложений в номинативных и эргативных языках: А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, З.Г. Абдуллаева, В.В. Бабайцевой, Л.Ю. Максимова, Р.А. Магдиловой, М.Р. Назаровой, В.А. Белошапковой, Н.С. Валгиной». Практическая и теоретическая основа исследования убедительны, прозрачны, объективны и верифицированы; автор старается акцентно вывести этот уровень сочинения на должную планку. Примечательно для статьи умение исследователя компилировать разнвариантные грани обозначения специфики вопроса: например, «первым в истории русского синтаксиса научное обоснование понятию односоставности дал А. А. Шахматов в работе «Синтаксис русского языка». Автор ввел в обиход лингвистического исследования первую систематизированную классификацию и интерпретировал типы односоставных предложений с точки зрения их структурно-семантических особенностей. Так, по А. А. Шахматову односоставными являются предложения, «не представляющие словесного обнаружения тех двух членов, на которые распадается каждая психологическая коммуникация», или «Второй тип, который выделил А. А. Шахматов в своем исследовании, - это односоставные сказуемо-бесподлежащие предложения. В данный тип включены определенно-личные бесподлежащие предложения (Проходите быстрее!); неопределенно-личные бесподлежащие предложения (Внезапно постучались в дверь); инфинитивные бесподлежащие предложения (Взять его!); адъективные бесподлежащие предложения (Почему болен?); наречные бесподлежащие предложения (Сегодня тепло); междометные бесподлежащие предложения (Увы!). В эргативном ингушском языке синтаксисты не единодушны в выделении данных типов односоставных

предложений. Например, в работе «Г1алг1ай метта синтаксис» 'Синтаксис ингушского языка' Ф.Г. Оздоевой и М.А. Кульбужева к односоставным бесподлежащим предложениям относятся неопределенно-личные и обобщенно-личные односоставные предложения», «Н.Ю. Шведова построила классификацию, основываясь на структуру главного компонента предикативной основы односоставного предложения. Как видно из примеров, автор не выделил в своей классификации обобщенно-личные и определенно-личные предложения, в чем и заключается неполнота концепции» и т.д. Думаю, что в ходе компиляции мнений происходит т.н. момент рождения истины, но в ряде моментов все же зависимость от «уже сказанного» есть, а ее не может не быть. Например, «четкая граница между неполными предложениями и односоставными. В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимов отмечают, что в односоставных предложениях «выражен словом лишь предикат. Предмет мысли (речи) не назван, но он отражен в сознании в виде наглядно-чувственных образов (восприятий, ощущений и представлений)». При классификации односоставных предложений В.В. Бабайцева и Л.Ю. Максимов взяли за основу структурно-семантический критерий, который предусматривает не только формальные особенности предикации односоставного предложения, но и специфические оттенки в семантике главного компонента грамматической основы односоставных предложений...», или «ингушеведы И.А. Оздоев и Р.И. Оздоев об односоставных предложениях в ингушском языке пишут: «Цхъан оттама предложенеш, вешта аьлча, кертера цхъа маьже йола предложенеш...» 'Односоставные предложения, иными словами, предложения, имеющие только один главный член предложения...'. Односоставные предложения в ингушском языке авторы классифицируют на следующие типы, опираясь на морфологическую представленность предикации...» и т.д. Считаю, что примеров, иллюстрирующих проблемный вопрос достаточно, многие из них являются альтернативными, безупречными. Варианты цитаций вводятся в работу с учетом требований, серьезной правки не требуется: «при классификации односоставных предложений автором учитывается семантико-грамматический принцип, причем указывается на недостаточность учета «только одного какого-либо признака как основания для деления на соответствующие группы предложений» [Валгина, 1971, с. 153]. Формально-грамматический критерий учитывает только грамматические показатели - способы представления главных компонентов предикации односоставного предложения; семантическая классификация опирается «на такой логико-семантический показатель, как определенность-неопределенность, которые, будучи категориями мышления, находят свое выражение в языковых средствах». Материал можно использовать в режиме освоения лингвистических дисциплин, курсов профильного характера. Заключительный блок перспективно открыт, это, на мой взгляд, положительно: «перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой проблемы мы видим в более детальном рассмотрении проблемы определения предикации односоставных предложений в русском и ингушском языках, а также в выявлении общих и частных структурно-семантических признаков предикативного центра исследуемой синтаксической единицы с точки зрения типологического аспекта». Работа цельно завершена, точка зрения автора объективно выражена, фактических / серьезных нарушений не выявлено, хорошо, что автор создает в работе эффект возможного диалога с потенциально заинтересованным читателем. Список источников полновесен, но их следует привести к единообразию – «Автор ... наименование работы ... место издания ... год издания... общее количество страниц». Тема рецензируемой работы соотносится с одной из магистралей издания, противоречий и разночтений в выборе коррекции нет. Рекомендую статью «К вопросу о грамматической основе односоставных предложений в русском и ингушском языках» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Курилова А.Д. — Изящество (*elegantia*) словесного выражения в освещении российских риторик XVIII века на латинском языке // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39481 EDN: DHXSFV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39481

Изящество (*elegantia*) словесного выражения в освещении российских риторик XVIII века на латинском языке

Курилова Анна Дмитриевна

ORCID: 0000-0001-9311-1380

кандидат филологических наук

доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский университет)

123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 3, строение 1

✉ akurilova@mail.ru

[Статья из рубрики "Риторика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39481

EDN:

DHXSFV

Дата направления статьи в редакцию:

22-12-2022

Аннотация: Предмет исследования — понятие изящества стиля в освещении российских рукописных риторических руководств XVIII века на латинском языке. На примере одного из важнейших требований к красноречию выявляются особенности представлений о стиле в российской риторике XVIII века. Методы, применяемые в исследовании — сопоставительный, текстологический и сравнительно-исторический. Тексты рукописных руководств, составленных в Москве, Коломне, Нижнем Новгороде, Вологде, Рязани, Смоленске, анализируются в контексте новолатинских риторических источников, среди которых важнейшими являются риторические трактаты Феофана Прокоповича и Иоганна Готлиба Гейнекция, относящиеся к первой половине XVIII века. Прослеживается их влияние на становление российской риторической мысли. В результате исследования сделаны выводы об источниках концепции изящества стиля как важнейшего качества красноречия, рассмотрены различные трактовки понятия изящества в отдельных руководствах, выявлены основные составляющие этого понятия. Особым вкладом автора в исследование данной темы является то, что материалом научного анализа стали до

сих пор не подвергавшиеся исследованию тексты учебных рукописных книг, предназначенных для преподавания риторики в светских и духовных учебных заведениях России XVIII века. Полученные результаты дополняют представления о латинском этапе становления российской риторики и могут быть использованы для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова:

риторика, учебное руководство, рукопись, XVIII век, Россия, красноречие, риторический канон, словесное выражение, стиль, изящество

Риторическое образование в России в течение длительного времени было латиноязычным в соответствии с традициями античной и западноевропейской учёности. В XVIII веке, несмотря на появление риторик на русском языке [\[1\]](#), в духовных и светских учебных заведениях сохранялась практика преподавания риторики на латыни. Для учащихся составлялись рукописные руководства, включающие как теоретические основы красноречия, так и практические упражнения. Обширный пласт учебных риторических книг на латинском языке заслуживает внимания, поскольку его изучение позволит дополнить представление о раннем этапе формирования российской риторической школы. Тексты российских рукописных риторик XVIII века на латинском языке впервые вводятся в научный оборот, что определяет новизну исследования.

Риторические руководства, составленные в дидактических целях, отличались компилятивностью и слабым проявлением авторского начала, поэтому авторство в большинстве учебных риторик не указывалось. Достойным внимания исключением является руководство Мануила Базилевича, составленное для Смоленской коллегии в 1756 г. Вместе с тем следует отметить, что и оставшиеся неизвестными авторы российских риторик XVIII века, опираясь на авторитетные источники, всё же обнаруживают известную долю самостоятельности в методических принципах составления пособий, в отборе и адаптации теоретического и практического материала.

Композиция руководств основывалась на восходящем к античному красноречию риторическом каноне и включала разделы, посвящённые изобретению, расположению, словесному выражению, запоминанию и произнесению ораторской речи. Словесное выражение (*elocutio*) рассматривалось как важнейшая часть искусства красноречия. Очевидно, поэтому в некоторых руководствах [\[2, 3\]](#) нарушался порядок изложения риторической теории, продиктованный античным каноном, и раздел о словесном выражении предшествовал остальным.

В центре учения о словесном выражении располагалась теория стиля, предлагающая разветвлённые классификации стилей и рекомендации по их использованию. Целью статьи является рассмотреть трактовку составителями российских учебных руководств понятия изящества словесного выражения как одного из важнейших требований к стилю.

Авторы рукописных риторик приводят многочисленные классификации стилей, составленные в соответствии с разными критериями. Так, в отношении качества выделялись высокий, средний (умеренный) и низкий стили [\[2, л. 43; 4, л. 105 \(об\)\]](#); в отношении количества — сжатый, средний и пышный [\[2, л. 45\]](#); в отношении предмета — философский, исторический, эпистолярный, ораторский, поэтический и диалогический [\[2,](#)

[л. 45-47; 5, л. 48\]](#). Существовали также классификации в отношении лица, места и способа произнесения [\[6\]](#).

При всём разнообразии стилей основные требования к речи были едиными. Речь должна была обладать такими качествами, как чистота (*puritas*), ясность (*perspicuitas*), уместность (*dignitas*), изящество (*elegantia*, *venustas*). Под понятием чистоты подразумевалась грамотная латинская речь (*latinitas*), хотя некоторые авторы подчёркивали важность чистоты речи на любом языке. Требование ясности означало необходимость точного словоупотребления, избегания варваризмов. Уместность трактовалась как соответствие речи её цели и обстоятельствам произнесения. Понятие изящества включало много частных требований и поэтому в большей степени, чем остальные качества, нуждается в пояснении.

По определению Феофана Прокоповича, риторика которого являлась одним из важнейшим источников для учебных руководств XVIII века, словесное выражение должно было быть изящным и утончённым: «*Elocutio culta et elegans oratori ita necessaria est, ut nemo sine ea, tametsi omnigena eruditione instructus sit, orator audire mereatur. Haec sola si abest, frustra est inventio et dispositio: languent affectus, frigent argumenta, sicca est amplificatio, hebescent acumina...*» («Утончённое и изящное словесное выражение настолько необходимо оратору, что без него никто недостоин считаться оратором, даже если он обучен всяческим знаниям. Если нет его одного, бесполезны изобретение и расположение: цепенеют аффекты, остывают аргументы, суха амплификация, притупляются остроты») [\[7, с. 204\]](#). Слова Феофана Прокоповича цитируют с небольшими изменениями многие составители российских риторик [\[2, л. 14 \(о6\); 3, л. 92 \(о6\)\]](#), подробно разъясняя смысл понятия изящества речи.

Составитель риторики 1759 г. из Рязанской семинарии к изяществу речи относит аккуратный выбор слов и выражений, украшенность мыслей, умеренное применение тропов и фигур, должную связь периодов и аргументов [\[8, л. 101 \(о6\)\]](#).

Мануил Базилевич, автор смоленского руководства 1756 г. понятие изящества (*elegantia*) толкует более широко, включая в него такие качества речи, как чистота (*latinitas*) и ясность (*explanatio*) [\[5, л. 107 \(о6\)\]](#).

Правильное использование тропов и фигур относилось к важнейшим проявлениям изящества речи. Составитель рязанской риторики приводит несколько рекомендаций по их умелому применению. Так, согласно его советам не без изящества («*non invenuste*») метафора и аллегория могут использоваться в речах, цель которых — поучать (*docere*) и, в ещё большей мере, услаждать (*delectare*) [\[8, л. 102\]](#). Гиперболу и катахрезу допустимо применять только в возвышенной, страстной и поэтической речи («*in sublimi aut vehemente aut poetica dictione*») [\[8, л. 102\]](#). Из фигур более всего способствуют прелести и блеску речи антитеза, парадокс, антитеза, оксюморон, перифраза, серmocинация [\[8, л. 102 \(о6\)\]](#).

Необходимым признаком изящной речи считалась её слаженность, плавное соединение периодов («*connexio periodorum*»). В слаженности речи большая роль отводилась частицам. Для изучения латинских частиц составитель риторики из Рязанской семинарии советует обратиться к итальянскому грамматiku XVI в. Орацио Турселлино (*Horatius Tursellinus*): «*Legatur Tursellini libellus de particulis linguae Latinae*» [\[8, л. 103\]](#). Частицы, по мнению ритора, особенно важны для связи периодов. Они уподобляются извести,

сдерживающей сыпучий песок (*instar calcis sunt arenas passim fluentes continentis*) [8, л. 103].

Упоминаются и формулы переходов между периодами, что свидетельствует об определённой стандартизации словесного выражения, но формулы ритор советует употреблять «*cum grano tamen salis maximaque varietate usurpandae*» (с изюминкой, с наибольшим разнообразием) [8, л. 103]. Формульные схемы предлагается варьировать, добиваясь максимального разнообразия.

Соединение отдельных слов («*junctura verborum*») также требовало внимания. Чтобы достичь звучности речи, необходимо было на стыке слов избегать зияния гласных и излишней шероховатости из-за нагромождения согласных. Не только звучание, но и значение слов следовало учитывать при их расположении. Так, ритор советует заботиться о том, чтобы «то, что первое по природе, не располагалось после того, что менее достойно или более позднее по своей природе» («*nec vel natura prius postponatur illi, quod indignius vel natura posterius est*») [8, л. 101 (об)].

Elegantia, по утверждению автора рязанской риторики, образует тот род речи, который называют цветистым (*floridum genus dicendi*). Изобилуя украшениями и блёстками (*floribus ac luminibus*), он демонстрирует больше изящества, чем достоинства (*dignitas*) [8, л. 103]. Вместе с тем следует остерегаться чрезмерного изящества, порождающего софистический или кудрявый род речи (*sophisticum sive calamistratum dicendi genus*) [8, л. 103]. Помпезность этого стиля проявляется в многочисленных эпитетах, тропах, описаниях, звучных фигурах. Так допустимо иногда говорить юношам, считает ритор, а мужам подобает более серьёзное и мужественное красноречие (*gravior et virilis eloquentia*) [8, л. 103]. Различие между цветистым и софистическим стилями автор иллюстрирует сравнением: «*Facillime autem differentiam horum dicendi generum intelliges, si dixeris, sophisticum, illud fuco meretricio, floridum venustati femineae, pulchritudini virili masculaeque id genus dicendi simile esse quod cum elegantia conjunctam habet dignitatem*» («Легче всего ты поймёшь разницу между этими видами речи, если скажешь, что софистический подобен румянам блудниц, а цветистый — женской прелести и мужественной красоте, так как с изяществом в нём соединяется достоинство») [8, л. 103 (об)].

Некоторые авторы риторик считают проявлением изящества речи умеренное использование шуток и острот. Так, шутки и остроты, по мнению составителя нижегородской риторики 1766 г., уместны в так называемом диалогическом стиле, который автор характеризует как *jocosum et urbanum* («шутливый и изящный»), напоминая о том, что остроты не случайно называются *sales* (от слова *sal* — соль), ведь они так же улучшают вкус речи, как соль — вкус приготовляемых блюд [5, л. 48 (об)]. Автор риторики 1744-1745 гг. из Славяно-греко-латинской академии утверждает, что остроты (*acumina*) и изящные суждения (*propositiones elegantes*) происходят из одних и тех же источников [9, л. 16].

В вопросах стиля наиболее авторитетным для авторов российских учебных риторик оказался трактат немецкого философа и богослова Иоганна Готлиба Гейнекия (Heinecke) «*Fundamenta stili cultioris*» («Основы изящного стиля», 1719). Так, разделы о стиле в вологодской и рязанской риториках почти полностью заимствованы у Гейнекия. В частности, из его сочинения взяты дефиниции разных стилей, а также представление об украшенном, орнаментальном стиле как об идеале красноречия. Забота Гейнекия об

изысканности стиля была чрезмерной, доходящей до гротеска, тем не менее именно его стилистика долгое время считалась образцовой [10, с. 49]. Как отмечает А.И. Солопов, «Гейнекий проповедовал изящество слога, которое он понимал как красоту, поэтому его руководство построено на таких темах, как *uoces et phrases elegantiores* ("изысканные слова и выражения"), *constructiones rariores* ("редкие конструкции"), *phrases selectiores* ("утончённые выражения") и *ingeniosa iudicia et acumina*» [10, с. 49-50]. Именно требования Гейнекия к стилю легли в основу стилистических теорий в российских риториках XVIII века.

Таким образом, изящество стиля (*elegantia, venustas, urbanitas*) в рассмотренных учебных риториках воспринималось как неременная черта истинного красноречия. Под изяществом понималось умелое использование стилистических украшений, утончённое остроумие, слаженность и соразмерность словесного выражения. Составители российских учебных риторик на латинском языке в своих предписаниях отразили стилистические вкусы своего времени, далёкие от строгой чистоты классической латыни.

Библиография

1. Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М.: Высшая школа, 2003.
2. Наставления по риторике на примерах из латинских авторов... Вологодская семинария. 1764. РГБ. Великоустюжское собрание. Ф. 122, № 14.
3. *Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt...* Коломенская семинария. 1761. РГБ. Ф. 173.1, № 357. Л. 85-193.
4. *Basilevicz Manuel. Opus artis oratoriae...* Смоленская коллегия. 1756. РГБ. Ф. 733 (Смолен.), № 21.
5. *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus.* Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78.
6. Курилова А. Д. Учение о стиле в трактовке российских риторик XVIII века на латинском языке // Проблемы античного мира и современность: Межвузовский научный сборник. Вып. IV. Алматы, 2013. С. 347-358.
7. *Procorovič Feofan. De arte rhetorica libri X // Slavistische Forschungen.* Köln; Wien, 1982.
8. *Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta...* Рязанская семинария. 1759. РГБ. Ф. 194 (К.И. Невоструева, № 43).
9. *Emporium totius facultatis rhetoricae...* Московская Славяно-греко-латинская академия. 1744-1745. РГБ. Ф. 173.1. № 356.
10. Солопов А. И. Начала латинской стилистики. М.: Индрик, 2008

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Изящество (*elegantia*) словесного выражения в освещении российских риторик XVIII века на латинском языке», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду рассмотрения исторического наследия латинского языка в отечественной лингвистике.

Как известно латинский язык играл доминирующую роль в европейском образовании и науки несколько веков. Риторическое образование в России в течение длительного

времени было латиноязычным в соответствии с традициями античной и западноевропейской учёности. Латинская грамматика являлась образчиком при кодификации национальных грамматик, а стилистические приемы, заложенные еще античными авторами, считались образцами для подражания. Да и в наши дни русский язык содержит заимствования из латыни, а мы до сих пор восхищаемся античными произведениями, культурой, опираемся на труды античных философов.

К сожалению, автор не указывает практический материал, послуживший в качестве базы для анализа. Также автор не приводит конкретных данных об объеме отобранного языкового корпуса и принципах организации выборки. Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы собственно языкознания, так и общенаучные методы анализа. Работа имеет междисциплинарную направленность. Статья является новаторской, одной из первых в российском языкознании, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Используются следующие методы исследования: статистический, логико-семантический анализ, герменевтический и сравнительно-сопоставительный методы.

Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых теоретические работы как на русском языке, так и на латинском. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Кроме того, автор не обратился к исследованиям зарубежных авторов, что делает настоящую работу искусственно оторванной от общемировой науки. Отметим нарушение автором общепринятого библиотечного ГОСТа. Так, автор не соблюдает алфавитный порядок следования источников, смешивает работы на русском языке с работами на иностранном языке, которые традиционно располагаются после русскоязычных трудов.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по древним языкам и культурам, истории языкознания, риторике и стилистике. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Изящество (*elegantia*) словесного выражения в освещении российских риторик XVIII века на латинском языке» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Долженкова В.В., Яковлева В.В., Кудлай К.С. — Особенности стилистических функций наречий на -mente в современной испанской художественной прозе // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.37641 EDN: DCEZZX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37641

Особенности стилистических функций наречий на -mente в современной испанской художественной прозе

Долженкова Виктория Викторовна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра иберо-романского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ dolvik@mail.ru

Яковлева Виктория Валентиновна

кандидат филологических наук

Доцент, кафедра испанского языка, Московский Государственный Университет Международных Отношений (МГИМО У МИД РФ)

119454, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76, оф. 3060

✉ cosvic@mail.ru

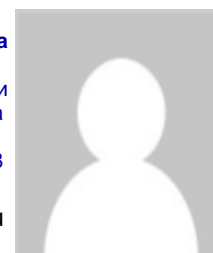

Кудлай Ксения Сергеевна

магистр, кафедра иберо-романского языкознания, Московский Государственный Университет имени МВ. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, оф. 1058

✉ ksenikudlay@mail.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.37641

EDN:

DCEZZX

Дата направления статьи в редакцию:

05-03-2022

Аннотация: Предметом исследования являются стилистические функции испанских наречий с суффиксом -mente в современном испанском языке на основе анализа корпусных контекстов произведений испанской прозы XXI века. Анализ функциональных

особенностей основывался на теоретических положениях авторов отечественных и зарубежных грамматик испанского языка, работ по лингвостилистике. Наречия с формантом - *mente* - это грамматически многофункциональные элементы, которые являются полисемантическими лексическими единицами, обладающие способностью приобретать дополнительные коннотации в коллокациях с другими частями речи. Стилистические возможности адвербиальных единиц помогают решать такие авторские задачи, как оценка, характеристика персонажей, достижение экспрессивности текста и образности повествования. Новизна исследования заключается в том, что впервые были проанализированы примеры из корпуса испанского языка XXI века, имена авторов которых хорошо знакомы русскоязычным читателем (Карлос Руис Сафон), или практически не знакомы вовсе (Антон Кастро, Диего Торрон). Результатом исследования стали выводы о том, что формант -*mente* не утратил своей продуктивности на актуальном этапе развития языка и является характерной чертой художественного стиля современного испанского языка. Полученные выводы имеют как научную значимость для теоретических исследований в области морфологии испанского языка, так и практическую ценность для переводчиков испанской прозы.

Ключевые слова:

наречие, суффикс, грамматика, стилистика, лексическое значение, функция, коннотация, художественная проза, стиль, перевод

В настоящей работе были рассмотрены стилистические функции продуктивного суффикса испанского языка -*mente* на материале прозаических произведений современной художественной литературы Испании. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть специфику функционирования наречий с формантом -*mente* в современном испанском языке, определить основные стилистические функции упомянутых адвербиальных единиц в художественном тексте.

В грамматике Королевской Испанской Академии дано следующее определение наречия: «наречие – это неизменяемая, ударная часть речи, элементы которой наделены лексическим значением и которые видоизменяют значения других грамматических категорий, главным образом глагола или прилагательного, целого предложения, а иногда и другого наречия» [\[12; с. 226\]](#)

В данной дефиниции подчеркивается характер отношений, в которые вступает наречие с другими частями речи, а также способности наречия определять самое себя, модифицировать синтагму или целое предложение.

Определение, данное испаноязычными филологами Амадо Алонсо и Педро Энрикесом Уренья, указывает на то, что «наречия выражают понятия, зависимые от других зависимых понятий – глаголов или прилагательных, которые в свою очередь зависят от независимого понятия, выраженного существительным». [\[8, с. 201-222\]](#). В свою очередь испанский грамматист Андрес Бэльо справедливо отмечает, что «наречия модифицируют модификации» [\[9, с. 103\]](#), то есть обозначают вторичный признак. К этим модификациям относятся: время, место, количество, образ действия, а также утвердительный, отрицательный или гипотетический характер высказывания.

Таким образом, наречия обладают грамматической универсальностью, а именно способностью сочетаться с различными частями речи, как раз благодаря своей

неизменяемости, характерной для служебных частей речи. Однако, в отличие от единиц данной категории, наречие не теряет своей знаменательности.

В испанском языке количество наречий, оканчивающихся на суффикс *-mente*, велико. Эти языковые единицы восходят к перифразе, в составе которой имелось латинское существительное женского рода третьего склонения *mens, mentis*, которое переводится как «ум, душа, совесть, сознание, образ мыслей». Таким образом, из словосочетания *con mente tranquila* (со спокойной совестью) образовалось наречие *tranquilamente*, где форма женского рода досуффиксной основы объясняется тем, что прилагательное, входящее в состав наречия, должно согласовываться в роде с существительным *mens*.

В качестве конкурентов этой модели в испанском языке употреблялись перифразы со значением обстоятельства образа действия на основе существительных *guisa, cosa*. Например, *de buena guisa* – по-хорошему. Отметим, что в этих сочетаниях не произошло стяжения до одной словоформы, а модель с существительным *mens* оказалась более продуктивной.

Отечественный филолог-испанист Н.Д. Арутюнова в работе «Проблемы морфологии и словообразования» пишет, что суффикс *-mente* — это высоко-продуктивная модель, с помощью которой формируется наречие от производного прилагательного» [1, с. 118]. Автор отмечает, что основную функцию этого суффикса составляет процесс транспозиции (переход из одной части речи в другую). «Роль суффикса *mente* сводится к передвижению прилагательных в категорию наречий» - пишет исследователь [1, с. 118]. По мнению Н.Д. Арутюновой, «функциональная транспозиция связана не только с грамматическим, но и с семантическим сдвигом, поскольку она направлена на создание в языке нового слова» [1, с. 118]. Таким образом, наречия на *-mente* - это грамматически многофункциональные элементы, которые одновременно являются полисемантическими лексическими единицами. Если рассматривать лексическое значение слова как «сложную избыточную структуру, состоящую из денотативного содержания, включающего ядро и периферию, и коннотативное окружение» [5, с. 17], то наречия на *-mente* обладают способностью приобретать дополнительные «стилистические окраски» или коннотации в коллокациях с другими частями речи.

Исследованием стилистического потенциала единиц грамматического уровня занимается грамматическая стилистика, которая в свою очередь подразделяется на морфологическую и синтаксическую. Стилистические возможности морфологии признаются не всеми исследователями. К примеру, испанский филолог Мартин Алонсо считает, что стилистический анализ языковых средств может быть выполнен только на синтаксическом уровне. [7, с. 232]

Отечественный исследователь Н.М. Фирсова не разделяет позицию испанского лингвиста. Она полагает, что объектом стилистики является язык в процессе его употребления, поэтому стилистический анализ может охватывать все языковые уровни, в том числе и морфологический. [6, с.22] Как пишет другой отечественный филолог-испанист С.И. Канонич, грамматическая стилистика занимается не только анализом функционально-стилевых характеристик, предметом ее изучения также являются экспрессивно-эмоциональные и оценочные возможности языковых единиц. [4, с.36]

Сам анализ стилистических функций на *-mente* не является новым для языковедения. Одним из первых исследователей, обративших внимание на стилистический потенциал наречий в начале XX века, был австрийский лингвист Лео Шпитцер. На примере

французского и испанского языка Шпитцер в своем труде «Stilstudien» анализирует экспрессивную функций наречий в произведениях Рабле, Севинье, Сервантеса [\[16, с. 281-288\]](#)

Из других работ отечественных филологов отметим диссертационное сочинение А.П. Денисовой «Стилистические функции наречий на - *mente* в современном испанском языке», в котором автор проанализировала, как используются наречия в различных функциональных стилях.

В данной статье впервые были рассмотрены корпусные контексты произведений испанской художественной прозы XXI века. Первым источником для анализа стилистических возможностей адвербиальных единиц на -*mente* был выбран роман известного испанского писателя Карлоса Руиса Сафона «La Sombra del viento/Тень ветра» (2001). Обратим внимание на некоторые жанровые особенности романа с тем, чтобы точнее определить функцию адвербиальной словоформы в произведении.

Испанский литературный критик Эдуардо Руис Тосаус в своей статье «Algunas consideraciones sobre La sombra del viento de Ruiz Zafón/ Некоторые соображения о Тени ветра Руиса Сафона» [\[15\]](#) отмечает, что ключевым образом произведения является Барселона - родной город Сафона, изображенный в традициях готического романа. Стиль произведения отличает медленное и эпизодичное разворачивание запутанного сюжета, а язык романа насыщен метафорами, аллюзиями, эпитетами.

Согласно данным корпуса испанского языка XXI века «Corpes XXI», в романе «Тень ветра» насчитывается 526 контекстов с наречиями на -*mente*.

В первую очередь интерес представляет функционирование нескольких наиболее частотных адвербиальных единиц с суффиксом -*mente* в упомянутом художественном произведении. Например, лексема *vagamente* :

«La historia contenía elementos *vagamente* siniestros y de tono folletinesco, lo cual a ojos de Monsieur Roquefort siempre era un punto a favor, porque a él, después de los clásicos, lo que más le gustaba eran las intrigas de crimen y alcoba/ История содержала элементы, несколько порочные и бульварной тональности, что в глазах Монсеньора Рокфора всегда было положительной чертой, потому что ему, после классики, больше всего нравились криминальные и будуарные интриги» [\[15, с.81\]](#).

Словосочетание *vagamente siniestros* осмелимся назвать авторским окказионализмом для современного языка. Согласно данным корпуса «Corpes XXI», это сочетание не зафиксировано в других художественных текстах. По мнению исследователя А.П. Денисовой, в художественном произведении индивидуально-авторские окказионализмы нередки и «служат приемом эстетизации» [\[3, с. 51\]](#). Отметим, что данное наречие в сочетаниях с прилагательными или причастием получает дополнительную экспрессивно-эмоциональную коннотацию:

«Bea me observaba, *vagamente* tensa. Iba a cambiar de tema, pero la lengua se me adelantó/ Беа смотрела на меня, с едва заметным напряжением. Я собирался сменить тему, но язык мой меня опередил» [\[15, с.105\]](#).

«Don Ricardo le recibió, *vagamente* sorprendido, pero con buena disposición, creyendo que tal vez Fortuna le traía una factura/ Дон Риккардо принял его, с некоторым удивлением, но в добром расположении духа, считая, что в этот раз Судьба, возможно, рассчитается

с ним» [\[15, с.213\]](#).

Наречие может служить вводным словом, тем самым, выполняя оценочную функцию, как в случае с други рекуррентным для романа наречием - *secretamente*. Например:

«Yo, *secretamente*, estaba convencido de que con semejante maravilla se podía escribir cualquier cosa.../ Я в тайне был убежден в том, что с подобным восхищением можно было описать любую вещь...» [\[15, с.181\]](#).

В качестве интенсификатора имени прилагательного данная адвербиальная единица получает дополнительные экспрессивно-эмоциональные коннотации:

«En el fondo se sentía *secretamente* orgulloso del muchacho, incluso deseándole muerto/ В глубинах его души таилась гордость за юношу, хотя он и желал ему смерти» [\[15, с.224\]](#).

Таким образом, можно сделать вывод, что неслучайно наречия *vagamente*, *secretamente* являются частотными адвербиальными единицами романа, поскольку, в том числе, их функционирование в составе метафоры создают особый стиль повествования, представляющего собой своеобразный жанровый сплав детектива и готического романа.

В результате исследования корпусных контекстов произведения Руиса Сафона наиболее рекуррентными сочетаниями наречий на *-mente* с глаголами являются сочетания с *sonreír* (9 примеров употреблений), *observar* (7 примеров); *mirar* (12), а также с глаголом *decir* (13). Довольно частотным словосочетанием является характерный и для русского языка оксюморон: *sonreír amargamente* / горько улыбнуться (17 примеров).

Отдельно рассмотрим функционирование адвербиальных единиц на *-mente* в составе таких стилистических приёмов, как, например:

а) олицетворение:

«Volutas de humo se alzaban *perezosamente* / кольца дыма ленивоплыли вверх» [\[15, с.216\]](#).

б) инверсия:

«*Lentamente*, me invadió la certeza absurda de que todo era posible y me pareció que hasta aquellas calles desiertas y aquel viento hostil olían a esperanza/ Постепенно меня охватила абсурдная уверенность в том, что все возможно, и мне показалось, что даже те пустынные улицы и тот враждебный ветер пахли надеждой» [\[15, с.331\]](#).

В последнем примере определяющей будет именно синтаксическая позиция адвербиальной единицы, которая, по мнению исследователя А.П. Денисовой, для наречия «качественной характеристики в начале предложения нетипична, поэтому данное изменение приобретает стилистическую значимость, которая придает образности высказыванию» [\[3, с. 52\]](#)

Поскольку повествование в романе Сафона ведется от первого лица, наречия в сочетании с глаголами говорения в диалогах романа могут являться элементами эллипсиса. В художественной прозе эллипсис используется в качестве стилистического приема, необходимого для имитации черт живой речи:

1) — ¿Son ustedes familia?

— *Espiritualmente* / — Вы семья? — Лишь по духу.

3) — ¿Me está amenazando? — *Probablemente* /— Вы мне угрожаете?— Возможно.

Для воссоздания черт разговорной речи автором также используются анализируемые адвербиальные единицы в стилистически маркированном значении:

«Seguro que Adrián te cae divinamente/ Очевидно, что Адриан тебе чертовски нравится». Наречие *divinamente* в словаре Королевской Академии имеет помету «*coloquial* /разговорное».

В испанской разговорной речи присутствует явление внутрисловной антонимии прилагательных с семантикой положительной оценки, когда имена прилагательные выступают в сочетании с другими частями речи разной семантики как выразители оценки, положительной или отрицательной, так и интенсификаторы оценочного значения. Это объясняется постоянной необходимостью лексического обновления существующего арсенала оценочных средств, с целью достижения большей экспрессивности в процессе коммуникации. При переводе наречия *divinamente* следует учитывать данный феномен, поскольку только в случае антонимичного переводного эквивалента удастся передать стилистически маркированную коннотацию.

Кроме того, по словам А.П. Денисовой, следует учитывать как «многозначность адвербиальных единиц на *-mente* », так и то, что «слова с положительной семантикой могут служить для выражения негативных понятий, а языковые единицы с отрицательным денотативным значением — для передачи положительной характеристики» [3, с.51]. Например, коллокация *condenadamente felices* в следующем контексте: «pero volvió a los cinco meses y han sido condenadamente felices/но он вернулся спустя пять месяцев, и они стали чертовски счастливы» [10, с.80]. В корпусе встречаются примеры, где наречие *condenadamente* описывает слова с позитивной семантикой: *condenadamente guapo/hermoso*. Колокации подобного рода скорее характерны для обиходно-бытового стиля устного общения, нежели для художественной литературы, где они используются в качестве стилеобразующих элементов. Семантика данных словосочетаний контекстуально обусловлена, что вызывает трудности при переводе.

Таким образом, можно сделать вывод, что в романе «Тень ветра» наречия на *-mente* играют важную роль в формировании идиостиля автора: они используются для создания образа города Барселоны, наполненного таинственностью, а также с целью характеристики персонажей при описании их эмоционального состояния. В анализируемом произведении наречия употребляются в метафорическом, стилистически маркированном значении, в составе особых художественных приемов, что придает образность повествованию.

Также материалом исследования послужили рассказы писателей Антона Кастро и Диего Торрона. В отличие от произведений Карлоса Руиса Сафона, их творчество мало или совсем неизвестно русскоязычному читателю. Для нашего исследования были выбраны сборник из 18 рассказов Антона Кастро «Golpes de mar/ Удары моря» (2006 - 2010) и сборник под названием «Los Dioses de la Noche/ Боги ночи» (2004) Диего Мартинеса Торрона, состоящий из девяти историй.

Всего в произведениях Антона Кастро, по данным корпуса, встречается около 170 контекстов употреблений наречий на *-mente* . Адвербиальные единицы в рассказах Кастро, также как и в романе Сафона, придают экспрессивность действию, выраженному глаголом, и могут являться частью стилистических фигур:

а) тавтологической структуры:

«Lo mataron tres hombres. Llevaban años buscando al ladrón de caballos -dijo y me miró *dulcemente* con una mirada perdida y triste, como si pidiese perdón./ Его убили трое. Они долгие годы искали конокрада – сказал он и мягко посмотрел на меня потерянным и грустным взглядом, словно просил прощения». [\[10, с. 34\]](#)

б) рефрана:

«Los hechos que sucedieron a partir de aquí admiten las más variadas opiniones. Unos los califican de improbables. Otros de fábulas maravillosas extraídas de libros antiguos de mitologías, y los más de hermosos, de *extraordinariamente* hermosos y dramáticos/ О событиях, случившихся с этого момента, могут быть самые разнообразные мнения. Кто-то оценит их как невероятные. Другие – как взятые из древних книг мифов, из самых прекрасных, наипрекраснейших и драматичных». [\[10, с.56\]](#)

в) парцелляции, конструкции экспрессивного синтаксиса, которая разделяет текст, пунктуационно связанный, на нескольких отрезков или предложений.

Адвербиальная словоформа представляет собой слово-предложение:

«Otros irían aún más lejos en sus deducciones: Leonardo y Graciela se amaban. *Ciegamente* /. Другие зашли бы еще дальше в своих выводах: Леонардо и Грасиэла любили друг друга. Слепо». [\[10, с.103\]](#) Проанализированный материал демонстрирует, что в рассказах Антона Кастро адвербиальные единицы употребляются с эстетической функцией, получив дополнительное, эмоционально-экспрессивное значение в составе различных стилистических приемов, таких, как тавтологическая структура, парцелляция, повтор, олицетворение и других.

В произведениях Диего Мартинеса Торрона зафиксировано 455 контекстов употреблений наречий на *-mente*, заметно больше в количественном отношении, чем в рассказах Антона Кастро. Центральной темой сборника рассказов «Los Dioses de la Noche/Боги ночи» Диего Мартинеса Торрона является любовь. Наречия определяют такие глаголы, как *amar, abrazar, besar*. Для описания чувства любви автор использует целые адвербиальные сцепления, когда три и более наречия могут встречаться в контактной позиции. В данных коллокациях писатель может придерживаться грамматической нормы оформления группы наречий, когда только последнее в ряду наречие полнооформлено, так и нарушать ее с целью усиления выразительности повествования:

«Agito el abanico, y en sus movimientos tal vez pueda leerse que he sentido la llamada de solicitud como una hembra en celo. Porque siempre he amado *pasional, furiosa, ávidamente* ./ Взмах веера и в этих движениях возможно прочесть, что я почувствовала призыв как ревнивая самка. Потому что всегда любила страстно, яростно, жадно». [\[13, с.156\]](#).

Однако, были найдены контексты, когда две адвербиальные единицы выступали в контактной позиции, когда полнооформлены оба наречия: «Comenzaron a hablar suavemente pausadamente, y el tiempo se iba deteniendo en torno./ Начали разговаривать негромко, с паузами, и время замирало вокруг». [\[13, с.84\]](#).

Безусловно, данная синтаксическая структура нужна автору для придания выразительности повествованию и является яркой особенностью художественного стиля.

Адвербиальные сцепления повышают экспрессивность повествования, с одной стороны, с другой — являются средством эстетизации повествования:

«Luego los hijos van creciendo, van adquiriendo tu misma sabiduría de la vida, van avanzando en edad hacia arriba... al mismo tiempo que tú vas *suavemente, amorosamente*, declinando hacia abajo/Затем дети постепенно вырастают, приобретают твою же жизненную мудрость, становятся старше...а ты тем временем постепенно склоняешься к земле, принимая это кротко, с нежностью». [\[13, с.87\]](#).

Как и в рассказах Антона Кастро, в произведениях Диего Торрона можно встретить использования наречий в составе поэтических фигур:

а) рефрана:

«Creo sin embargo que en aquella noche me sentí viejo, tremendamente viejo/ Однако думаю, в ту ночь я почувствовал себя старым, ужасающе старым». [\[13, с.132\]](#).

б) аллитерации:

«Aquellas noches en que se sentía cansado, terriblemente cansado, absolutamente harto de todo, completamente vacío, deseando tan sólo descansar, dormir, y dormir por siempre, un sueño largo, eterno, que no tuviera fin, en el que se vislumbrara la luz al final del túnel en que se encontraba, el túnel de la pobreza, de la miseria/ Те ночи, в которые я чувствовал себя уставшим, страшно уставшим, абсолютно пресытившимся всем, полностью истощенным, желающим лишь отдохнуть, уснуть, забыться навсегда, продолжительным, вечным сном, у которого не было бы конца, в котором бы виделся свет в конце туннеля, в котором я находился, туннеля бедности и нищеты». [\[13, с.91\]](#).

с) анафоры:

«Sinceramente, te diré la verdad. Sinceramente, ya no te amo. Sinceramente, te abandono. Sinceramente, nunca te quise. Sinceramente, te mentí. Sinceramente, te apuñalo por la espalda. Muérete ya, sinceramente/. Честно, я тебе скажу правду. Честно, я тебя не люблю. По правде говоря, я тебя бросаю. По правде говоря, я никогда тебя не любил. Честно, я тебе солгал. Честно, я тебе втыкаю нож в спину. Умри же, честно». [\[13, с.93\]](#).

Очевидно, что использование наречий в составе поэтической фигуры, не характерной для прозаических произведений, а также парцелляционный синтаксис способствуют эстетизации текста, усиливая экспрессивность прозаического повествования, необходимую для точного восприятия заложенного художественного образа.

Рассмотрим несколько примеров использования Диего Торроном адвербиальных единиц с суффиксом *-mente* с редкой частотностью. Например, наречие *espléndidamente* в словаре DRAE имеет помету «*usado más en lenguaje poético*», что означает, что ее употребление более характерно для поэтических произведений. Однако, в рассказе Диего Торрона «*Catá logo de soñ adores* / Каталог фантазера» встречается следующий пример функционирования вышеупомянутой лексики:

«Tiene José docenas de amigas y mancebas de toda condición, a las que paga espléndidamente a costa del Tesoro público/. Есть у Хосе дюжины подруг и любовниц всех сортов, которых он прекрасно мог себе позволить за счет государственной казны». [\[13, с.178\]](#).

Примером метафоры является адвербиальная словоформа *quijotescamente*, всего 3 употребления которой обнаружено в корпусе XXI века, что также объяснимо исключительным использованием ее в художественном тексте. Словарь DRAE дает следующее определение наречия *quijotescamente*: «с донкихотством – преувеличенным проявлением рыцарских чувств»^[14].

Приведем следующий контекст употребления вышеназванного наречия из рассказа Диего Торрона: «Las guerrillas son el auténtico inconveniente para nuestras tropas. Constituyen una forma muy característica de la lucha del pueblo español, individualista y anárquico pero valiente, atacando quijotescamente a unas fuerzas, las nuestras, muy superiores en número y medios, aunque logran debilitarnos después de muchos sacrificios/ Партизанские отряды – настоящее неудобство для наших войск. Они представляют собой весьма характерную форму борьбы испанского народа, склонного к анархии и индивидуализму, но смелого, как донкихоты атакующие наши силы, превосходящие в числе и средствах, хотя и успешно ослабляющих нас ценой больших потерь». ^[13, с.89].

Очевидно, что использование данной наречной единицы помогают автору художественного произведения, по словам А.П. Денисовой, «образно воспроизводить действительность». ^[3, с. 148]

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что наречия на *-mente* являются стилистически значимой частью речи в художественных произведениях современных испанских писателей Карлоса Руиса Сафона, Антона Кастро и Диего Торрона. В рассказах двух последних авторов были обнаружены количественные и качественные наречия в составе различных стилистических приемов: парцелляции, олицетворения, рефрана. Отметим употребление Диего Торроном наречий на *-mente* в бóльшем количественном соотношении в рассказах в целом, и в частности, в составе поэтических фигур: анафоры, аллитерации. Было зафиксировано сложное и разнообразное взаимодействие наречия и определяемого им слова, что способствует созданию устойчивых коллокаций с метафорическим значением: *vagamente siniestros*, *sonreí r amargamente*. Для дальнейших исследований может представлять интерес анализ примеров использования наречий - лексических окказионализмов, оксюморонов, употребление которых усиливает экспрессию повествования. Таким образом, на основе проанализированного материала, несомненным представляется тот факт, что формант *-mente* не утратил своей продуктивности на актуальном этапе развития языка и является характерной чертой художественного стиля современного испанского языка. Стилистические возможности адвербиальных единиц помогают решать такие авторские задачи, как оценка и характеристика персонажей, создание образности повествования, достижение необходимой экспрессивности художественного текста.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка).-М.:Языки славянских культур,2007.-288с.
2. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В., Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология. - 2-е изд.,- М.: Высш.школа, 1980.-336с.
3. Денисова А.П. Стилистические функции наречий на *-mente* в современном испанском языке.- Дис.канд.фил.наук.- М.: 1985.-235с.
4. Канонич С.И. Ситуативно-речевая грамматика испанского языка. - М., Междунар.отношения, 1979.-208с.
5. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. - Санкт-Петербург: Наука, 1993.- 146.

6. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка: имя существительное. Глагол. 2-е изд.- М.: изд-во РУДН, 2002. - 352с.
7. Alonso M. Ciencia del lenguaje y arte del estilo. - Madrid, Aguilar, 1971. - 1640.
8. Alonso A., Ureña Henríquez P., Gramática Castellana. - Ed.Losada. Buenos Aires. 1961 - 261.
9. Bello A. Gramática de la lengua castellana.- Madrid, Edelsa, 1988. - 552.
10. Castro A. Golpes de mar. - Barcelona, Ediciones Destino, 2006. - 256.
11. Corpus del español del siglo XXI (CORPES) . [Дата обращения: 10.12.2020].
12. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. - Real Academia Española, Madrid, Espasa Calpe, 5a Ed., 1973. - 592.
13. Martínez Torrón D. Los dioses de la noche. - Madrid, Sial, 2004. - 273.
14. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española, 23a Ed. [Дата обращения 08.12.2020].
15. Ruiz Tosa E. Algunas Consideraciones Sobre la Sombra del Viento de Ruiz Safo. < <http://www.ucm.es/info/especulo/numero38/soviento.html>> [Дата обращения: 10.12.2020]
16. Spitzer Leo. Stilstudien, Bd 1-2, M., Hueber. 1928. - 294.
17. Zafon Ruiz C. La Sombra del Viento. - Barcelona, Planeta, 2001. - 400.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье являются стилистическое использование наречий на -mente в современной испанской художественной прозе – произведениях Карлоса Руиса Сафона, Антона Кастро и Диего Торрона. Актуальность и новизна исследования определяются изучением функционирования наречий, образованных по продуктивной словообразовательной модели и не раз становившихся предметом стилистического исследования в отечественной и зарубежной лингвистике, на материале новейшей испанской художественной прозы, в том числе не выходившей на русский язык. Значение исследования, таким образом, расширяется: рецензируемая статья не только пополняет ряд работ, посвященных стилистическим функциям наречий на -mente в современном испанском языке, но и открывает для русского читателя разговор о стиле названных авторов.

Исследование проведено на обширном материале (суммарная выборка из романа Карлоса Руиса Сафона «Тень ветра» и рассказов Антона Кастро и Диего Торрона свыше 800 употреблений), на базе корпусных контекстов. В статье удачно сочетается описание собственной специфики и образного потенциала наречий на -mente и их использования в стилистических фигурах: олицетворении, различных видов повторов, инверсии, парцеллированных конструкциях и др.

К несомненным достоинствам статьи можно отнести строго научный стиль и структурную четкость изложения, обилие примеров, их развернутое комментирование, указывающие на подлинно научное мышление автора. Список литературы релевантен, включает основные работы, посвященные стилистическому использованию наречий на -mente.

Исследование обладает выраженной перспективой как в направлении, обозначенном автором («Для дальнейших исследований может представлять интерес анализ примеров использования наречий - лексических окказионализмов, оксюморонов, употребление

которых усиливает экспрессию повествования»), так и в рамках проблемы художественного перевода испанских наречий на -mente на русский язык, обозначенной, хотя и не сформулированной четко, в приведенных в статье примерах перевода фрагментов текстов Карлоса Руиса Сафона, Антона Кастро и Диего Торрона. При несомненной ценности и высоком качестве статьи, сомнения вызывает формулировка ее заглавия («Особенности стилистических функций наречий на -mente в современной испанской художественной прозе»). На мой взгляд, словосочетание «особенности функций» в нем избыточно и лишь затемняет и размывает тему статьи: слово «особенности» явно десемантизировано, в статье говорится о функциях наречий в конкретных художественных текстах, а не о их особенностях, словосочетание «особенности функций» (весьма загадочное даже вне контекста), за исключением заглавия, в работе не встречается. Предлагаю редакторам и автору подумать над изменением заглавия на «Стилистические функции наречий на -mente в современной испанской художественной прозе».

Других значимых замечаний к статье нет, она может быть рекомендована к печати.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Ю., Митрофанова И.И. — Концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах // Litera. – 2023. – № 2.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39529 EDN: DBSHEH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39529

Концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах

Ян Юнья

аспирант, кафедра РЯМП, РУДН

117198, Россия, г. Москва, ул. Mklukho-Maklaya street, 6, оф. Российский университет дружбы народов

✉ yunya626ya@163.com**Митрофанова Ирина Игоревна**

кандидат социологических наук

доцент, кафедра русского языка и методики его преподавания, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Москва, ул. Mklukho-Maklaya street, 6, оф. Российский университет дружбы народов

✉ mitrofanova-ii@rudn.ru[Статья из рубрики "Язык"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.2.39529

EDN:

DBSHEH

Дата направления статьи в редакцию:

28-12-2022

Аннотация: Данная статья посвящена актуальной проблеме концепта «честь» в русской и китайской лингвокультурах. Концепт «честь» имеет большое значение как для русской языковой картины мира, так и для китайской, и встречается в разных контекстах с разными значениями. Концепт «честь» вызывает интерес в исследованиях российских и китайских ученых, отражает когнитивные перспективы и психологическое состояние разных народов. Объектом исследования является концепт «честь», предметом – концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах. В данной работе рассмотрены концептуальные исследования в русской и китайской языковых картинах мира. Цель данной работы заключается в полном раскрытии концепта «честь» в русской и китайской лингвокультурах, а также выявления национально-культурной особенности исследуемого концепта. В процессе работы использовались общенаучные методы, индуктивный, описательный, сопоставительный. В результате проведенного исследования удалось выяснить, что концепт является исключительно важным предметом изучения в

лингвокультурологии. С позиций лингвокультурологии концепт «честь» представляет собой отражение внешнего мира в сознании человека, что организует категорию языковой картины мира. Честь как важный концепт в изучении лингвокультурологии, и в то же время один из основных концептов, составляющих русский и китайский национальный дух.

Ключевые слова:

лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, честь, лингвокультура, словарь, лексема, пословица, поговорки, фразеологизмы

Языковая картина мира (ЯКМ) является одним из базовых понятий лингвокультурологии. Определением данного понятия, его историей, связью с лингвистикой и другими науками, иерархией её составляющих, содержанием и определением терминологического статуса занимались российские и китайские ученые. Основной единицей языковой картины мира является концепт [\[3, с.225\]](#).

По словам Д.С. Лихачева "концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным народным опытом человека" [Д.С. Лихачев 1997:320]. Таким образом, всякий концепт, может быть, не одинаково расшифрован, с учетом контекста и оригинальности носителя культуры и языка. Лихачев отмечает, что в лексическом запасе языка имеется четыре уровня: 1) именно сам лексический запас; 2) значения лексического типа; 3) концептосфера; 4) концепты [Д.С. Лихачев 1997:282].

По словам В.И. Карасика, "концепт - ментальное образование, которое представляет собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизированные фрагменты опыта" [\[4, с. 59\]](#). Как пишет Ю. С. Степанов, индивид воспринимает культуру умственно в образе концепта. С другой стороны, исследователь считает, что посредством концепта человек сам становится частью культуры и имеет возможность оказывать влияние на формирование культуры [\[5, с. 43\]](#).

С.Г. Воркачѳв считает, что концепт, как ментальное образование, подчеркиваемое лингвокультурной спецификой, а также замечает в "авторизации безличного, объективистского понятия" [\[2, с. 67\]](#).

С точки зрения выражения темы одни ученые проанализировали русскую культуру, характер, дух, ценность и т. д., другие осуществили сравнительный анализ государственной культуры, характера, ценности разных народов, включая русских.

Вместе с тем, все больше китайских лингвистов интересует изучение концептов. В работах исследуются основные теории концепта, и определенный аспект концепта, конкретные концепты. Например, Цзян Ямин(姜雅明 2007) в работе《对“концепт” 的解读与分析》выделила термины «понятие», «значение», «представление» и «смысл», обобщила основные исследования по концепту в России. Лю Цзюань(刘娟 2007) в《концепт及其概念意义探究》с точки зрения этимологии, терминологии и лексикографии исследует происхождение концепта. В другой работе《语言学视角下的概念分析》Лю Цзюань(刘娟 2008) более подробно анализирует историю и развитие теории концепта. Магистратские, кандидатские и докторские диссертации《俄语语言世界图景中的观念场“ПАМЯТЬ”》(梁洪琦2017), 《俄汉观念词“весна/春”的语言文化对比研究》(曹梦2021), 《俄语中“жизнь”, “смерть”与汉语中“生”、“死”观念对比》(王蕾2008) и 《语言文化学视角下俄语“путь”观念研究》(孙毓聪 2017) многомерно

проанализированы конкретные концепты как «земля», «огонь», «хлеб», «жизнь» и «смерть» в аспекте лингвокультурологии.

В Китае существует мало исследований по концепту «честь». Отсюда делаем вывод о том, что в современное время в Поднебесной изучение концепта «честь» в аспекте лингвокультурологии, до сих пор еще находится в стадии становления. Регулярное обогащение и формирование системы изучения концепта дает нам лучшее представление относительно отношений между культурой, человеком и языком.

Взгляды русских лингвистов не противостоят друг другу, а скорее объединяются и дополняются, наполняя образ концепта. В настоящее время китайские ученые тоже обращают внимание на данный вопрос, так ученые - лингвисты Чжао Айгуо, Лю Хун, Пэн Вэньчжао, Цзян Ямин, Лю Цзюань и другие исследуют концепт как единицу межкультурной коммуникации. Важно отметить, что в Китае пока не существует научных исследований, теоретической базой которых является учение В.В. Колесова по концептологии. Хотя монография «Язык и ментальность» В. В. Колесова переведена на китайский язык [пер. Ян Минтянь] уже в 2006 году.

Концепт «честь» присутствует в разных лингвокультурах. В данной статье рассматривается лексико-семантический анализ концепта «честь». «Честь» является одним из основных понятий любого языка и разных культур. Данный концепт вызывает интерес в исследованиях российских и китайских ученых. Объектом исследования является концепт «честь», предметом – концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах на основе словарей, фразеологизмов, пословиц и поговорок.

Материалом для работы послужили русские и китайские академические и современные словари, словарь синонимов, фразеологический словарь. Были исследованы фразеологизмы из интернет-ресурсов, проанализирована литература, содержащая плакаты по теме «честь». Данные материалы показывают новизну по подходу исследований данной статьи, потому что настоящее исследование является дополнением к современным исследованиям в области лингвокультурологии, в которых пока не обнаружено сопоставительного изучения концепта «честь» в русской и китайской культуре. Кроме того, большинство исследований понятия «честь» проводились в рамках литературы, этики и педагогики.

В данной работе предпринята попытка интегрировать и сравнить понятие «честь» в русской и китайской лингвокультурах. Выбранный концепт «честь» может являться интересным с точки зрения лексического значения и семантики.

Например, в русских словарях даны следующие лексические значения:

Название лексикографического источника	Значения слова <i>честь</i> , представленные в словаре
Русский ассоциативный словарь, 2002 г	(1) Совесть (2) Мундира (3) Отдать (4) Смолоду (5) Совесть

	<p>(6) Береги смолоду</p> <p>(7) Иметь</p> <p>(8) Имею</p> <p>(9) Офинцер</p> <p>(10) Потерять</p> <p>(11) Женская</p> <p>(12) И слава</p> <p>(13) Молодость</p> <p>(14) Отдавать</p> <p>(15) Офицера</p> <p>(16) Человека</p>
Словарь синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой 2004 г.	<p>(1) Полагать</p> <p>(2) Доброе имя</p> <p>(3) Достоинство</p> <p>(4) Уважение</p> <p>(5) Гордость</p> <p>(6) Чистота</p> <p>(7) Предмет гордости</p> <p>(8) Репутация</p> <p>(9) Милость</p> <p>(10) Честность</p> <p>(11) Почет</p> <p>(12) Почтение</p>
Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений под ред. Н. Абрамова (1999 г.).	<p>(1) Чтить, почитать, счесть, почет, уважать, обманывать, принуждать.</p> <p>(2) Полать, признать, мнение, почитание, поклонение, благородство, доблесть.</p> <p>(3) Верность, честность.</p> <p>(4) Достоинство, гордость, самоуважение, краса.</p> <p>(5) Репутация, престиж, реноме.</p> <p>(6) Венчание, девичество.</p> <p>(7) Внимание.</p>

	<p>(8) Убор, нашивка, орнамент.</p> <p>(9) Невинность, целомудрие, беспорочность.</p> <p>(10) Знаки почета.</p> <p>(11) Доброе имя, предмет гордости.</p>
Фразеологический словарь современного русского литературного языка А. К. Шапошникова 2010 г.	<p>(1) Честь по чести</p> <p>(2) Честь честью</p>
Малый академический словарь, 1957—1960г.	<p>1. Совокупность высших морально-этических принципов личности.</p> <p>2. Достоинство (личное, профессиональное, военное и т. п.). Почет, уважение.</p> <p>3. устар. Высокое звание, должность, чин; почесть.</p> <p>4. То, что дает право на почет, уважение, признание, является почетным.</p> <p>5. О том, кем или чем гордятся, кому или чему отдают дань уважения, восхищения и т. п.</p>

Табл.1. Значение концепта «честь» в русских словарях.

Также в китайских словарях:

Словарь БКРС [Электронный ресурс] https://dabkrs.com/	<p>1) 荣誉 róngyù; дело чести - 光荣的事业 бороться за честь и свободу Родины - 为祖国的光荣和自由而奋斗 задеть чью-либо честь - 有损于...的名誉</p> <p>2) (целомудрие) 贞洁 zhēnjié, 贞节 zhēnjié, 童贞 tóngzhēn</p> <p>3) (почёт, уважение) 尊敬 zūnjìng</p>
现代汉语词典 – «Словарь современного китайского языка», 2020г.	<p>1. 光荣的名誉。достоинство; гордость</p> <p>2. 犹赞誉。похвала, одобрение</p> <p>3. 荣耀, 光荣。славный, блестящий; слава, блеск; великолепие</p>
https://bajiu.cn/zidian/?id=2200 汉语大辞典 – «Большой словарь китайского языка», 2022г.	<p>荣</p> <p>róng</p> <p>〈形〉</p> <p>(1) 繁茂, 茂盛 [grow luxuriantly]</p>

	<p>пышный, густой; цветущий, процветающий; расцвет</p> <p>(2) 又如:荣芬(茂盛, 繁密);荣旺(植物生长旺盛);</p> <p>цветущий, густой, пышный, буйный, обильный (о растительности); процветать и преуспевать; изобилие</p> <p>(3) 繁荣 [flourish]</p> <p>процветать; процветание; расцвет; подъём</p> <p>(3) 又如:荣昌(繁荣昌盛);</p> <p>процветание и спокойствие</p> <p>(4) 盛多;丰富 [abundant]</p> <p>множество, обилие, избыток; во множестве, в избытке</p> <p>(5) 光荣, 荣耀。与“辱”相反 [glory; honor]。</p> <p>слава, честь, почет; доблесть, достоинство; гордость; блеск; славный, блистательный; достославный</p> <p>(6) 富贵;显荣 [wealth and rank]。如:荣伍(尊显者的行列);显荣(显达荣贵)</p> <p>богатые и знатные; богатый и могущественный; состоятельный и знатный; богатство и благородство; деньги и почёт; жить в богатстве и чести</p> <p>(8) 荣华 [splendor]。如:荣乐(荣华逸乐);荣冀(对荣华富贵的欲望);荣庆(荣华幸福);荣贵(荣华富贵);荣伸(荣华显耀);荣润(光华润泽)</p> <p>слава и процветание; великолепие, роскошь, величие; почёт; быть отмеченным почётом; прославиться</p>
--	---

Табл.2. Значение концепта «честь» в китайских словарях.

Как видно в китайском языке понятие «честь» обладает множеством значений, как и в русском. В китайском языке слово «честь» имеет значение честь и репутация» 脸面, а в русском языке встретились значения «достоинство», «почет, уважение».

Далее следует рассмотреть значение языковой единицы «честь» на основе пословиц и поговорок, так как и пословицы, и поговорки несут в себе обобщенное метафорическое значение. Ниже мы рассмотрим некоторые примеры использования понятия «честь» в русских и китайских обыденных пословицах, поговорках и фразеологических выражениях. Пословицы и поговорки были выбраны из китайских и русский сайтов.

Концепт «честь» в русских пословицах, поговорках и фразеологизмах обозначает:

(1) **Входить в честь** (пользоваться почётом и уважением; оказываться в милости у кого-либо), например он входил в честь.

(2) **В чести** (о почете, уважении, которыми пользуется кто-либо или что-либо), например он в чести.

(3) **В честь** (1. в знак уважения почтения к кому-либо или чему-либо; 2. в качестве торжественного повода; по случаю чего-либо, например прием в честь).

(4) **Не из чести переносят вести**, по смыслу похоже с нашим другим выражением «кто станет доносить, тому головы не сносить». Значит, что человек, который доносит на кого-то, является человеком без чести.

(5) **Не в бороде честь**, эта фраза значит: борода и у козла есть. Это значит, что не имеет значения размер твоей бороды, честь достигается другим способом, а именно упорным трудом.

В китайских пословицах, поговорках и фразеологизмах:

(6) 荣辱得失 róng rǔ dé shī 【解释】: 荣耀和耻辱, 得到和失去。слава и (или) позор, приобретение или убыток.

(7) 知荣守辱 [zhī róng shǒu rǔ] 【解释】: 道家提倡的一种韬光养晦的处世哲学。зная свою славу, сохранять для себя безвестность.

(8) 荣宗耀祖 [róng zōng yào zǔ] 【解释】: 荣耀他们的祖先; 以他们的荣耀增加他们祖先的荣耀。Прославлять своих предков; увеличивать славу своих предков своей славой.

(9) 虽死犹荣 [suī sǐ yóu róng] 【解释】: 人虽然死了, 但死得光荣。заслужил себе славу, даже когда умер.

(10) 饿死事小, 失节事大。【解释】: 原指女子失去贞操, 后泛指失去节操。贫困饿死是小事, 失节事情就大了。Первоначально оно относилось к женщине, потерявшей целомудрие, но позже стало означать потерю скромности в целом. Умереть от нищеты и голода - дело небольшое, но потерять свою добродетель - дело гораздо более серьезное.

(11) 为人民利益而死, 就比泰山还重。【解释】: 是为人民服务而牺牲, 其死重于泰山。Это жертва на службе народа, и его смерть важнее горы.

(12) 古之学者必严其师, 师严然后道尊。【解释】: 意思是古代的学习的人一定会尊敬他的老师, 尊敬了老师之后才会尊敬他正在学习的道理。Смысл в том, что ученик должен был уважать своего учителя, и только после того, как он уважал своего учителя, он мог уважать истину, которую изучал.

(13) 人固有一死, 或重于泰山, 或轻于鸿毛。【解释】: 人都有一死, 有的人重于泰山, 有的人轻于鸿毛。Смерть человека может быть тяжелее горы или легче перышка.

В ходе нашего исследования мы сравнили употребление концепта «честь» в русских и

китайских словарях, пословицах, поговорках и фразеологизмах выявили следующие сходства и различия. В китайском языке концепт «честь» обладает своими специфическими особенностями, связанными с иероглифом «zun尊», «rong荣», «lianmian 脸面» и т.д. В русском языке более встретились значения «почет, уважение» и «совокупность высших морально-этических принципов личности. Сходным оказалось употребление слова «честь» в значении «zun尊», «rong荣». Когда концепт «честь» связан с лицом, а в Китае лицо играет необычную роль, здесь данное значение для каждого китайца очень важно. Известный китайский писатель Линь Юйтан писал : «культ лица не может быть переведен или точно определен...», это что-то абстрактное, нематериальное, тонкий стандарт китайских социальных отношений. В русской культуре это, все же, больше о доверии, а для китайцев это нереально важно, для них это — все! [Электронный ресурс:Лаовай.ру] .

Значение агитационных плакатов также имеет важное значение в изучении концепта ЧЕСТЬ, так как отражает социальное, культурное состояние общества и мировоззрение людей.

Когда речь идет о лингвокультуре, для русских и китайцев, особенно для молодежи, плакат играет важную роль в их коммуникативной речевой жизни.

Безусловно, агитационных плакатов, связанных с концептом честь в русской и китайской лингвокультурах немало, например:

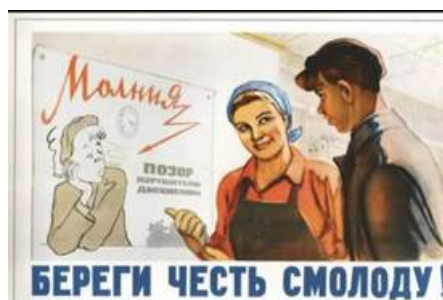

Рисунок 1. Плакат про честь из рубрики «Советские плакаты. Воспитание»

Таким образом, честь олицетворяет моральное достоинство человека, и ею следует дорожить с юных лет. В молодости люди думают, что у них достаточно времени и что в будущем все может измениться.

Рисунок 2. Плакат про честь из рубрики «Советские плакаты / Воспитание»

Это напоминает нам, что надо сохранять честь достойно, и вызывать уважение к себе.

Рисунок 3. Мем про честь из китайской книги для детей

Смысл плаката в том, что вы можете не помнить меня, но вы не должны забывать о восьми почестях и восьми позорах. Это напоминает нам, что надо запомнить политическую социалистическую программу. «Восемь тезисов о славе и позоре».

Рисунок 4. Плакат про честь из китайской книги для детей.

Это значит, это честь принадлежит нам, это наша честь.

В статье мы рассмотрели понятие концепта «честь», сравнили употребление концепта в русских и китайских словарях, пословицах и поговорках, а также фразеологизмах, плакатах. Можно понять, что концепт «честь» имеет важное значение как для русской языковой картины мира, так и для китайской и встречается в разных контекстах, с разными значениями. Концепт «честь» вызывает интерес в исследованиях российских и китайских ученых, отражает когнитивные перспективы и психологическое состояние разных народов.

В данной работе мы проанализировали концептуальные исследования в русской и китайской языковых картинах мира, в результате выявили между ними сходства и различия. Концепт «честь» в значении «лицо и репутация» (脸面) в русском и в китайском языках почти одинаковы, но в китайском языке значения не только связаны с репутацией как в русском языке, но еще обозначают процветание, краса, блеск; радость, инвалид войны, ветеран, пышный, густой; цветущий, процветающий и т.д.

Можно сказать, что в значении концепта «честь» наблюдаются сходства и различия в китайском и русском языках. Кроме того, концепт является исключительно важным предметом изучения в китайской и русской лингвокультурологии. С позиции лингвокультурологии концепт «честь» представляет собой отражение внешнего мира в сознании человека, что организует категорию языковой картины мира. «Честь» как

важный концепт в изучении лингвокультурологии, и в то же время один из основных концептов, составляющих русский и китайский национальный дух.

Отметим недостаточную степень изученности концепта ЧЕСТЬ как составляющей картины мира носителя современного русского языка в лингвистическом, дискурсивном, культурно-речевом, содержательном и пр. аспектах, а также отсутствие исследований данного концепта, которые бы носили комплексный характер. Описание концепта ЧЕСТЬ, представляется актуальным, поскольку этот концепт является значимым в любой лингвокультуре, как в русской, так и в китайской, определяется в качестве одной из важных составляющих национальной картины мира. Его исследование имеет важное значение для знакомства мира с русской и китайской культурой и привлечения большего внимания специалистов, переводчиков, интересующихся данной тематикой.

Библиография

1. БКРС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dabkrs.com/>. – Дата доступа: 28.11.2022.
2. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании[М]. М.: 2001.
3. Гончарова. Н.Н. Концепт-основная единица языковых картин мира. Филология. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2013.225.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс[М]. М.: Гнозис, 2004.
5. Колесов В.В. «Русская ментальность в языке и тексте» Монография// М.: Изд-во РГБ, 2009.
6. Лаовай.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://laowai.ru/kult-lica-v-kitae/>. – Дата доступа: 09.01.2023.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка[М]. Антология. М.: Академия, 1997: 282, 320.
8. Мокиенко В. М. Современная фразеология (лингвистический аспект)// Мир русского слова.-№ 3, 2010.-С. 6-20.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры[М]. М.: 1997. С.41-43.
10. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://thesaurus.ru/dict/> – Дата доступа: 05.12.2022.
11. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<http://thesaurus.ru/dict/> – Дата доступа: 05.12.2022.
12. Фразеологизмы с «честь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://burido.ru/1540-frazeologizmy-s-chest?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.com%2F. – Дата доступа: 28.11.2022.
13. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sinonim.org/s/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C>– Дата доступа: 28.11.2022.
14. Идеографический словарь русского языка.[Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/>–Дата доступа: 05.12.2022.
15. Фразеологизмы с «честь» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:<https://burido.ru/1540-frazeologizmy-s-chest>–Дата доступа: 05.12.2022.
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/77090/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C> – Дата доступа: 08.01.2023.
17. [Электронный ресурс]. –<https://www.cnfla.com/yanyu/487785.html>– Дата доступа:

08.01.2023.

18. [Электронный ресурс]. – <https://www.folklora.ru/2016/04/poslovice-pogovorki-chest-dostoinstvo.html> – Дата доступа: 08.01.2023.
19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://memepedia.ru/about-memes/> – Дата доступа: 28.11.2022.
20. [Электронный ресурс]. – <http://www.jiaoyuz.com/wenhua/25635.html> – Дата доступа: 08.01.2023.
21. [Электронный ресурс]. <https://www.yulucn.com/question/484519424> – Дата доступа: 09.01.2023.
22. [Электронный ресурс]. <http://www.9jiaoyu.com/wenhua/24412.html> – Дата доступа: 09.01.2023.
23. 现代汉语词典 – «Словарь современного китайского языка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cidian.bmcx.com/>. – Дата доступа: 01.12.2022.
24. 汉语大辞典 – «Большой словарь китайского языка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bajiu.cn/zidian/?id=2200/>. – Дата доступа: 06.12.2022.
25. 刘宏. 俄语语言与文化: 理论研究与实践[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2012.
26. 刘娟. Концепт及其概念意义探究[J]. 外语学刊, 2007(5):102-105.
27. 刘娟. 语言学视角下的概念分析[J]. 外语研究, 2008(6):51-56.
28. 姜雅明. 对Концепт的解读与分析[J]. 中国俄语教学, 2007(1):8-13.
29. 刘宏. 俄语语言与文化: 理论研究与实践[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2012.
30. 赵爱国. 语言文化学论纲[M]. 黑龙江: 黑龙江人民出版社, 2006.
31. 赵爱国. 当代俄罗斯人类中心范式语言学理论研究[M]. 北京: 北京大学出版社, 2015

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду возрастающего интереса к изучению китайского языка и культуры в нашей стране.

В статье рассматриваются актуальные проблемы лингвокультурологии двух различных культур – русской и китайской, а именно автор рассматривает языковую картину мира двух народов через концепт «честь».

Автор рассматривает лексико-семантический анализ концепта «честь», как одно из основных понятий любого языка и разных культур.

В ходе исследования было проведено сравнение употребления концепта «честь» в русских и китайских пословицах, поговорках, фразеологизмах.

Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной проблематики. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами на русском и китайском языках. Однако непонятен объем и принципы выборки языкового материала, на котором зиждется исследование. Автор не указывает объем выборки и его принципы. Насколько велик текстовый корпус и из каких источников он был получен? Или языковой материал был заимствован из исследований других авторов? Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного

исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования. Заключение в настоящей работе отсутствует по сути своей, так как в заключение должны быть представлены результаты исследования и его перспективы, а не перечислено то, что сделано.

Библиография статьи насчитывает 14 источников, среди которых представлены научные труды исключительно на русском языке. Считаем, что наличие трудов китайских исследователей значительно бы обогатило статью.

К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации.

Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены.

Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по лингвострановедению, сравнительному изучению русской и китайской культуры, практике китайского языка, а также курсов по междисциплинарным исследованиям, посвящённым связи языка и общества.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах» может быть рекомендована к публикации в научном журнале после внесения ряда корректив: 1) усиление теоретической базы исследования в библиографии,

2) обращения к работам китайских лингвистов в области данной тематики, 3) уточнения корпуса исследования и методологии его обработки, 4) усиление выводов по результатам исследования, указание на новизну, а не на само собой разумеющиеся вещи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Лингвокультурологические исследования последнее время становятся популярными, распространенными. Большая часть подобных работ направлена на дешифровку концептуальной стороны языка. В данной работе автор, в частности отмечает, что «языковая картина мира (ЯКМ) является одним из базовых понятий лингвокультурологии. Определением данного понятия, его историей, связью с лингвистикой и другими науками, иерархией её составляющих, содержанием и определением терминологического статуса занимались российские и китайские ученые. Основной единицей языковой картины мира является концепт». Стоит согласиться с этим утверждением, тем более что оно подкреплено ссылкой на авторитетную работу Д.С. Лихачева: «по словам которого "концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным народным опытом человека" [Д.С. Лихачев 1997:320]. Таким образом, всякий концепт, может быть, не одинаково расшифрован, с учетом контекста и

оригинальности носителя культуры и языка. Лихачев отмечает, что в лексическом запасе языка имеется четыре уровня: 1) именно сам лексический запас; 2) значения лексического типа; 3) концептосфера; 4) концепты [Д.С. Лихачев 1997:282]». Рецензируемая статья полновесна, объемна, самостоятельна, в ней четко представлена позиция исследователя. Серьезных фактических нарушений не выявлено, ибо основная магистраль изучения поддерживается с самого начала труда до его финала. Центральный концепт, который подвергается анализу, это концепт «ЧЕСТЬ». Отмечено, что «в Китае существует мало исследований по концепту «честь». Отсюда делаем вывод о том, что в современное время в Поднебесной изучение концепта «честь» в аспекте лингвокультурологии, до сих пор еще находится в стадии становления. Регулярное обогащение и формирование системы изучения концепта дает нам лучшее представление относительно отношений между культурой, человеком и языком». Целевая установка конкретна – «в работе предпринята попытка интегрировать и сравнить понятие «честь» в русской и китайской лингвокультурах. Выбранный концепт может являться интересным с точки зрения лексического значения и семантики». На мой взгляд, достаточно удачно собранный материал укладывается в табличный вид, принцип системность в данном случае работает как нельзя лучше. Примеры / иллюстративный блок достаточны, смежно-параметрический фактор дает возможность автору максимально объемно раскрыть значение концепта «ЧЕСТЬ», показать т.н. эффект ситуативного использования этого «понятия». Неплохо, что в работу вводятся промежуточные выводы, они также являются моделями-связками. Например, «в ходе нашего исследования мы сравнили употребление концепта «честь» в русских и китайских словарях, пословицах, поговорках и фразеологизмах выявили следующие сходства и различия. В китайском языке концепт «честь» обладает своими специфическими особенностями, связанными с иероглифом «zun尊», «rong荣», «lianmian脸面» и т.д. В русском языке более встретились значения «почет, уважение» и «совокупность высших морально-этических принципов личности. Сходным оказалось употребление слова «честь» в значении «zun尊», «rong荣» и т.д. Заключительный блок работы содержит следующее утверждение: «можно сказать, что в значении концепта «честь» наблюдаются сходства и различия в китайском и русском языках. Кроме того, концепт является исключительно важным предметом изучения в китайской и русской лингвокультурологии. С позиции лингвокультурологии концепт «честь» представляет собой отражение внешнего мира в сознании человека, что организует категорию языковой картины мира. «Честь» как важный концепт в изучении лингвокультурологии, и в то же время один из основных концептов, составляющих русский и китайский национальный дух». Таким образом, автор подводит некий итог своему исследованию, мотивирует, актуализирует потенциальных читателей на дальнейший ход изучения концепта «ЧЕСТЬ». Новизна данного труда заключается в синкретической природе сравнения двух культур, рамкой становится фактор использования в каждой из них концепта «ЧЕСТЬ». Методология оценки концепта не противоречива, академически оправдана, стиль соотносится с собственно научным типом. На мой взгляд, не помешает поправить список источников, унифицировать номинации: Ф.И.О. Название работы. – Место издания: издательство, год. – общее количество страниц. В целом же текст доступен для чтения / анализа / оценки; материал можно использовать в вузовской практике. Рекомендую статью «Концепт «честь» в русской и китайской лингвокультурах» к публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Литневская О.А. — «Максимы» Ларошфуко в литературном и языковом контексте эпохи // Litera. – 2023. – № 2.
DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.37650 EDN: CTMPBW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37650

«Максимы» Ларошфуко в литературном и языковом контексте эпохи

Литневская Ольга Андреевна

соискатель, кафедра французского языкознания, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119192, Россия, г. Москва, ул. Ломоносовский Проспект, 27 к. 7

✉ litnolga@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.37650

EDN:

CTMPBW

Дата направления статьи в редакцию:

08-03-2022

Аннотация: Предметом исследования являются «Максимы и моральные размышления» Франсуа IV де Ларошфуко — сборник афоризмов, впервые изданный в 1665 г. и ставший одним из самых значимых произведений французской классической литературы XVII в. Вопрос оригинальности данного произведения, а также его места в литературной традиции эпохи, остается, тем не менее, открытым. Целью этой статьи является попытка синтеза существующих точек зрения на оригинальность «Максим». Методом исследования является лексический и стилистический анализ сборника и его соотнесение с традициями эпохи, а также требованиями к форме и содержанию, предъявляемыми к классицистическим произведениям. Особым вкладом автора в исследование темы является обращение к широкому кругу работ и многоаспектность исследования вопроса. Хотя многие исследователи по сей день обращаются к истории жанра и историческому контексту, чтобы найти источники, повлиявшие на содержание сборника, достаточно мало остается сказанным о языковом оформлении «Максим» и их соотношении с нормативными трудами эпохи. В ходе данного анализа нами установлено, что, хотя «Максимы» и соответствуют канонам классицистического произведения, они являются результатом сложного синтеза широкого ряда явлений. На их написание повлияли исторический контекст, убеждения и привычки французской светской элиты, литературная традиция предыдущей эпохи и философские труды современников автора. Так образом мы приходим к выводу, что специфическое видение мира Ларошфуко, в

отдельных аспектах не соответствующее общепринятому мировоззрению эпохи, является большим, чем данью моде или простым подражанием.

Ключевые слова:

Ларошфуко, Максимы, Французская литература, Классицизм, Лингвистика, Генетический анализ, Семантический анализ, Стилистический анализ, Грамматика Пор-Рояля, Поэтическое искусство

«Максимы и моральные размышления» Франсуа IV де Ларошфуко — сборник афоризмов, впервые изданный в 1665 г. — стали одним из самых значимых произведений французской классической литературы XVII в. и оказали большое влияние на литературу «великого века» и последующих поколений. Вопрос оригинальности данного произведения, а также его места в литературной традиции эпохи, остается, тем не менее, открытым, что объясняет не угасающий по сей день интерес к творчеству писателя.

Многие исследователи сосредотачиваются на анализе отдельных элементов сборника (например, рассматривая отдельные темы-ключевые слова «Максим» [\[21\]](#)). Те, кто ищут источники, повлиявшие на содержание сборника, традиционно обращаются к истории жанра и историческому контексту [\[5\], \[9\]](#), но достаточно мало остается сказанным про языковое оформление «Максим» и их соотношение со сложившимися в XVII в. требованиями к языковому оформлению классицистических произведений.

Задачей этой статьи является попытка синтеза существующих точек зрения на оригинальность «Максим» в литературном и языковом контексте эпохи путем лексического и стилистического анализа творчества Ларошфуко в целом и «Максим» в частности и их соотношения с традициями эпохи и требованиями к форме и содержанию, предъявляемыми к классицистическим произведениям.

Хотя соседние жанры (сентенции, апофтегмы, афоризмы) восходят к Античности и Средневековью, жанр максимы оформился лишь в XVII в., когда создание лаконичных прозаических высказываний в рамках салонной интеллектуальной игры стало популярным в приближенном к янсенистской элите светском обществе того времени (дебаты о том, можно ли считать ли самого Ларошфуко янсенистом, продолжаются до сих пор. Существует полностью противоположное мнение: отдельные исследователи видят в Ларошфуко эпикурейца, анализируя, среди прочих, максиму 182; еще больше исследователей занимают позицию между этими крайностями [\[25, с. 5\]](#)). Считается, что в своем классическом виде максима родилась из переписки герцога де Ларошфуко (1613–1680), хозяйки литературного салона маркизы де Сабле (1599–1678) и видного янсенистского оратора Жака Эспри (1611–1677).

Хотя некоторые критики (Эмиль Мань, Луи Лафюма, Эдмонд Дрейфус-Бризак и другие) считают, что творчество Ларошфуко и мадам де Сабле является не более чем данью моде и слепым копированием образцов, шаблонов и идей, разработанных в 1640-х гг. [\[20, с. 184\], \[17, с. 276\]](#), распространена также и точка зрения, что жанр максимы обязан своим существованием коллективному творчеству писателей и философов XVII в. [\[8\], \[19\]](#). Приверженцы данной точки зрения указывают на схожесть ряда высказываний у авторов сборников максим. Так, можно сравнить максиму 199 у Ларошфуко —

«Le désir de paraître habile empêche souvent de le devenir» (Здесь и далее [\[18\]](#), перевод наш : «желание казаться умелым часто мешает стать таковым».).

— и максимуму 40 у де Сабле:

«Souvent le désir de paraître capable empêche de le devenir [...]» («Часто желание казаться способным мешает стать таковым». [\[23, с.26\]](#))

Наравне с этим ряд исследователей, таких, как Анри Граббс, Уилл Грейбенрн Моор, Жан Винь и др., заявляют об оригинальности «Максим» Ларошфуко [\[16, с. 17\]](#) и их первостепенной роли в оформлении жанра максимы таким, каким мы его знаем [\[26, с. 373\]](#). Так, сборники изречений корреспондентов Ларошфуко — «Максимы» де Сабле и «Ложность человеческих добродетелей» Эспри — будут опубликованы лишь после их смерти, тогда как «Максимы» Ларошфуко выдержали пять прижизненных изданий (1665–1678) (более раннее голландское издание 1664 г. обычно не берется в расчет при генетическом анализе «Максим», так как оно было опубликовано без разрешения автора и подверглось существенной редактуре) и породили множество подражаний. Кроме того, история публикаций автора позволяет проследить, каким образом зарождались и совершенствовались идеи, вошедшие в итоговый сборник. Уже в своих «Мемуарах» Ларошфуко делает наброски-портреты, которые впоследствии станут основами отдельных максим (90, 129, 162, 215, 251 и другие); в самих же «Максимах» проделана значительная работа по обобщению идей, которые можно найти в раннем творчестве писателя. В ходе пяти прижизненных публикаций «Максим» автор также не перестает работать над формой и содержанием сборника. Можно, например, наблюдать постепенный отказ от практических советов по борьбе с политической несправедливостью, а также религиозных аллюзий в пользу типизации описанных ситуаций. Сравним, например, итоговый вид максимы 170 —

«Il est difficile de juger si un procédé net, sincère et honnête est un effet de probité ou d'habileté» («Сложно судить, совершается ли честный, искренний и порядочный поступок из порядочности или расчета»).

— с ее прототипом, который можно найти в 155 максиме манускрипта Лианкур и шестом письме издания Трюше:

«Il n'y a que Dieu qui sache si un procédé net, sincère et honnête est plutôt un effet de probité que d'habileté» («Одному Богу известно, совершается ли честный, искренний и порядочный поступок скорее из порядочности, чем расчета»).

Среди отечественных исследователей об оригинальности содержания сборника говорит М. В. Разумовская. Опираясь на историко-философский контекст, в котором создавались «Максимы», она показывает, что, хотя творчество Ларошфуко формально соответствует канонам классицизма (суждение, обычно не вызывающее споров [\[22, р. 34\]](#)) автор пришел к этому очень своеобразным путем [\[2, с. 16\]](#). Жизнь Ларошфуко пришлось на период крушения политической независимости крупного феодального дворянства и становления французского абсолютизма. Соппротивление абсолютизму феодалов, постепенно теряющих свои бывшие политические и экономические привилегии, и в меньшей степени третьего сословия породило целую политическую философию, вдохновившую Фронду (1648–1653), основной задачей которой была борьба против двора, «тирании» абсолютной монархии, роста королевских налогов. Сам Ларошфуко, активный участник и идеолог Фронды (происхождение, не традиционное для классических авторов, которым

положено поддерживать авторитет власть через свои произведения), рисует трагическую картину эпохи в своих «Мемуарах»: произвол абсолютизма, но также недоверие, беспринципность и корысть в рядах фрондеров, мешающие им как сплотиться, так и думать о благе государства. Поражение Фронды, которой Ларошфуко посвятив значимую часть своей жизни, и осознание причин этого поражения способствовали формированию новой политической философии, пессимистичного взгляда на человеческую природу, которую автор впоследствии пытается объяснить в «Максимах» [\[13, с. 6\]](#), развивая идею, выраженную в эпиграфе:

«Nos vertus ne sont, le plus souvent, que des vices déguisés» («Чаще всего наши добродетели – лишь замаскированные пороки»).

Тогда как выражение пессимистичных взглядов на общество является нормой для посетителей салонов середины XVII в. во Франции, генетический анализ сборника, прослеживание истоков и анализ выражения собственной философии автора служит доказательством того, что «Максимы» не являются лишь механическим переложением популярных идей эпохи.

Вместе с тем, если пессимистический взгляд на человечество стал результатом личного опыта писателя на социально-политическом поприще, то методология исследования человеческого сердца была вдохновлена работами философов той эпохи. Благодаря усилиям таких личностей, как Гессенди (1592–1655) и Декарт (1596–1650) в XVII в. произошел отход от мистического и религиозного познания мира в сторону его материалистического видения; было признано независимое от мышления существование материи. Представление об опыте и его разумном изучении Гассенди оказали особенное влияние на попытку Ларошфуко исследовать и описать закономерности внутренней жизни человека в «Максимах». Естественно-научный метод и рациональное мышление стали новыми эталонами, на которые следовало ориентироваться при анализе явлений как физического, так и морального плана. Так, идея о соотношении между духом и «расположением органов тела», высказанная Декартом в «Рассуждении о методе» [\[12, с. 90\]](#), находит прямое отражение в Максиме номер 44:

«La force et la faiblesse de l'esprit [...] ne sont en effet que la bonne ou la mauvaise disposition des organes du corps» (дословно: «Сила и слабость духа не более чем хорошее или плохое расположение органов тела»).

В то же время противопоставление ума (духа) и сердца, которое можно наблюдать в максимах 43, 102, 103, 108 —

«L'esprit est toujours la dupe du cœur» («Ум всегда на поводу у сердца»).

— схоже с аналогичным противопоставлением, легшим в основу «искусства убеждать» в «Геометрическом уме» Паскаля [\[4, с. 453\]](#).

Amour-propre, себялюбие, (причина, по его мнению, поражения дворянства в борьбе за сохранения старого уклада жизни) стало для автора ответом на вопрос, что движет человеком, что лежит в основе каждого его действия и помысла. Человеком по Ларошфуко движет не бог (см. максимум 169 выше), но физиология, случай и страсти; отдельные пороки и недостатки также анализируются как неизбежное следствие общих закономерностей человеческого поведения, свойственных всей человеческой расе. Таким образом, «Максимы» можно считать философским трудом, отражающим политические и философские взгляды своей эпохи.

Рациональный подход к созданию сборника также, по нашему мнению, повлиял на стиль автора и привел к несколько четкому и последовательному (пускай, парадоксально, и нелинейному из-за особенностей жанра) изложению идей автором, что это позволило Ю. С. Мартемьянову «связным образом» осмыслить и описать мир тщеславного человека по Ларошфуко при помощи единого набора исходных допущений (аксиом) и ранее доказанных высказываний (лемм), пользуясь логическими (связки, связывание или согласование переменных) и, в меньшей степени, лингвистическими (тема-рематическое членение, анализ семантики) средствами [\[1, с. 38-41\]](#).

Влияние естественного-научного метода на философские труды эпохи оказало влияние на язык, которым написаны как «Максимы» в частности, так и классические произведения «великого века» в целом: на протяжении XVII в. как литераторы, так и лингвисты формулируют требования к четкости, лаконичности, ясности и универсальности формы и содержания классических произведений.

В 1660 г., за пять лет до первого официального издания «Максим» в 1665 г., на смену устаревшим описательным грамматикам XVI в. приходит «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля» Антуана Арно и Клода Лансло — фундаментальная универсальная рациональная грамматика, содержащая в себе элементы философии языка, а также формулирующая и закрепляющая нормы «приемлемого» французского языка. По словам автором, основой грамматики является «путь поиска разумных объяснений многих явлений, либо общих для всех языков, либо присущих лишь некоторым из них» (предисловие Арно, перевод Бокардовой Н. Ю.). В 1630 г. Жан Шаплен, советник кардинале Ришелье, публикует «Lettre sur l'art dramatique», письмо-трактат о драматическом искусстве, в котором вслед за аббатом Д'Обиньяк и Юлием Скалигером защищает правило трех единств; в 1674 г. правила классического театра, как и в целом правила хорошей, правильной литературы, увековечены в поэме-трактате Бауло «Поэтическое искусство», предписывающем писателям и драматургам «писать отточенно, изящно, вдохновенно» (перевод Э. Л. Линецкой). Стремление писателей и теоретиков к рациональному использованию языка ведет к требованию технического совершенства [\[14, с. 66\]](#): «решения <писателя> лишены предрациональной или антирациональной интуиции» [\[15, с. 156\]](#), пишет Гойе про требования, выдвигаемые Бауло.

Исследователи отмечают, что творчество Ларошфуко, близкого к янсенистским кругам Пор-Рояля, преимущественно соответствует требованиям, предъявляемым к классической литературе в целом [\[24, с. 281\]](#). «Максимы» как образцовые представитель своего жанра выражают общие истины (генетический анализ сборника свидетельствует о стремлении к типизации описываемых ситуаций: так, в максиме 261 «образование, которое получают принцы» первого издания впоследствии заменено на «образование, которое получают молодые люди», и т.п.), лаконичны, не содержат просторечий, имеют строгую и рациональную композицию, которую просто анализировать и сравнивать со сформулированными грамматикой Пор-Рояля нормами благодаря краткости изречений сборника.

Теоретики XVII в. основывают свои теории «ordo naturalis», естественного порядка, на логических пресуппозициях [\[6, с. 157-164\]](#) (предикат должен использоваться с логичным субъектом, что определяет правила согласования ассоциируемых с ними подлежащего и сказуемого, и т.д.). Отсутствие во французском языке падежей делает следование жестким правилам необходимым не только для управления синтаксисом, но и направления мысли, интерпретации реципиента. «Максимы» в подавляющей большинстве

соответствуют всем синтаксическим правилам, что было статистически доказано Жан-Морисом Мартеном и Жаном Молино, которые свели структуру максим Ларошфуко к набору четких схем. Так, они поделили все максимы на 3 семьи (простые, сложные, с параллелизмами), внутри которых происходит деление на типы (сравнения, определения и т.д.) по логико-семантическим признакам, а далее схемы и микротипы по морфо-синтаксическим признакам). Они доказали правильность и логичность языка сборника, разобрав сложные и длинные максимы на более простые схемы, в обилии использующиеся в более коротких изречениях. Так, например, максиму 68 можно разобрать на ряд сегментов, каждый из которых в других изречениях является основой полноценной максимы: простое определение с использованием схемы с безличным глаголом («Il est difficile de définir l'amour», «Сложно дать определение любви»), ряд определений («dans les esprits c'est une sympathie», «dans le corps c'<...>est une envie <...> de posséder», «В уме это симпатия, в теле это желание обладать»), и т.д. Подобный анализ демонстрирует синтаксическую ясность и «стилистическую simplicitas», простоту [\[10, с. 212\]](#), столь ценимую в классической литературе. Как того и требуют Арно и Лансло, «все части речи просто выражены <...>, ни одно слово ни является лишнем, ни недостаточным» [\[6, с. 160\]](#).

Катрин Костентен, продолжая синтаксический анализ «Максим» в диахронии, также демонстрирует, что «естественный» порядок слов соблюдается у Ларошфуко как и в максимах, которые в различных изданиях не менялись —

«Peu de gens connaissent la mort» («Мало кто знает смерть». Начало максимы 23 со структурой подлежащее – сказуемое – прямое дополнение).

— так и в результате упрощения максим с целью увеличения их синтаксической ясности в ходе редактирования сборника, как, например, в максиме 218 в манускрипте Гилбера, а потом втором издании 1666 г.:

«L'hypocrisie est un hommage que le vicese croit forcé de rendre à la vertu» («Лицемерие – дань, которую порок считает себя обязанным платить добродетели»).

«L'hypocrisie est un hommage que le vice rend à la vertu» («Лицемерие – дань, которую порок платит добродетели»).

При этом стоит добавить, что подобные трансформации мотивируются не одним лишь синтаксисом: новая версия просодически и ритмически симметрична. Ларошфуко, будучи писателем, а не грамматиком, стремиться сопровождать требуемую синтаксическую чистоту стилистическими фигурами, созвучиями, парадоксами. Вслед за 218й максимой также и максимы 19, 38, 40, 248, 385 между изданиями становятся более ритмичными. Тем не менее, существуют и контрпримеры, как, например, максима 86:

«Notre défiance justifie (8) // la tromperie (4) // d'autrui (2)».

«Notre défiance justifie la tromperie des autres» (в обоих случаях: «Наше недоверие оправдывает чужой обман»).

Катрин Костентен теоретизирует, что это сделано, с одной стороны, из сознательного стремления к семантической унификации, а с другой из-за желания разнообразить ритм максим, чтобы удерживать внимание читателя и сыграть на его эстетических ожиданиях [\[10, с. 221\]](#).

Разбор подобных примеров указывает на существование точки зрения, отрицающей

решающее влияние требований к классической литературе на творчество Ларошфуко. М. В. Разумовская отмечает, что моралистические опыты в меньшей степени регулируются жесткими нормами по сравнению с более «монументальными» жанрами вроде трагедии [2, с. 16]. Луи Ван Дельфт соглашается, что максимы «развились эмпирическим путем, без надзора догм» [11, с. 288]. Эрик Турет и вовсе утверждает, что под классической формой максимы можно разглядеть «динамизм глаголов, эластичность измерений референтов, или неустойчивость самого их существования, одержимость движением постоянно изменяющегося мира» [24, с. 35] — все признаки влияния барокко.

Против зависимости творчества Ларошфуко от прескриптивной грамматики высказывается Клер Бадью-Монферран: вслед за Пьерром ле Гоффик она высказывает теорию об «*enargeia*», непосредственной убедительности и насыщенности стилистической фактуры «Максим» в обход грамматических требований классицистических теоретиков [7] (так, она считает, что фигуры могут быть естественным продолжением и выражением мыслей и идей автора, а не обязательно результатом долгого рационального осмысления и совершенствования текста). Отстаивая право Ларошфуко на эстетическую и стилистическую независимость и свободу, она ставит под сомнение роль требований грамматики и логики Пор-Рояля в его творческом процессе и защищает его от упреков в подражании и имитации сформулированной теоретиками модели.

На уровне содержания сборника Эрик Тюрка прямо противопоставляет янсенистскую традицию поучать и направлять более сдержанному описательному подходу Ларошфуко, констатируя вслед за Лоранс Плазене малую пропорций глаголов *devoir* и *falloir* в сборнике: «в противоположность великой традиции янсенистских моралистов, которые, вслед за Паскалем, пытаются преподать урок своим читателям [...], Ларошфуко довольствуется простым описанием находящегося в упадке человечества, не претендуя, впрочем, на исправление их недостатков» [25, с. 2].

Подводя итоги, лексический и стилистический анализ «Максим» Ларошфуко, а также критическое рассмотрение мнений за и против идеи оригинальности творчества Ларошфуко свидетельствует об одном: хотя произведения герцога и вошли в канон классической литературы, неоспорим и тот факт, что они вдохновлены не одними лишь нормативными трудами эпохи. На Ларошфуко оказали большое влияние исторический контекст эпохи, убеждения и привычки французской светской элиты, литературная традиция предыдущей эпохи и философские труды современников, сложный синтез которых привел к оформлению уникального и специфического видения мира, в отдельных аспектах (пессимизм Ларошфуко, уход от религиозных догм) не совпадающего с распространенным мировоззрением эпохи. Благодаря этому смысловое и языковое богатство, заключенное в четких и лаконичных максимах, продолжает привлекать внимание исследователей различных дисциплин и по сей день.

Библиография

1. Мартемьянов Ю. С., Дорофеев Г. В. Опыт терминологизации общелитературной лексики (О мире тщеславия по Ф. де Ларошфуко) // М.: Вопросы кибернетики, 1983. С. 38–103.
2. Разумовская М. В. Ф. де Ларошфуко, автор «Максим»: автореф. дис. ... канд. фил. наук / Л., 1964. 16 с.
3. Разумовская М. В. Ларошфуко, автор «Максим»: дис. ... канд. фил. наук / Л., 1971. 134 с.
4. Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура, М.: Республика, 1994. 495 с.

5. Alain M. La Rochefoucauld : le duc rebelle. Versailles: Le Croît Vif, 2007. 375 p.
6. Arnauld A., Lancelot C. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Genève: Slatkine Reprints, 1968. 408 p.
7. Badiou-Monferran C. Syntaxe d'expressivité et ordre des mots dans les Maximes de La Rochefoucauld // Faits de langue et sens des textes. Paris: SEDES, 1998. P. 131-152.
8. Baker S. R. Collaboration et originalité chez La Rochefoucauld. Gainesville: Florida University Press, 1980. 135 p.
9. Chariatte I. La Rochefoucauld et la culture mondaine. Paris: Classiques Garnier, 2011. 322 p.
10. Costentin C. L'ordre des mots dans la genèse des Maximes de La Rochefoucauld. Y a-t-il une téléologie possible des variations du corpus ? // L'Ordre des mots à la lecture des textes. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2019. P. 209-223. doi: 10.4000/books.pul.2430
11. Delft van L. Le Moraliste Classique — Essai de définition et de typologie. Suisse: Librairie Droz S. A., 1982. 405 p.
12. Descartes R. Discours de la méthode. Paris: Librairie Ch. Poussielgue, 1896. 153 p.
13. Ehrhard L. Sources historiques des «Maximes» de La Rochefoucauld. Strasbourg, 1891. 74 p.
14. Gardes-Tamine J. La stylistique. Paris: Armand Colin, 1992. 191 p.
15. Goyet F. Raison et sublime chez Boileau. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2007. P. 139-160.
16. Grubbs H. La genèse des «Maximes» de La Rochefoucauld // Revue d'Histoire littéraire de la France, 1933. N 1 (40). P. 17-37.
17. Lafuma L. Post-scriptum au Discours sur les passions de l'amour // Revue des sciences humaines, 1953. P. 275-278.
18. La Rochefoucauld F. de. Réflexions ou sentences et maximes morales. Ed. Laurence Plazenet. Paris: Champion, 2005. 999 p.
19. Liebich C. R. La Rochefoucauld, Mme. de Sablé et Jacques Esprit. Les Maximes : de l'inspiration commune à la création personnelle. Montréal, 1982.
20. Magne É. Madame de la Suze. Michigan: University of Michigan Library, 1908. 352 p.
21. Mildred G.-S. Le mérite chez La Rochefoucauld ou l'héroïsme de l'honnêteté // Revue d'histoire littéraire de la France, 102, 2002. P. 799-811. doi: <https://doi.org/10.3917/rhlf.025.0799>
22. Montandon A. Les Formes. Paris: Hachette, 1992. 176 p.
23. Souvré Madeleine de, Sablé M. de S. Maximes De l'amitié. Editions du Livre unique, 2009. 42 p.
24. Tourrette É. La métamorphose dans les Maximes de La Rochefoucauld // XVIIe siècle : bulletin de la Société d'étude du XVIIe siècle, 2015. P. 281-306. doi: <https://doi.org/10.3917/dss.152.0281>
25. Turcat E. Les ambivalences du silence : Les Maximes de La Rochefoucauld par quatre chemins. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2012. 272 p.
26. Vignes J. Le dictionnaire du littéraire. Paris: Presses Universitaires de France, 2002. 848 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Максимы» Ларошфуко в литературном и языковом контексте эпохи», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной ввиду того, что в нем рассматриваются афоризмы знаменитого философа 17 века. Вопрос оригинальности данного произведения, а также его места в литературной традиции эпохи, остается, тем не менее, открытым, что объясняет не угасающий по сей день интерес к творчеству писателя.

Как отмечает автор, многие исследователи сосредотачиваются на анализе отдельных элементов сборника или ищут источники, повлиявшие на содержание сборника, традиционно обращаются к истории жанра и историческому контексту. Одним из пробелов в научном знании является исследование языкового оформления «Максим» и их соотношение со сложившимися в XVII веке требованиями к языковому оформлению классицистических произведений.

Исходя из этого, задачей настоящей статьи является попытка синтеза существующих точек зрения на оригинальность «Максим» в литературном и языковом контексте эпохи путем лексического и стилистического анализа творчества Ларошфуко в целом и «Максим» в частности и их соотношения с традициями эпохи и требованиями к форме и содержанию, предъявляемыми к классицистическим произведениям.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, а также исследовательскую с приведением эмпирической базы.

В статье автор уделяет внимание теоретической стороне вопроса, приводя мнения различных отечественных лингвистов и зарубежных исследователей. Отметим, что автор обоснованно подошел к теоретической базе исследования и представил убедительные данные.

Все теоретические постулаты подтверждены языковыми примерами на французском языке с авторским переводом. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Однако требует уточнения объем корпуса который подвергся изучению автором, дата публикации, был ли это оригинальный текст 17 века или его адаптация к современным реалиям французского языка?

Библиография статьи насчитывает 26 источников на русском языке и иностранных языках, к которым относятся научные статьи, тезисы докладов на конференциях. Апелляция к иностранным трудам позволяет включить настоящую работу в общемировую научную парадигму. Хотелось бы подчеркнуть качество цитируемой литературы, большую часть списка которой составляют зарубежные работы и работы, датированные конце 20 - началом 21 века.

Выводы обоснованы и отображают проблематику, заявленную в статье.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам – романистам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление от знакомства с работой положительное, статья может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли С. — Мотив ветра в языке произведений М.Ю. Лермонтова // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39675 EDN: CQSFGB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39675

Мотив ветра в языке произведений М.Ю. Лермонтова

Ли Сиянь

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0326-5384>

кандидат филологических наук

соискатель, кафедра русского языка, филологический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, Moscow область, г. Moscow, ул. Ленинские Горы, 1, 1

✉ lixilian527@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39675

EDN:

CQSFGB

Дата направления статьи в редакцию:

27-01-2023

Аннотация: Статья посвящена мотивному анализу художественных произведений. Объектом исследования являются языковые средства, отражающие компоненты мотива ветра, и их выявление в текстах Лермонтова. Предметом исследования служат наиболее значительные произведения Лермонтова 1831–1841-е гг., включающие слова с семантическим компонентом 'ветер'. Научная новизна работы заключается в том, что в ней делается попытка выявить языковые средства реализации мотива ветра в поэтических и прозаических текстах М.Ю. Лермонтова. Целью настоящей работы является определение художественной роли данных слов и выявление их стилистических особенностей. Для достижения поставленной цели в ходе работы применяются метод сплошной выборки, метод классификации, анализа и обобщения. Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что мотивный анализ особенно перспективен при изучении творчества Лермонтова. Мотив ветра выполняет важную символическую функцию в его произведениях: ветер – это не только движение воздуха, но и символ свободы, воли, счастья, жизненных невзгод и душевных переживаний. Результаты работы могут быть использованы в процессе изучения языка русской художественной литературы, в том числе творчества М.Ю. Лермонтова, они также важны для освоения словарного богатства русского языка.

Ключевые слова:

ветер, мотив, образ, семантический компонент, Лермонтов, язык художественной литературы, поэзия, проза, олицетворение, метафора

Ветер является одним из важнейших природных образов в русской литературе, художественные функции и символические значения данного образа разнообразны, это особенно ярко проявляется в произведениях Михаила Юрьевича Лермонтова (1814-1841).

Как предмет исследования *ветер* рассматривался в лингвистике, например, в статье Н.А. Сегал и А.Я. Мартынюк «Концепт ВЕТЕР в русскоязычных медиатекстах», которая посвящена выявлению особенностей образа ветра в русской лингвокультуре и медиатекстах. Авторы подчеркивают, что «образ ветра представляет собой фрагмент языковой картины мира, важный для понимания и осмысления особенностей концептуализации реальной действительности» [\[1, с. 51-57\]](#). Отмечается, что «в массмедийных текстах концепт *ветер*, представленный лексемами *ветер*, *безветрие*, *буря*, *тайфун*, *торнадо* имеет резко негативную коннотацию, что не всегда соотносится с денотативным значением рассматриваемых лексем и не в полной мере совпадает с их лингвокультурологическим пониманием» [\[1, с. 51-57\]](#).

Ветер в русской поэзии рассматривается в книге Михаила Эпштейна «Природа, мир, тайник вселенной...». Например, в поэзии Некрасова «ветер, не мягкий, ласковый ветерок идеального пейзажа, но и не свирепый вихрь бурного пейзажа, а заунывный ветер на голым поле: *«грустно ветер воет»*, *«заунывный ветер гонит»*, *«в уши ветер дул сердито»*, *«ветер что-то насмешливо пел»*, *«ветер осенний ... жалобно стонет»*, *«ветер свищет в лугах»*. [\[2, с. 154\]](#). Автор отмечает, что «ветер наиболее прямо передает чувство, вызываемое природой, ибо это – ее душа и дыхание, потому-то он сопровождается эпитетами, относящимися к состоянию души: *сердитый*, *грустный*, *заунывный*, *жалобный* и *насмешливый»* [\[2, с. 154\]](#).

Исследователи обращают внимание на то, что в поэзии XVIII-XIX веков преобладают тропы, включающие те слова, которые обозначают ветер значительной силы (*вихрь*, *буря*). В XVIII веке с ними сравниваются катаклизмы социального характера, такие как война, мятеж – *военные бури*, в XIX веке – это в первую очередь личные переживания, в связи с чем возникают устойчивые образы: *житейские (земные) бури*, *вихрь страстей*. «К числу формульных в данный период относятся сравнения коня (либо героя на коне) с вихрем. Для лирики XIX века характерно сопоставление танца (преимущественно вальса) с единицами денотативного класса <ветер> (чаще всего с вихрем): *вихрь танца*, *буря вальса*, *вихорь вальса* и т.п.» [\[3\]](#).

Согласно определению Л.М. Щемеловой, «мотив – устойчивый смысловой элемент литературного текста, повторяющийся в пределах ряда фольклорных (где мотив означает минимальную единицу сюжетосложения) и литературно-художественных произведений» [\[4, с. 290\]](#). Автор уточняет понятие термина в отношении творчества Лермонтова: «В работах о Лермонтове термин «мотив» употребляется расширительно, во-первых, для обозначения группы стихотворений, связанных тематическим единством, – «провиденциальные мотивы», «тюремные мотивы» – и, во-вторых, для характеристики целого ряда разновременных произведений, имеющих открытый политический или

социально-публицистический характер: гражданские мотивы, политические мотивы <...> В этом аспекте проблематика лермонтовской поэзии проанализирована в статьях, посвященных мотивам свободы и воли, действия и подвига, изгнанничества и других, а также в наиболее приближающейся к понятию мотива теме родины» [4, с. 291].

Ветер представляется одним из важнейших мотивов в произведениях Лермонтова. Чтобы исследовать этот мотив, необходимо сначала рассмотреть толкование ядерной лексемы *ветер*. Прямое значение слова *ветер* приводится в Малом академическом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой: «движение потока воздуха в горизонтальном направлении» [5]. В этимологическом словаре Н.М. Шанского определяется, что *ветер* – общеславянское слово, индоевропейского характера, которое образовано при помощи суффикса *тръ* (ср. греч. *iatros* «врач» с тем же суф. *-tr -*) от той же основы, что и *веять*. Первоначально оно было названием бога ветров [6]. В толковом словаре [5] представлены следующие существительные, семантически связанные с ветром: *ветер, ветр, ветерок, буря, метель, вьюга, ураган, зефир, аквилон, вихрь, вихорь, дуновенье и порыв*.

Как показывает Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка [7], в стихотворениях и поэмах Лермонтова имена существительные с семантическим компонентом 'ветер' имеют высокую частотность употребления (272): *ветер* (79) в 45-ти, *ветр* (11) в 9-ти, *ветерок* (24) в 15-ти, *буря* (81) в 51-м, *метель* (8) в 8-ми, *вьюга* (10) в 8-ми, *ураган* (4) в 3-х, *зефир* (2) в 2-х, *аквилон* (3) в 2-х, *вихрь* (22) в 17-ти, *вихорь* (5) в 5-ти, *дуновенье* (4) в 4-х, *порыв* (19) в 17-ти произведениях.

Ветер у Лермонтова часто связывается со свободой и одиночеством. В стихотворении «Люблю я цепи синих гор...» (1832) [8] можно встретить сравнение одинокого поэта с туманной луной, голубой долиной и ветром:

Однажды при такой луне

Я мчался на лихом коне,

В пространстве голубых долин,

*Как **ветер, волен и один**.*

Мотив одиночества подчеркивается определениями *одинокой, сирая*, а *буря* приравнивается к несчастью в стихотворении «Желтый лист о стебель бьется...» (1831) [8]: сердце трепещет перед несчастьем, как листок перед бурей. Судьба листка, унесенного ветром далеко-далеко, никого не волнует, так же как и судьба молодца, оказавшегося в чужом краю:

Желтый лист о стебель бьется

*Перед **бурей**:*

***Сердце** бедное трепещет*

*Пред **несчастьем**.*

<...>

*Что за важность, если **ветер***

*Мой **листок одинокой***

Унесет далеко, далеко;

Пожалеет ли об нем

*Ветка **сирая**.*

Духовное одиночество поэта часто связано с образом ветра. В стихотворении «Унылый колокола звон...» (1831) [\[8\]](#) ветер олицетворяется с одиноким путником:

*И если **ветер, путник одинокой,***

Вдруг по траве кладбища пробежит

Самый любимый образ у Лермонтова – конь, прежде всего, потому, что он связан с мотивом свободы. Рядом со словом *конь* часто появляется слово *степь*. В стихотворении «Узник» (1837) свобода – это неосуществимая мечта [\[8\]](#). Стихотворение начинается оптимистично. Лирический герой представляет себя свободным, как ветер:

Я красавицу младую

Прежде сладко поцелую,

На коня потом вскочу,

*В **степь, как ветер, улечу**.*

Лексема *ветер* употребляется в двух строфах и является символом свободы, но во второй строфе эта свобода есть только у коня, а лирический герой находится в неволе:

*Добрый **конь** в зеленом **поле***

Без узды, один, по воле

Скачет, весел и игрив,

***Хвост по ветру** распустил...*

<...>

*Одинок **я – нет отрады:***

Стены голые кругом

Во многих произведениях Лермонтова звучит мотив судьбы. Одной из типичных метафор является словосочетание *бури рока*, например:

И тьмой и холодом объята

Душа устала моя;

Как ранний плод, лишенный сока,

*Она увяла в **бурях рока***

Под знойным солнцем бытия .

«Гляжу на будущность с боязнью...» (1838) [\[10\]](#)

Как южный плод, лишенный сока,

*Оно увяло в **бурях рока***

Под знойным солнцем бытия .

«Мое грядущее в тумане...» (1836-1837) [\[8\]](#)

Связь между бурей и роком есть и в словосочетании *бури роковые* , характерном для романтической поэзии:

*Он любит **бури ровокие***

И пенц рек и шум дубров .

«Мой демон» (1830-1831) [\[8\]](#)

*Когда, гонима **бурей роковой,***

Шипит и мчится с пеною своей,

Она все помнит тот залив родной

«1831-го июня 11 дня» (1831) [\[8\]](#)

В поэзии Лермонтова *ветер* становится источником многих звуков, например, в стихотворении «Тростник» (1832) *ветер* наделен голосом [\[8\]](#):

И будто оживленный,

Тростник заговорил –

*То **голос человека***

*И **голос ветра** был .*

В стихотворении «Листок» (1841) *ветер шепчется* с чинарой у Черного моря [\[8\]](#):

У Черного моря чинара стоит молодая;

*С ней **шепчется ветер**, зеленые ветви лаская;*

Заметим, что звуковые образы играют большую роль в создании образа ветра. Лексемы, реализующие мотив ветра в стихотворениях Лермонтова, часто сочетаются с глаголами, прилагательными и существительными звучания. Например, *ветер воет, свищет, шумит, ветер с воем стучит, слышала шум ветра, ветер шумный, гул с ветром* и т.д. Похожие словосочетания есть и со словами *буря, вьюга* и *метель* : *бури вой мятежный, свирепой бури слышен вой, буря свищет, ревет, шумит, вой громких бурь, бури шумные, метель шумит, свист, поет и вьюга ревет*. Приведем несколько отрывков:

*И **воет ветер** будто зверь.*

Дай кучу злата мне теперь,

С конюшни лучшего коня

«Во время оно жил да был...» (1835-1836) [\[8\]](#)

*Колеблет **ветер** влажный, душный*

Верхи дерев, и с воем он

Стучит в оконницы...

<...>

*<Шуми>, шуми же, **ветер** ночи,*

Играй свободно в небесах ...

«Ночь» (1830-1831) [\[8\]](#)

***Метель шумит** и снег валит,*

Но сквозь шум ветра дальний звон

«Метель шумит и снег валит...» (1831) [\[8\]](#)

Кроме того, в поэтических текстах Лермонтова ветер часто олицетворяется. Такой образ ветра мы встречаем в поэме «Боярин Орша» (1835-1836) [\[8\]](#):

Возвел он их не терем тот,

Где прежде жил он без забот,

*Где нынче **ветер** лишь **живет**...*

В стихотворениях Лермонтова ветер может олицетворяться в образе печального человека, автор одушевляет силы природы, пейзаж словно оживает в поэме «Аул Бастунджи» (1832-1833) [\[8\]](#):

И ждет Селим – сидит он час и два,

*Гуляя в поле, **горный ветер плачет** ,*

И под окном колышется трава.

П.А. Лекант отмечает, что «Лермонтов отдал должное поэтике моря , как символу свободы, воли, простора <...> спокойные, идиллические картины сменяются бурными, мятежными: *Играют **волны**, **ветер свищет**...* («Парус» 1832); является мотив бури , рядом с символом моря встает океан : *Что без страданий жизнь поэта? И что без **бури океан**?* («Я жить хочу...» 1832)» [\[9, с. 200-201\]](#). В стихотворении «Парус» (1832) [\[8\]](#) можно одновременно встретить слова ветер и буря . Парус – символ жизни самого поэта, а его внутренние тревоги передаются через образы волн, бури и ветра:

*Играют волны – **ветер свищет**,*

И мачта гнется и скрипит ...

<...>

*А он, мятежный, просит **бури**,*

*Как будто в **бурях** есть покой!*

Тоска лирического героя по Родине особенно ярко выражается в стихотворении «На

темной скале над шумящим Днепром...» (1830-1831) ^[8], в котором ветер обретает облик врага, что вызывает беспокойство у лирического героя:

*Деревцо мое **ветер** ни ночью, ни днем*

Не может оставить в покое ;

*И, **лист обрывая**, ломает и гнет,*

Но с берега в волны никак не сорвет

Во многих стихотворениях слова, реализующие мотив ветра, употребляются в переносных значениях, передающих внутреннее состояние поэта. Например, с описанием души героя в поэме «Измаил-бей» (1832) ^[8] связано слово *буря*, которое употребляется в переносном значении – «сильное душевное волнение» (МАС) ^[5]:

*Он обладал **пылающей душою**,*

*И **бури** юга отразились в ней*

Со всей своей ужасной красотой!

Мотивы душевного непокоя, страстной жажды перемен, движения, новых впечатлений проходят через все творчество Лермонтова. Антитеза мятежа и покоя, свободы и неволи определяет смысл многих его произведений. Мятеж, покой и свобода связаны у Лермонтова-романтика с природой. Антитеза *бури земные* и *бури небесные* отождествляет страсти человеческие и природные стихии:

Как он, ищу забвенья и свободы,

Как он, в ребячестве пылал уж я душой,

Любил закат в горах, пенящиеся воды,

*И **бурь земных** и **бурь небесных вой** .*

«Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...» (1830) ^[8]

Метафора *буря страстей* звучит в стихотворении «Из альбома С.Н. Карамзиной» (1841) ^[8]:

Люблю и я в былые годы,

В невинности души моей,

*И **бури шумные природы**,*

*И **бури тайные страстей** .*

Море, горы, небо – типичные образы романтического пейзажа в произведениях Лермонтова, в этих описаниях лексемы с семантическим компонентом 'ветер' передают чувства лирического героя и особенности его внутреннего мира. Лермонтов испытывал особую любовь к Кавказу, эта его страсть выражается через метафору бури в поэме «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» (1832) ^[8]:

*Как я **любил** твои **бури**, **Кавказ**!*

*те **пустынные громкие бури,***

*Которым пещеры как **стражи** ночей отвечают!..*

То же значение, что *ветер*, имеет слово *ветр*, которое в современных толковых словарях определяется как устаревшее, книжное и поэтическое. Обращает на себя внимание то, что у Лермонтова чаще всего употребление лексемы *ветр* связано с образом луны, заката, ночи или угасающего дня. Приведем ряд примеров:

*Казался **ветр**, и день был на **закате**,*

Накинув шаль или капот на вате

«Сашка: Нравственная поэма» (1839) [\[8\]](#)

*Скользит по ним **прохладный ветр ночной**,*

Когда сквозь тонкий занавес окна

*Глядит **луна** – нескромная **луна!***

«Литвинка» (1832) [\[8\]](#)

***Луна** как в дыме без лучей плыла*

*Между сырых туманов; **ветр ночной***

«Джюлио» (1830) [\[8\]](#)

Уменьшительно-ласкательная форма *ветерок* также часто употребляется в стихотворениях Лермонтова. Например, в поэме «Мцыри» (1839) [\[8\]](#) *ветерок* встречается три раза в значении «легкий, слабый ветер» (МАС) [\[5\]](#).

И вот, в туманной вышине

Запели птички, и восток

*Озолотился; **ветерок***

<...>

Я сел и вслушиваться стал;

*Но смолк он вместе с **ветерком**.*

<...>

Быть может, он с своих высот

Привет прощальный мне пришлет,

*Пришлет с прохладным **ветерком**...*

Слово *метель* в поэмах Лермонтова часто связано с ощущением вечного зла, уныния. Рядом со словом *метель* неслучайно встречаются прилагательные *вечный*, *грозный*, *унылый*: *бушует **вечная метель*** («Вид гор из степей Козлова», 1838); *в лесу холодном в **грозный** час **метели*** («Отрывок», 1831); *И заставлял их вздрагивать порой **унылый** свист играющей **метели*** («Сашка», 1839). Слово *вьюга* обычно сопровождается

глаголами *шуметь, реветь, петь и бушевать* :

На вышине гранитных скал,

*Где только **вьюги** слышно **пенье***

«Демон: Восточная повесть» (1841) [\[8\]](#)

***Поет** на ветке дикой и сухой,*

*Когда вокруг **шумит, бушует вьюга***

«Аул Бастунджи» (1832-1833) [\[8\]](#)

Для слова *ветер* в поэзии Лермонтова характерны словосочетания с разными прилагательными. Наряду с общеязыковыми, устойчивыми, такими как *буйный ветер, южный ветер, полевой ветер, горный ветер, холодный ветер, сырой ветер, влажный, душный ветер*, встречаются авторские словосочетания: *пробужденный ветер, разнесенный ветер и шумный ветер*.

Мотив ветра в прозаических произведениях Лермонтова имеет большое значение для описания психологии героев в соотношении с природой. В романе «Герой нашего времени» было отмечено 5 слов с семантическим компонентом 'ветер': *ветер* – 22 словоупотребления, *буря* – 12, *метель* – 3, *вихрь* – 2 и *порыв* – 3.

Ветер в романе Лермонтова выступает как преддверие событий, о которых мы еще не знаем. Например, проезжий офицер еще не увидел героя, и ничего еще не происходит, просто он слушает рассказ Максима Максимыча о Печорине:

*... В дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут – а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, **ветер** пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один [\[10, с. 14\]](#).*

Здесь отмечается, что Печорин производит на Максима Максимыча противоречивое впечатление: его выносливость к холоду, усталости, но боязнь простуды, непредсказуемость настроения, поведения.

Рассказ «Максим Максимыч», примыкает к повести «Бэла», он важен для постепенного раскрытия характера героя. Офицер-повествователь, единственный раз встретившись с Печориным, рисует его портрет и видит отражение внутренних противоречий героя в его внешности:

*...Крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни **бурями** душевными ; [\[10, с. 56\]](#).*

Лексема *буря* в характеристике героя имеет переносное значение, связанное с его внутренним духовным миром, его психическим состоянием. Сильные эмоции, переживания не способны сломить Печорина. Рассказчику с первого взгляда становится понятно, что Печорин – сильный человек, как физически, так и душевно.

Повесть «Тамань» ведется от первого лица, в этой части *ветер* связан с типично романтическим морским пейзажем: *На стене ни одного образа – дурной знак! В разбитое стекло врывался **морской ветер*** [\[10, с. 66\]](#). *Морской ветер* – символ свободы,

независимости. *Ветер* олицетворяется, помогает Печорину услышать разговор слепого с девушкой на морском берегу: *Она подошла к слепому и села возле него. **Ветер** по временам приносил мне их разговор* [10, с. 67]. Ветер также ассоциируется со счастьем – с попутным ветром приплывает любимый: *Скажи-ка мне, красавица, - спросил я, - что ты делала сегодня на кровле? - А смотрела, откуда ветер дует. - Зачем тебе? - Откуда ветер, оттуда и счастье.* [10, с. 73].

Повесть «Княжна Мери» из второй части романа написана в форме дневника Печорина, она начинается с его прибытия в Пятигорск на лечебные воды, где он знакомится с княгиней Лиговской и ее дочерью Мери. Печорин удивляет читателя восторженным описанием красоты природы, вида из окна, лепестков цветущих черешен: *Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками* [10, с. 79].

Запись сделана в день приезда в Пятигорск 11 мая, и здесь ветер как бы аккомпанирует его душевому состоянию, создает одну из деталей природной красоты – белые лепестки на столе героя. Описание природы в этой записи используется как средство раскрытия его состояния. Печорин еще не столкнулся ни с одним представителем «водяного общества», его мысли чисты. В дневнике есть еще одна запись, которая доказывает способность героя любоваться природой, тонко чувствовать ее красоту:

Я не помню утра более голубого и свежего! Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние первой теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление... густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождем [10, с. 156].

Это описание раннего утра перед дуэлью, передавая чувства героя, одновременно символизирует характер Печорина. Он допускает возможность собственной смерти и больше, чем когда-либо, любит жизнь и природу: *слияние теплоты наводило сладкое томление, ветер в его восприятии мира дышит и создает серебряный дождь*. Здесь дыхание – авторский синоним слова дуновение.

Лермонтов неоднократно подчеркивает любовь Печорина к природе, его глубинную, неразрывную связь с ней: *Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее* [10, с. 103]. Ветер для Печорина может быть важным условием для любимого времяпрепровождения.

В повести «Княжна Мери» дважды встречается словосочетание *горный ветер* вместе с глаголом *освежить* в описании возвращения Печорина в Кисловодск после погони и пробуждения после *тяжелого сна усталости* :

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно [10, с. 169].

Я сел у отворенного окна, расстегнул архалук, – и горный ветер освежил грудь мою, еще не успокоенную тяжелым сном усталости [10, с. 169].

Лексема *ветер* в этих записках важна для понимания характера героя: ветер не только освежает голову, грудь, приводя в порядок мысли и тело, но и возвращает Печорина к

действительности, заставляет подумать о своих дальнейших действиях.

В повести «Княжна Мери» четыре раза встречается лексема *буря*, она употреблена в прямом и переносном значении. Если в прямом значении слово *буря* означает «ненастье с сильным разрушительным ветром» [5] и имеет негативный смысл, то в этой записи, сделанной Печориным после встречи с Верой, бури – *благотворные*, приносящие добро, очищающие его душу. Печорин будто надеется, что судьба, быть может, дарит ему вторую молодость, и тогда вернется неподдельный интерес к жизни, желание дарить радость, любовь: *О, как я обрадовался этому чувству! Уж не молодость ли с своими благотворными бурями хочет вернуться ко мне опять...?* [10, с. 103].

В последней записи о событиях в Пятигорске и Кисловодске, анализируя прошедшее, Печорин приходит к выводу: *Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце ...* [10, с. 173].

Здесь слова *бури* и *битва* являются контекстными синонимами: не только погодные бури и битвы с врагами, но и жизненные невзгоды, которые надо преодолевать, сильные эмоции – это все необходимо Печорину, чтобы не скучать, не чувствовать себя бесполезным. И парус, как и в одноименном стихотворении Лермонтова, – это символ той жизни, к которой стремится Печорин, – жизни, полной бурь и тревог.

Таким образом, все отмеченные лексемы, связанные с семантическим компонентом 'ветер', можно соотнести с характерными лермонтовскими мотивами, такими как одиночество, свобода, судьба, звук, смерть, горы, море, конь и другие.

Мотив ветра в романе «Герой нашего времени» важен для передачи чувств и описания внутреннего состояния героев в соотношении с природой. Ветер нередко предваряет будущие события, усиливает выразительность и ритм повествования. Для героя ветер является символом свободы, воли, счастья и жизненных невзгод, душевных переживаний. Эти образы выполняют важную роль для понимания характера Печорина.

Настоящее исследование имеет большое практическое значение, его результаты могут быть использованы в процессе изучения языка русской художественной литературы, в том числе творчества М.Ю. Лермонтова, они также важны для освоения словарного богатства русского языка.

Библиография

1. Сегал Н.А. Концепт ветер в русскоязычных медиатекстах / Н.А. Сегал, А.Я. Мартынюк // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 51-57.
2. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.
3. Осколкова Н.В. Особенности структуры эстетического поля денотативного класса «ветер» (на материале русской поэзии XVIII-XX вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Северодвинск, 2004. 204 с.
4. Щемелева Л.М. Мотивы // Лермонтовская энциклопедия / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Советская энциклопедия, 1981. 746 с.
5. Малый академический словарь Евгеньевой А.П. (MAC). URL:

- <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (дата обращения: 20.01.2023).
6. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (дата обращения: 20.01.2023).
7. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 20.01.2023).
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. литературы (Пушкин. дом); ред. коллегия: В.А. Мануйлов (отв. ред.), В.Э. Вацуро, Т. П. Голованова, Л.Н. Назарова, И.С. Чистова. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979-1981.
9. Лекант П.А. Метафора и символ в поэтическом языке М.Ю. Лермонтова // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика Креатива. 2014. № 1. С. 198-204.
10. М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. М.: Эксмо, 2022. 320 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Мотив ветра в языке произведений М.Ю. Лермонтова», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду важности одного из значимых авторов в русской литературе 19 века. Автор обращается к одному из природных явлений - ветру, который является распространенным образом в русской литературе, художественные функции и символические значения данного образа разнообразны, это особенно ярко проявляется в произведениях Михаила Юрьевича Лермонтова.

К сожалению, автор не конкретизирует объем текстового корпуса, отобранного для практической части исследования, а также применяемые принципы выборки. Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы собственно литературоведения, так и общенаучные методы анализа. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном литературоведении. Статья является новаторской, одной из первых в российском литературоведении, посвященной исследованию подобной тематики. Автор иллюстрирует классификацию языковыми примерами и статистическими данными. Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонів научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. К недостаткам можно отнести отсутствие четко поставленных задач в вводной части, неясность методологии и хода исследования.

Библиография статьи насчитывает 10 источников, среди которых представлены труды исключительно на русском языке. Отсутствие зарубежных публикаций искусственно ограничивает представленную работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации, а в перечне преимущественно представлены словари. В ряде случаев нарушены требования ГОСТа к оформлению списка литературы, например, не соблюдение принципа расположения источников согласно алфавиту.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории литературы, истории отечественной литературы. Результаты исследования могут быть использованы в процессе изучения языка русской художественной литературы, в том числе творчества М.Ю. Лермонтова, они также важны для освоения словарного богатства русского языка. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Мотив ветра в языке произведений М.Ю. Лермонтова» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ли Х. — Концептуализация природы в китайских и русских фольклорных сказках // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39741 EDN: CПИКТТ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39741

Концептуализация природы в китайских и русских фольклорных сказках

Ли Хуэй

ORCID: 0000-0002-5254-5817

кандидат филологических наук

аспирант, кафедра теории и практики иностранных языков института, Российский университет дружбы народов

117198, Россия, г. Г. Москва, ул. Ул. миклухо-Маклая, 21к3, 1405

✉ hyerilihui@gmail.com

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.2.39741

EDN:

СПИКТТ

Дата направления статьи в редакцию:

06-02-2023

Аннотация: Цель исследования – проанализировать природу как базовый лингвокультурный концепт в китайских и русских фольклорных сказках, выявить общее и различное в ее вербализации и перцепции в фольклорных сказках двух лингвокультур. Объектом исследования являются русские и китайские фольклорные сказки. В качестве предмета выступают сопоставительный анализ лингвистических средств концептуализации природы в русских и китайских сказках. Автор рассматривает описание природы в китайских и русских фольклорных сказках, взаимоотношения героев сказок с природой. Особое внимание уделяется лингвоаксиологическому аспекту природы и выявлению различий в языковой репрезентации природы и отношения к ней в двух лингвокультурах. Научная новизна работы обусловлена отсутствием исследований концепта природы в сравнительном аспекте в китайской и русской лингвокультурах. В результате установлено, что и в китайских и русских фольклорных сказках природа описывается как базовая ценность – источник доброты и гармонии. Автор приходит к выводу, что основные различия в концептуализации природы в китайских и русских фольклорных сказках заключаются в выражении идеи борьбы с природой. Герои китайских сказок противостоят вызовам природы, в то время как русские сказочные персонажи используют природу как источник волшебных сил, с

помощью которых впоследствии добиваются успехов.

Ключевые слова:

лингвокультура, природа, фольклор, лингвокультурный концепт, концептуализация, ценность, китаи, Россия, вербализация, сказка

Введение

Природа – неотъемлемая часть человеческого существования. Это отражено как в китайских, так в русских сказках. Неодушевленным предметам и животным в китайских и русских волшебных сказках часто приписываются человеческие качества: человеческое мышление, эмоции и чувства, речь и другие способности, а также придается антропоморфный внешний вид. **Объектом** исследования являются русские и китайские фольклорные сказки. В качестве **предмета** выступают сопоставительный анализ лингвистических средств концептуализации природы в русских и китайских сказках. **Актуальность** исследования природных факторов, представленных в волшебной сказке, состоит в том, что они не только вербализуют, но и формируют ценности культуры. Понимание сути этого процесса является важнейшей задачей лингвистической аксиологии, в рамках которой выполнена настоящая работа. **Цель** данного исследования состоит в рассмотрении природы как одного из базовых концептов в русских и китайских волшебных сказках, а также выявлении общего и различного в концептуализации природы в фольклорных сказках двух лингвокультур. **Теоретической базой** послужили труды В.Я. Проппа [\[6\]](#), В.М. Жирмунского [\[1\]](#), Д.Н. Медриша [\[2\]](#), Е.М. Мелетинского [\[3\]](#) о фольклорной традиции, структуре и смыслах фольклорных сказок. В данной работе использованы следующие **методы** исследования: метод контекстуального анализа (проанализировано 8 китайских и 7 русских фольклорных сказок) и сравнительно-сопоставительный анализ для установления общего и различного в концептуализации природы в фольклорных сказках двух лингвокультур.

Природа как базовый концепт в китайских и русских фольклорных сказках

Когда мы говорим о сказках, они зачастую представляются нам “детскими рассказами”, то есть для многих – это истории, рассказанные детям, или написанные для чтения детьми. То есть дети рассматриваются как основная целевая аудитория. На самом деле это не так, так как, несмотря на то, что сказки написаны простым языком, они изначально не были связаны с детьми и писались не для детей, а для взрослых и служили им духовной опорой в непростых жизненных ситуациях.

В настоящее время сказки пользуются огромной популярностью среди детей и взрослых. Всемирно известны волшебные сказки Андерсена и Братьев Гримм, которые представляют собой прекрасные образцы художественно обработанных народных сюжетов. Современные дети знакомятся со сказками и усваивают их мораль не столько посредством чтения, сколько через анимационные фильмы и телевизионные сериалы.

Исследователи народного творчества могут лишь приблизительно оценить время создания сказки: лучше всего об этом сказано в самих сказках, а именно: все, что происходило в сказках, происходило «давным-давно». Однако создателями сказок являлись не дети, а взрослые «люди без имени». Сюжеты сказок пересказывались и циркулировали среди странствующих монахов, моряков или женщин, они обрастали

деталями, снова пересказывались и переживались в течение многих лет.

В китайском языке слово “童话 сказка” имеет широкое значение. Данное понятие включает в себя не только сказания, но и легенды и мифы, а также наставительные истории. В книге «Сказки ABC» Чжао Цзиншэнь даёт «отрицательное» определение сказке, т.е. описывает сказку с помощью отрицательных конструкций. Он пишет, что сказки – это не детская речь, сказки – это не романы, сказки – это не мифы [\[13\]](#). Несмотря на некоторую расплывчатость данного определения, в нем указывается на несколько важных характеристик сказки, а именно: сказки – это «примитивная литература, которая имеет ту же организацию, что и романы, а также содержит интересные сюжеты. Романы создаются отдельными людьми, а сказки создаются народами» [\[13, с. 89-97\]](#).

Сказки можно рассматривать как разновидность, некое ответвление мифа. Несомненно, что большинство сказок несут не только назидательную, но и развлекательную функцию, в них отражены мысли и обычаи создавшего их народа. Рассматривая художественные образы и сюжеты сказок, где люди и звери могут менять форму, а дерево и камень могут говорить, Чжоу Зуорен указывал на образовательную функцию сказок для детей. Он отмечал, что реализация этой функции непосредственно связана с эстетикой сказочного искусства [\[12\]](#). Первые исследователи сказок в Китае относили сказки к детской литературе. В работе «История сказок в мире» Вэй Вэй определил место сказок в литературе следующим образом: «Сказки – это замечательные истории, которые существуют в устной и письменной формах, где абсурд и подлинность гармоничны и едины. Они являются одним из литературных стилей, который особенно легко воспринимаются детьми» [\[14, с. 53-58\]](#).

Сюжет народных сказок сложен, увлекателен, но при этом логичен. Сказочные фантазии берут начало в жизни и превосходят реальность. Недостижимые желания людей также отражают культурные и аксиологические особенности различных этнических групп.

В российской науке исследования сказок занимают особое место. Российский историк XVIII века Василий Никитич Татищев писал, что исследование сказок какого-либо народа тесно связано с историей и бытом этого народа. Но только в начале XIX века русские ученые и исследователи заметили, что сказка играет важную роль в выражении “души” русского народа. С тех пор различные характеристики сказок получили детальное освещение в научных исследованиях (см. [\[6; 1; 2; 3; 4; 5; 9; 10\]](#), и др).

В отличие от изучения сказок в российских гуманитарных науках, китайские народные сказки довольно долго не подвергались систематическому изучению, хотя тоже имеют давнюю историю. В 1913 году Чжоу Цзуорен написал в работе «古童话释义» Толкование древних сказок: “中国虽古无童话之名, 然实固有成文之童话 Хотя в древнем Китае были письменные сказки, но люди не знали, что такое сказка, и не было у сказки названия» [\[12, с. 126-130\]](#). Хотя само название фольклорного литературного жанра “сказка” появилось в Китае относительно недавно, сказочные сюжеты содержатся в различных баснях, легендах и мифах, а народные сказки являются яркими примерами народных литературных сюжетов. Китайская сказка несет в себе идеалы и ожидания широкой публики, ее эмоции и ценностные ориентации, а также отражает национальные особенности китайской культуры.

Процессы глобализации привели к тому, что ни одна страна или нация не могут существовать в изоляции друг от друга. Постоянное взаимодействие в политической,

экономической и социальной сферах не могли не оказать существенного воздействия на культурные процессы. По словам М. Салинза, каждая культура – «это система, которая вмещает противоречия и все остальное, перенося вселенную на свою собственную культурную территорию» [\[7, с. 296\]](#).

Особое место в фольклорных сказках Китая и России занимает природа. В отличие от современного нам мира, природа играла определяющую роль в жизни древних людей. О роли природы в развитии русского народа, например, очень точно сказал Г.В. Вернадский: «Все цивилизации являются в некоторой степени результатом географических факторов. Но история не дает более наглядного примера влияния географии на культуру, чем историческое развитие русского народа» [\[8, с. 468\]](#).

Китай и Россия расположены в разных природных и климатических зонах. Эти природные условия определили тип экономики и образ жизни людей, специфику их отношения к природе и тех ценностей, которые отражены в сказочных сюжетах, рассматриваемых лингвокультур.

Китай – древняя цивилизация с тысячелетней историей, имеющая богатое историческое и культурное наследие; китайские фольклорные сказки, сочетающие в себе басни, мифы и устное народное творчество, стали сокровищами китайской культуры, отражающими базовые духовные ценности китайского народа. Особенно ярко мировоззрение китайского народа и жизненные ценности находят выражение в отношениях между человеком и природой.

Китайский мыслитель Чжуан-цзы(庄子) впервые выдвинул идею "единства неба и человека (天人合一)" в периоде Чжаньго (период китайской истории: 476/403–221 гг. до н.э.). Эта концепция находит отражение в фольклорных сказках. Пангу, один из героев китайских фольклорных сказок, прародитель китайской нации, является не только создателем всего сущего в мире, но и повелителем ветра, дождя, грома, солнца, луны и звезд, рек, озер и морей, гор, рек и лесов. Сказки о Пангу показывают стремление древних китайцев к единству неба и человеческого взгляда на природу. Дон Сичжан(董斯张), поэт поздней династии Мин, записал в «广博物志ГуанбоВучжи», что "盘古之君, 龙首蛇身, 嘘为风雨, 吹为雷电, 开目为昼, 闭目为夜. 死后骨节为山林, 体为江海, 毛发为草木. Пангу с головой дракона и телом змеи свистел, вызывая ветер и дождь, дул, вызывая гром и молнию, открывал глаза для дня и закрывал глаза для ночь. После смерти его суставы стали горами и лесами, а его тело находилось в Цзяньхае, а волосы стали растениями". Это проявление благоговения людей перед природой [\[15, с. 66-69\]](#).

Согласно легенде, до того, как родились небеса и земля, Вселенная была темной и хаотичной массой, похожей на большое яйцо. Внутри большого яйца Пангу спал в одиночестве и проспал 18 000 лет. После того, как он внезапно проснулся, он ничего не смог увидеть. Вокруг была крошечная тьма. Пангу поднял топор и ударил им в темноту. В одно мгновение гора рухнула, и земля треснула. Некоторые легкие и прозрачные предметы медленно поднялись и превратились в небо. Другие, тяжелые и хаотичные вещи медленно погружались и превращались в землю. А Пангу стоял между небом и землей, не смея пошевелиться. С тех пор небо каждый день поднималось на один метр, а земля каждый день утолщалась на один метр и, наконец, стала очень твердой. Но из-за чрезмерной усталости Пангу умер. Его дыхание превратилось в ветер и облака; левый глаз превратился в солнце, а правый глаз превратился в луну; руки, ноги и тело превратились в землю и горы; кровь превратилась в реки.

Подобная идея также встречается в народных сказках, таких как «Раскалывание гор,

чтобы спасти Мать» и «Битва при Гунгонг Чжу Жун», что показывает, что в представлении китайских предков человек не был полностью низведен до некоего существа, полностью принадлежащего богу. Весь мир и вещи в нем равны между собой и находятся в гармонии, всё вокруг живет с идеей единства неба и человека.

Здесь можно наблюдать некоторое сходство с русскими народными сказками. В русских народных сказках есть много элементов природы, которые часто имеют антропоморфные формы. Данный факт, на наш взгляд, отражает единство природы и человека. Однако в китайских фольклорных сказках внимание сосредоточено на человеке, а в русских народных сказках именно природа зачастую находится в центре внимания.

Одним из примеров китайской фольклорной сказки, раскрывающей представления о единстве неба и человека и отношении к различным видам живых существ, является сказка о семье Шэнь-нун (神农氏). Шэнь-нун является героическим персонажем в китайской культуре, но люди изображают его как существо с телом зверя и человеческим лицом. Таким образом, в сознании людей для божеств иметь тела животных является достойным восхищения. Люди и животные имеют равный статус, что является признаком уважения к природе и силы. В фольклорных сказках, таких как «Куафу в погоне за солнцем» и «Юй управляет водой», души главных героев превращаются в животных и растения на благо людей. Солнце распространяет свет на мир и порождает все сущее. Древние люди поклонялись богу солнца и считали его высшим богом в стране, и создали большое количество легенд, связанных с солнцем, чтобы выразить свое восхищение и благоговейный трепет. В книге «山海经 Шань Хай Цзин» пишет, что "夸父与日逐走, 入日;渴, 欲得饮, 饮于河、渭;河、渭不足, 北饮大泽。未至, 道渴而死。弃其杖, 化为邓林。 Куафу убежал от солнца; испытывая жажду, он пил в реке Вэй; но вода реки Вэй была недостаточна, он пил в оцепенении на севере. Прежде чем он прибыл, он умер от жажды. Бросьте его посох и превратитесь в Дэн Линя."

Например, в сказке «Юй управляет водой» рассказывается следующее: *Когда великая вода затопила небо, император приказал Юю привести своих подчиненных, чтобы засыпать почву и остановить наводнение. Юй использовал способ отвода, чтобы контролировать воду и успокоить наводнение. После того, как Юй женился, он не откладывал общественные дела из-за семейных дел. Каждый раз он уезжал домой на четыре дня, а затем снова отправлялся останавливать воду. Чтобы справиться с наводнениями, нужно было открыть гору Сюаньюань. Для этого Юй превратился в большого медведя и открыл гору, и, наконец, вода была остановлена.*

沧海横流, 方显英雄本色。黄河一泻千里, 汹涌奔腾, 浪花飞卷, 方显黄河真本性也。(Море текло свободно, демонстрируя его истинные качества героя. Желтая река несется на тысячи миль, бурно несется, и волны летят, что показывает истинную природу Желтой реки.) Это описывает важность воды в природе и выдающийся вклад героя Даю.

Согласно фольклорной сказке Чжуана «Семена и собачьи хвосты» (谷种和狗尾巴), самые первые семена риса, которые человек мог употреблять в пищу, были принесены в человеческий мир из мира небожителей собаками. В древние времена на небе рос рис, но семена риса они не были даны миру, поэтому люди послали девятихвостую собаку на небо, чтобы найти их. Когда девятихвостая собака пришла на небо, она накрыла сушившиеся семена риса девятью хвостами. Однако бог, который присматривал за семенами, увидел это и отрубил восемь собачьих хвостов собаки топором. В конце концов, девятихвостая собака сбежала через небесные врата и принесла в мир людей несколько зерен риса, которые приклеились к последнему хвосту. С тех пор у людей есть рис, но у собак остался только один хвост. Чтобы отплатить собаке за ее услугу, люди

стали держать собак в домах. Поскольку рис – это зерно, принесенное на собачьем хвосте, колосья риса выглядят как собачий хвост. С тех давних пор народ Чжуан выращивает рис, и люди всегда сначала дают его собаке, чтобы показать, что они не забывают ее доброту.

В сказке Гаошань «Священная птица передаёт Огонь» отражена легенда, согласно которой священная птица принесла огонь в мир людей. Из этой сказки также видно, что для отношений древнего человека и природы характерны гармония и взаимопомощь. Похожие отношения между человеком и природой описаны и в русских народных сказках. Современным людям трудно осознать ту степень близости, которая существовала между предками китайцев и россиян и животными, растениями и природой в целом.

Тем не менее, во многих китайских фольклорных сказках природа представлена как могущественная сила, которой человек вынужден противостоять. В таких сказках, как «Хоу И стреляет Солнцем», «Цзинвэй заполняет море» и «Нюйва наполняет небо», отражены мужество и решимость людей бороться с природой. Например, маленькая птичка Цзинвэй храбро пытается засыпать море, несмотря на то, что на это могут потребоваться миллионы лет. Такие сказочные герои, как Хоу И, Цзинвэй и Нюйва, сами по себе обладают божественной силой, однако сказка «Юй-гун передвинул горы» представляет собой пример того, как обычные люди пытаются победить природу: *Давным-давно жил-был старик по имени Юй-гун, у которого напротив дома были две горы, Тайхан и Ванву. Если семья Юй-гуна хотела выйти на улицу, им приходилось делать крюк вокруг горы. Однажды Юй-гун собрал всю семью вместе и сказал: «Завтра мы поднимемся на гору, чтобы сдвинуть камни и выровнять гору. Так мы больше не будем уставать, когда нам нужно выйти на улицу». И так они делали каждый день. Горный бог был тронут их усилиями и помог семье Юй-гуна переместить гору в другое место, чтобы она больше не загораживала им дверь.* В этой сказке продемонстрированы смелость и способность китайского народа бросить вызов природе.

Еще один пример активного вмешательства в природу описан в сказке «Юй управляет водой». Предшественники Юя пытались блокировать потоки воды, чтобы справиться с наводнениями, но им это не удавалось. Юй извлек урок из неудач своих предшественников и использовал метод отведение воды. Он ответил на вызов, брошенный человечеству природой, и сделал так, что наводнения на полях стало возможно использовать на благо людей. Таким образом, в более поздних сказках показано, что в процессе дальнейшего изучения природных явлений китайские предки пытались выявить закономерности этих природных явлений, найти эффективные решения проблем и ответить на вызовы, брошенные природой.

Россия граничит с Китаем и обладает обширными землями и богатыми природными ресурсами. Как и Китай, Россия столкнулась с многочисленными трудностями в ходе своего существования и развития. На фоне сложных природно-климатических условий сформировался сложный русский национальный характер. Этот особый характер нашел отражение не только в мировоззрении русского народа, но и в его культуре. Отношение русских к природе, зафиксированное в фольклорных сказках, во многом отличается от того, что отражено в китайских народных сказках.

Множество сюжетов в русских народных сказках основано на волшебстве. Почти в каждой народной сказке есть волшебные персонажи-животные, но одна общая черта этих сказок о животных заключается в том, что если люди будут добры к животным, то смогут обрести волшебную силу благодаря своим добрым поступкам. Например, в

русской сказке «По щучьему веленью», главный герой Емеля – самый младший и ленивый сын в семье. Однажды зимой Емеле пришлось пойти за водой к проруби. В проруби он случайно поймал щуку, но та начала умолять отпустить ее человеческим голосом, обещая исполнение желаний в обмен на свободу. Емеля совершил добрый поступок – отпустил щуку. Благодаря этому доброму поступку Емеля обрел волшебную силу и стал царем. В сказках «Сказка о рыбаке и рыбке», «Работник Емельян и пустой барабан» и многих других главные герои добиваются успеха благодаря своей доброте к животным. Однако в этих сказках животные платят за доброту героев, что ставит животных в неравное положение с людьми.

В русской культуре есть также несколько сказок, в которых описывается дружба между людьми и животными. Главный герой не просит награды за то, что он помогает животным, а считает этих животных равными себе, практически родственниками, как, например, в сказке «Иван Царевич и Серый волк». Иван был младшим сыном царя, но при этом самым прилежным и смелым. Кто-то ворует в царском саду золотые яблоки, поэтому все три царских сына должны по очереди дежурить ночь, чтобы поймать вора. Ивану удается узнать, что золотые яблоки ворует Жар-птица. Братья отправляются на ее поиски, но Иван не может поехать, т.к. его лошадь съел Серый волк. Однако Серому волку становится стыдно за то, что он оставил Ивана без коня, и он ведет царевича на поиски Жар-птицы. По дороге, с помощью Серого Волка, Иван находит златогривого коня и Елену Прекрасную. Позже Серый волк также спасает Ивана и помогает Ивану расправиться с врагами.

В данной сказке продемонстрированы такие универсальные ценности русской культуры, как доброта и дружба. Главный герой относится к волку – дитю природы – как к другу и даже члену. Эта народная сказка показывает, что в русской народной культуре животные и люди равны и одинаково ценны, они живут вместе на одной земле, и их следует уважать.

В русских народных сказках многие элементы природы воплощены в антропоморфных формах. Они обладают теми же эмоциями, разумом и мудростью, что и люди. Например, в русских народных сказках драгоценные камни превращаются в козлов с серебряным туловищем, а золотые самородки – в прекрасных огненных девушек. Горы, реки, времена года, лед и снег в природе и даже печи в избах имеют душу. Природа в русских фольклорных сказках показана с добротой и нежностью. В качестве примера можно привести сказку «Морозко». Большая часть территории России находится в холодной климатической зоне. Длительная зима не только влияет на характер людей, но и приносит в их жизни много неудобств, но русский народ все равно ее любит. В сказке «Морозко», дед Морозко защищает маленькие зеленые саженцы своим телом холодной зимой, чтобы их не унесло ветром. Следующей весной они оживут снова. Зимой дед Морозко ходит по улице от двери к двери, чтобы напомнить людям о том, что нужно затопить печь и выключить дымоход, а также о тех, кто помогает другим. Так как зима – самое продолжительное время года в России, то и в сказках она описывается часто и подробно.

Главные герои русских фольклорных сказок различаются по своим личностным характеристикам, многие из них в начале сказки представляют обычными людьми со свойственными им пороками – ленью, глупостью и т.п. Но доброта, связи с природой помогает им обрести волшебные силы и преуспеть. Русский национальный характер проявляется в добре и терпеливом отношении сказочных героев к природе. Сталкиваясь с жестокой и суровой окружающей средой, русский народ пытается приспособиться к ней и терпеливо ждет лучшего будущего.

Заключение

Анализ китайских и русских народных сказок выявил сходства и различия в концептуализации природы в двух лингвокультурах. В китайских народных сказках природа рассматривается как базовая ценность, при этом акцентируется единство и гармония природы и человека, человека и неба. В русских народных сказках природа также представлена как безусловная ценность лингвокультуры: природа является источником гармонии и доброты. В русских сказках подчеркивается необходимость быть добрым к природе и ее представителям.

Язык китайских и русских фольклорных сказок по-разному отражает идею борьбы с природой. Герои китайских сказок, такие как Юй, Куафу и Цзинвэй, имеют мужество противостоять вызовам природы и активно ищут решение проблем. Они описаны как борцы с природой, несмотря на то, что для многих эта борьба имеет трагический конец. Однако эти герои сражаются с природой до последнего, даже если им приходится отдать в этой борьбе свои жизни. После смерти Куафу превратился в дерево, чтобы дарить прохладу будущим поколениям. Душа Цзинвэй превратилась в птицу, которая начала заполнять море ветвями, чтобы построить сушу. Борьба с природой в русских сказках описывается иначе: герои русских сказок получают в этой борьбе волшебные силы, которые позволяют им впоследствии добиться успеха в своих делах и совершать подвиги.

Такая разница в концептуализации природы, предположительно, может быть связана с различным географическим положением и климатическими условиями Китая и России. Китай и Россия имеют обширные территории, но Россию отличает более суровый климат, с которым бесполезно было бороться, а нужно было терпеливо приспосабливаться. Кроме того, различия могут быть также связаны с национальными чертами русских и китайцев. Известно, что китайцы более трудолюбивы, в то время как русские более склонны наслаждаться жизнью. Это существенное различие в национальных культурных ценностях нашло отражение в языке фольклорных сказок.

Библиография

1. Жирмунский В.М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Сравнительное литературоведение. Восток и запад. Л.: Наука, 1979. С. 336-343.
2. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. 296 с.
3. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
4. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Структура волшебной сказки. М.: РГГУ, 2001. С. 122-162.
5. Павлютенкова И.В. Сказка: философско-культурологический анализ. Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 135 с.
6. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. 152 с.
7. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
8. Вернадский, В. И. Труды по истории науки в России / В.И. Вернадский.-М.: Наука, 1988.-468 с.
9. Шустов М.П. Сказочная традиция в русской литературе XIX века. Дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2003. 473 с.
10. Эпоева Л.В. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты изучения языка волшебной сказки: на материале английского и русского языков. Дис. ... канд. филол.наук. Краснодар, 2007. 147 с.

11. 中国古代神话故事全集, М: 金华出版社, 2004, с. 33-59 (Полное собрание сочинений древнекитайских мифов и сказаний, М: Издательство Цзиньхуа, 2004, с. 33-59)
12. 周作人,《古童话释义》1989, с. 126-130 (Чжоу Зуорен, Толкование древних сказок, 1989, с. 126-130.)
13. 赵景深,《童话学ABC》1990, с. 89-97 (ЧжаоЦзиншэнь, Сказки ABC, 1990, с. 89-97.)
14. 韦苇,《世界童话史》2015, с. 53-58 (ВэйВэй, История сказок в мире, 2015, с. 53-58)
15. 董斯张,《广博物志》М:上海古籍出版社, 1992, с. 66-69 (ДонСичжан, "ГуанбоВучжи" М.: Шанхайскоеиздательстводревнихкниг, 1992, с. 66-69)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Природный мир является некоей основой для художественного творчества, как настоящего, так и прошлого. Сказка наравне с мифом генерирует полновесное и целостное восприятие окружающей действительности, фиксирует опыт представлений, верифицирует интуитивную догадку. Стоит согласиться, что актуальность исследования природных факторов, представленных в волшебной сказке, состоит в том, что они не только вербализуют, но и формируют ценности культуры. Понимание сути этого процесса является важнейшей задачей лингвистической аксиологии, в рамках которой и выполнена рецензируемая статья. Автор подробно описывает объект изучения, конкретизирует предмет, обозначает цель. Удачно, на мой взгляд, синтезирована и теоретико-методологическая база: «теоретической базой послужили труды В.Я. Проппа, В.М. Жирмунского, Д.Н. Медриша, Е.М. Мелетинского о фольклорной традиции, структуре и смыслах фольклорных сказок. В данной работе использованы следующие методы исследования: метод контекстуального анализа (проанализировано 8 китайских и 7 русских фольклорных сказок) и сравнительно-сопоставительный анализ для установления общего и различного в концептуализации природы в фольклорных сказках двух лингвокультур». Стиль работы соотносится с собственно-научным типом, серьезных разночтений в формулировках и тезисах не выявлено. Ступенчатый принцип анализа вопроса выдержан на протяжении всего научного повествования: «в настоящее время сказки пользуются огромной популярностью среди детей и взрослых. Всемирно известны волшебные сказки Андерсена и Братьев Гримм, которые представляют собой прекрасные образцы художественно обработанных народных сюжетов. Современные дети знакомятся со сказками и усваивают их мораль не столько посредством чтения, сколько через анимационные фильмы и телевизионные сериалы», «Китай – древняя цивилизация с тысячелетней историей, имеющая богатое историческое и культурное наследие; китайские фольклорные сказки, сочетающие в себе басни, мифы и устное народное творчество, стали сокровищами китайской культуры, отражающими базовые духовные ценности китайского народа. Особенно ярко мировоззрение китайского народа и жизненные ценности находят выражение в отношениях между человеком и природой». Привлекает в данной статье, что автор вводит в текст достаточное количество цитаций, отсылок, причем они не только соразмерны относительно друг друга, но и концептуально значимы. Количественный состав анализируемых сказок достаточен, аналитический вектор объемлен. Материал полновесен, его можно использовать в русле изучения, как сказковых форм Китая, так и указанного типа, представленного в русской культуре. Отличными чертами сопоставимых форм является: «во многих китайских фольклорных сказках природа представлена как могущественная сила, которой человек вынужден

противостоять. В таких сказках, как «Хоу И стреляет Солнцем», «Цзинвэй заполняет море» и «Нюйва наполняет небо», отражены мужество и решимость людей бороться с природой», «в русских народных сказках есть много элементов природы, которые часто имеют антропоморфные формы. Данный факт, на наш взгляд, отражает единство природы и человека. Однако в китайских фольклорных сказках внимание сосредоточено на человеке, а в русских народных сказках именно природа зачастую находится в центре внимания». Работа самостоятельна, оригинальна, целостна; текст не нуждается в серьезной правке и коррективе, основные требования издания выдержаны. В заключительном блоке статьи отмечено, что «анализ китайских и русских народных сказок выявил сходства и различия в концептуализации природы в двух лингвокультурах. В китайских народных сказках природа рассматривается как базовая ценность, при этом акцентируется единство и гармония природы и человека, человека и неба. В русских народных сказках природа также представлена как безусловная ценность лингвокультуры: природа является источником гармонии и доброты. В русских сказках подчеркивается необходимость быть добрым к природе и ее представителям», «разница в концептуализации природы, предположительно, может быть связана с различным географическим положением и климатическими условиями Китая и России. Китай и Россия имеют обширные территории, но Россию отличает более суровый климат, с которым бесполезно было бороться, а нужно было терпеливо приспосабливаться.... китайцы более трудолюбивы, в то время как русские более склонны наслаждаться жизнью». Таким образом, основные блоки работы представлены фактурно, логика повествования поддерживается на протяжении всего сочинения, цель достигнута, поставленные задачи решены. В список источников включены все работы, которые использованы в основном тексте. Должная новизна исследования заключается в концептуальной разверстке вопроса, умении автора доказательно произвести сопоставительный анализ. Рекомендую статью «Концептуализация природы в китайских и русских фольклорных сказках» к открытой публикации в журнале «Litera».

Litera

Правильная ссылка на статью:

Юхнова И.С. — Музыка в лирике А.Н. Апухтина // Litera. – 2023. – № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.2.39810
EDN: COUDZX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39810

Музыка в лирике А.Н. Апухтина

Юхнова Ирина Сергеевна

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

603950, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

✉ yuhnova1@mail.ru[Статья из рубрики "Лирика и лирический герой"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8698.2023.2.39810

EDN:

COUDZX

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2023

Аннотация: Предметом исследования является тема музыки и особенности использования музыкальной образности в лирике А.Н. Апухтина. Объектом исследования стали «стихи на случай», дружеские послания и посвящения друзьям-музыкантам, а также стихотворения «Шарманка», «Жизнь», «Судьба. К 5-й симфонии Бетховена». Автор дает историко-культурный комментарий к произведениям Апухтина, анализирует их идейно-художественный смысл, форму. Особое внимание уделено рассмотрению биографических контекстов, обобщению сведений о дружеских контактах поэта с композиторами и музыкантами, о восприятии Апухтиным музыки, осмыслению его эстетической позиции. Другое направление исследования – анализ произведений, в которых музыка становится основой для аллегорического изображения жизненного пути. Новизна исследования заключается в системном рассмотрении темы музыки в творчестве Апухтина. В статье подробно проанализированы произведения, адресованные П.И. Чайковскому, другу Апухтина, показано, как меняется их интонация, настроение от иронии к грусти. Эти стихотворения не только отражают этапы дружеских отношений поэта и композитора – в них дается оценка собственной творческой судьбы. Выявлен полемический план стихотворения «Певец во стане русских композиторов», показано, какие новации в современной опере отвергает Апухтин. Особое внимание уделено стихотворениям, сюжетом которых поэт делает сам процесс восприятия музыки, когда пытается найти словесный эквивалент музыкальному тексту.

Ключевые слова:

Алексей Николаевич Апухтин, музыка, шарманка, Петр Ильич Чайковский, русская лирика, Могучая кучка, русская опера, музыкальный экфрасис, мировоззрение писателя, тема судьбы

Введение

Музыка в жизни и творчестве А.Н. Апухтина занимала большое место, хотя, как утверждают его биографы, поэт не очень в ней разбирался. Между тем Апухтин музицировал (есть фотография, на которой он запечатлен за роялем), постоянно бывал на музыкальных вечерах, концертах, не пропускал оперные постановки, в круг его общения входили известные музыканты и композиторы. И главный среди них – Петр Ильич Чайковский. Но лучше всего об истинном отношении Апухтина к музыке, его таланте слушателя «говорит» его лирика.

Тема музыки представлена в лирике Апухтина в нескольких вариантах. Во-первых, целый ряд стихотворений обращен к музыкантам, с которыми общался поэт, имел биографические контакты; в этих стихотворениях отражается музыкальная жизнь эпохи, споры о предназначении музыки. Во-вторых, Апухтин передает воздействие музыки на душу человека, показывает, как рождается в ней эмоциональный отклик на музыкальное произведение, мастерство исполнителя. В-третьих, поэт пытается «рассказать» музыку – создать словесный эквивалент музыкального текста.

Цель статьи – проанализировать указанные музыкальные контексты лирики Апухтина.

Методы исследования

В статье используются историко-типологический, культурно-исторический методы, элементы биографического метода, приемы мотивного и структурного анализа литературного произведения.

Биографические контексты

Безусловно, главным композитором в жизни Апухтина был П.И. Чайковский. Биографическая канва этих взаимоотношений хорошо известна. Их дружба зародилась во время учебы в училище правоведения в Петербурге: в 1853 г. юноши оказались в одном классе, а после окончания учебы в мае 1859 г. какое-то время служили в одном департаменте в министерстве юстиции. Однако их личные контакты не ограничивались учебой и службой, а имели более глубокий характер. Лето 1863 года Чайковский провел в имении Апухтиных в Калужской губернии. В 1865 году композитор жил в квартире Апухтина в Петербурге. Позже Апухтин останавливался у Чайковского во время поездок в Москву. В 1866 году они совершили путешествие на Валаам. Результатом этой поездки стала «Первая симфония» Чайковского, которая получила название «Зимние грезы». Вторая часть «Угрюмый край, туманный край» и отразила впечатления о Валааме. Лирика Апухтина стала основой для нескольких романсов Чайковского.

Чайковский становится адресатом лирики Апухтина еще в годы учебы. Интересно проследить, как со временем меняется характер адресации и эмоциональный тон стихотворений Апухтина, обращенных к Чайковскому.

Ранние стихи ироничны, полны бытовых подробностей и вырастают из повседневности. В

первом из дошедших до нас стихотворений, адресованных Чайковскому, Апухтин выступает с позиции поэтического «мэтра». И это понятно. В то время Апухтин – подающий надежды и уже обласканный критикой молодой поэт, в нем видят чуть ли не наследника Пушкина. Таким образом, его талант литератора признается не только в училищном кругу, а потому Апухтин позволяет себе наставнические интонации, ведь в alma mater он неоспоримый авторитет, один из редакторов журнала «Училищный вестник». Туда приносит свои стихи и остроумную статью «История литературы нашего класса» П.И. Чайковский. Статья до нас не дошла, а о том, что представляли собой стихотворные опыты юного Чайковского, можно судить по юмористическому стихотворению Апухтина «Гений поэта. П.И. Чайковскому», которое датируют 14 ноября 1855 года: «Чудный гений! В тьму пучин // Бросил стих свой исполин... // Шею вывернув Пегасу, // Музу вздевши на аркан, // В тропы лбом, пятой к Парнасу, // Мощный скачет великан» [1, с. 267]. Здесь речь идет и о технической незрелости, и о некоторой выпренности, ходульности поэтического опуса Чайковского. И если в этом иронично-беспощадном стихотворении дается оценка литературному стилю Чайковского, а свой суд выносит успешный поэт неуспешному, то в последующих стихотворениях интонации будут другие. В них обращается не поэт к поэту, а друг к другу. Грустит о разлуке с ним, скучает, делится своими дорожными злоключениями, и ирония направлена в них на себя, а не на адресата. Чтобы преодолеть горечь разлуки, Апухтин в своих посланиях вовлекает Чайковского в круг общих воспоминаний, напоминает об общей для обоих культурной и дружеской среде. Так происходит в посланиях «Дорогой. П.И. Чайковскому» (15 июня 1856 г.) и «Чайковскому» («Нет, над письмом твоим напрасно я сижу...» (5 июля 1857 г.).

Оба стихотворные послания созданы в Павлодаре, имении Апухтиных, куда поэт отправлялся на летние каникулы, а потому в них значимую роль играют реалии петербургской жизни, позволяющие восстановить утраченную связь с другом. Послания вырастают из конкретной бытовой ситуации, но важна не она, а то, какое воспоминание она рождает. Пыльная дорога, летняя жара, усталость и затуманенность сознания от утомительного пути вызывают воспоминание о катании на лодке по Неве. Реальность и воспоминание соотносятся по аналогии (общее в них – мерное движение, греза), и в то же время они контрастны, так как сейчас это одинокий путь, а в воспоминании – момент душевного единения, гармонии: «Сердце жадно волей дышит, // Негой грудь полна, // И под мерное качанье // Блещущей ладьи // Мы молчим, тая дыханье // В сладком забытьи» [1, с. 71]. Второе стихотворение отличается по настроению и интонации. Оно начинается с сетований о невозможности отправить свое послание другу из-за отсутствия адреса, но постепенно перерастает в ироничный рассказ о дорожных несчастьях, в котором также возникают отсылки к петербургским событиям, бытовым подробностям, понятным только двоим: автору и адресату, появляются слова и прозвища, характерные для их «общего» языка.

Самое известное и трогательное посвящение Апухтина Чайковскому – стихотворение «Ты помнишь, как забившись в «музыкальной»...» (Декабрь (?) 1877). Основой лирического сюжета стало воспоминание далекого детства, которое предстает как пора грез, мечтаний, идеальных планов. В моменты уединения в «музыкальной» и рождается то отношение к искусству, которое определит жизненный путь и Апухтина, и Чайковского и никогда не изменится. Там, в «музыкальной», приходит осознание истинного предназначения и высшей ценности – «искусство было наш кумир» [1, с. 206].

Вспоминая сокровенные моменты прошлого, Апухтин искренне восхищается другом, его цельностью и последовательностью в служении искусству и следовании своему

предназначению: «Мечты твои сбылись. // Презрев тропой избитой, // Ты новый путь себе настойчиво пробил, // Ты с бою славу взял и жадно пил // Из этой чаши ядовитой» [\[1, с. 206\]](#). Характерны скрытые отсылки в стихотворении к лермонтовской «Смерти поэта». Здесь упоминается и «чаша ядовитая», и «рок суровый». А строки «И сколько в твой венец лавровый // Колючих терний вплетено,» – вызывают прямую ассоциацию с лермонтовскими: «И иглы тайные сурово язвили славное чело». Такая цитация может быть истолкована двояко: и как литературная подражательность, несамостоятельность Апухтина-поэта, проявляющаяся в использовании литературных штампов, речевых клише, но и как стремление актуализировать тему неизбежного противостояния гения и толпы, творца и общества, которое завистью, клеветой и злобой уничтожает его.

Это стихотворение не только восхищение осуществившейся творческой судьбой Чайковского. В нем происходит переоценка собственной судьбы, так как речь идет о реализованности таланта Чайковского и неосуществленности собственного поэтического предназначения («А я, кончая путь “непризнанным” поэтом, // Горжусь, что угадал я искру божества // В тебе, тогда мерцавшую едва, // Горящую теперь таким могучим светом» [\[1, с. 206\]](#)).

Известна реакция П.И. Чайковского на это стихотворение – воспоминание о юности, совместной учебе и мечтах. Он получил его, находясь в Италии, в Сан-Ремо и так пишет своему брату А.И. Чайковскому: «Получил сегодня письмо от Лели с чудным стихотворением, заставившим меня пролить много слез» [\[1, с. 398\]](#).

Завершается поэтический диалог поэта и композитора стихотворением «П. Чайковскому (К отъезду музыканта-друга...)». Оно датируется 1893 годом, а при публикации сопровождается таким комментарием: «Написано к отъезду Чайковского в Англию в 1893 г. Опубликовано в связи с кончиной композитора 25 окт. 1893 г.» [\[1, с. 416\]](#).

Апухтина не стало 17 августа 1893 года. Через три дня П.И. Чайковский так откликнется на это известие в письме к В.Л. Давыдову: «В ту минуту, как я пишу это Лёлю Апухтина отпевают!!! Хотя и не неожиданна его смерть, а все жутко и больно. Когда-то это был мой ближайший приятель» [\[1, с. 398\]](#).

В послании другу-композитору поэт использует музыкальную терминологию – то есть говорит с ним на привычном Чайковскому языке, тот самом, на котором он обращается к людям, Богу, универсуму. И оказывается, что о жизни можно говорить и таким образом. Язык музыки используется Апухтиным как аллегория жизненного пути.

Как было отмечено выше, Апухтин живо реагирует на события музыкальной жизни своей эпохи и откликается на них в свете своей эстетической позиции, которая хорошо известна, – он является представителем так называемой лирики «без направления», а его безусловным литературным ориентиром на протяжении всего творчества был Пушкин. По словам В.С. Баевского, Апухтин «остался в стороне от основного пути развития литературы» [\[2, с. 180\]](#), а Н.А. Коварский, отмечая, что в лирике поэта заложены «самые разные, а иногда противоречивые тенденции» [\[3, с. 31\]](#), высказывается более категорично: «...в литературе он одинок» [\[3, с. 19\]](#). А.В. Жиркевич вспоминает слова Апухтина о том, что литератор «должен быть ... носителем высоких нарождающихся идеалов» [\[4, с. 136\]](#). По этой причине он не принимает, например, Некрасова, который, по его мнению, «торговал своей музой и писал сухо, шаблонно и с предвзятыми идеями на заданные темы», «торговал ... талантом, служил спросу минуты», и – заключал Апухтин: «От этого Некрасова уже забывают понемногу, а через 20–30 лет его совершенно

забудут. Такова судьба всех, которые не служат вечным идеалам, а приносят дары минутным кумирам, минутным веяниям. В то время, когда Пушкин будет бессмертен в русской литературе, Некрасовы, Надсоны, Плещеевы – забудутся, и во всяком случае «не стяжают себе вечной славы» [\[4, с. 135\]](#).

С такой же позиции Апухтин оценивает и деятельность «Могучей кучки». В 1875 году он пишет стихотворение «Певец во стане русских композиторов». Название отсылает к известному стихотворению В.А. Жуковского, которое Г.А. Гуковский назвал «лирической песнью о патриотическом подъеме» [\[5, с. 61\]](#). Но если у Жуковского возникал образ пира, на котором воспеваются герои-воины прошлого и настоящего, то стихотворение Апухтина сохраняет лишь внешнюю форму хвалы и представляет собой ироническое высказывание. И эта ирония обусловлена неприятием того, что вносит в музыку «Могучая кучка», полемикой с ней.

В исследованиях о достижениях «Могучей кучки» указывается, что эти «композиторы обновляли формы, воплощающие образность русской современности и истории, искали методы приближения своих произведений к широким слоям общества» [\[6, с. 90\]](#), их «основополагающими принципами ... были народность и национальность. Тематика их творчества связана преимущественно с образами народной жизни, исторического прошлого России, народного эпоса и сказки, древними языческими верованиями и обрядами» [\[7, с. 619\]](#). Новое содержание потребовало новых вокальных форм. Как указывает Ю.В. Келдыш, «в поисках правдивой интонационной выразительности «кучкисты» опирались на достижения Даргомыжского в области реалистической вокальной декламации» [\[7, с. 620\]](#).

Именно этого: народных тем, появления быта, прозы жизни на оперной сцене («Ты, Мусоргский, посредством нот // Расскажешь все на свете: // Как петли шьют, как гриб растет, // Как в детской плачут дети» [\[1, с. 296\]](#)), нового типа вокализма («Одни речитативы!» [\[1, с. 295\]](#)) и «злобы дня» в музыке («Хвала вам, чада новых лет, // Родной страны Орфеи, // Что мните через менуэт // Распространять идеи!» [\[1, с. 295\]](#)) – не принимает Апухтин. В стихотворении упоминаются Римский-Корсаков, Мусоргский, Кюи, Бородин, Рубинштейн, Чайковский. Те оперы, которые составили золотой фонд русского искусства, кажутся Апухтину скучными, способными только погрузить в сон, а не вызвать сильную эмоциональную реакцию, воспринимаются как тупиковый путь в искусстве.

Это стихотворение отражает культурную ситуацию эпохи, поэтому прав был К. Случевский, отказавшийся включать его в посмертное издание стихотворений Апухтина. Как свидетельствует А.В. Жиркевич: «Большие сатирические вещи, как подражание «Певцу во стане русских воинов», не были одобрены Случевским по той причине, что имеют временный характер интереса минуты и были бы ненужным балластом, придающим, однако, особый оттенок музе Апухтина. <...> в будущем и эти стихотворения будут иметь значение в печати как историческо-бытовые справки» [\[4, с. 147\]](#).

Иначе откликается Апухтин на цикл «исторических» концертов А.Г. Рубинштейна, которые состоялись в 1885-1886 гг. в России и Европе. На них была реализована глобальная цель – представлена история развития мировой музыки. В стихотворном посвящении, сохранившемся в альбоме автографов композитора, главную заслугу А.Г. Рубинштейна Апухтин видит в том, что он сумел избежать тенденциозности, сосредоточенности на общественных диссонансах, а представил музыку как выражение общечеловеческих и универсальных ценностей, сумел передать в ней, «Что было дорого отжившим

поколениям, // То, что подобно яркому лучу, // Гнетущий жизни мрак порою разгоняло, // Что жить с любовью равной помогало // И бедняку, и богачу!» [\[1, с. 247\]](#). Не случайно свое посвящение он начинает с описания того, чего не было на этих концертах: «Ты не описывал их [людей] пламенных раздоров, // Ни всех нарушенных, хоть «вечных» договоров, // Ни бедствий без числа народов и племен...» [\[1, с. 247\]](#). Так даже «стихотворение на случай» проясняет его понимание сущности и назначения искусства, содержит полемику с теми тенденциями, которые он не принимает в современной ему русской музыке.

Воздействие музыки. Перевод музыкального текста в словесный

Апухтин не только откликается на музыкальные события, пишет стихи на музыкальный случай. У него есть ряд стихотворений, фиксирующих момент, когда слушание музыки перетекает в рефлексию над ней, когда эмоциональное восприятие облекается в слово. Лирический сюжет таких стихотворений – восприятие музыки, воссоздание тех состояний и раздумий, которые она вызывает. Музыкальное впечатление становится исходной точкой, из которой прорастает размышление о том, что такое жизнь, судьба человека, а так как толчком является музыкальный текст, то опорными словами в размышлении становятся музыкальные термины. Такие стихотворения нередко строятся на сопряжении двух мотивов: пути / дороги и звучащей музыки. Общее в них – динамика, движение – и становится основой для аллегии. При этом Апухтин актуализирует ближайшую литературную традицию – стихотворения «Телега жизни» А.С. Пушкина, «Дорога жизни» Е.А. Баратынского, «В дороге» И.С. Тургенева. В стихотворениях Пушкина и Баратынского через аналогию «жизнь – дорога» изображаются разные этапы жизни человека: юность, зрелость, старость. Апухтин же для этой цели использует образ песни. Подобный способ организации лирического сюжета характерен для стихотворения «Жизнь. К П. Апухтиной» (1856). Жизнь в нем определяется как «песня унылая», а ее динамика представлена как смена аккордов: рождение сопровождается «грустным», «простым и длинным» аккордом, аккомпанементом детства и юности становятся «звучков раскаты широкие», старости – «аккорды печальные», финалу сопутствуют звуки «погребальные». Определение «унылая» задает основную тональность – в песне-жизни нет радостного мажора, а ее дополнительной огласовкой становятся диссонансы – вопли, страдания. В целом же жизнь, по Апухтину, это затихающий звук, уход в безмолвие и беззвучие. В поздней лирике жизненный финал у Апухтина будет изображаться через образ лопнувшей струны, и именно его лирика, по мнению ряда исследователей, станет источником знаменитой чеховской детали в «Вишневом саде» [\[8\]](#).

На этом же сочетании мотивов дороги и музыки строится аллегория жизненного пути в стихотворении «Шарманка. М.А. Апухтиной». Образ шарманки для литературы второй половины XIX века типичен и воспринимался как символический [\[9\]](#). С.В. Алпатов указывает на связь апухтинского стихотворения с «Катериной-шарманкой» И. Мятлева. Он пишет: «Сложившийся в русской культуре первой половины XIX в. и точно схваченный Мятлевым образ повседневности как механической смены серийных «картинок» под звуки одной – некогда привлекательной, а теперь наводящей тоску – «мелодии» был подхвачен и развит в поэзии второй половины XIX столетия. В стихотворении А. Апухтина «Шарманка» (1856) светлым воспоминаниям детства и юности противопоставлена постылая современность с лейтмотивом: «Только слякоть да грязь пред глазами, / И шарманки мотивы в ушах»» [\[10, с. 163\]](#). Вместе с тем музыкальный фон апухтинского стихотворения гораздо сложнее. В нем соотносятся три звуковых ряда: «чудесные, стройные звуки» рояля, «живая, музыкальная» речь оркестра и мотивы

шарманки. Шарманка – настоящее, рояль, оркестр – то, что осталось в прошлом. Это разные этапы жизни. Рояль и оркестр – всего лишь воспоминание об исчезнувшей гармонии и полноте жизненного существования. Настоящее – набор механических мелодий, монотонный дребезжащий звук, повторяющиеся затасканные мелодии, избавиться от которых невозможно (не случаен повтор фразы: в начале стихотворения «А шарманки мотивы в ушах», а финале – «И шарманки мотивы в ушах»; изменился один союз, но именно это изменение и рождает ощущение безнадежности, тоскливой повторяемости знакомого, избитого, надоевшего).

Таким образом, музыка позволяет Апухтину осмыслить свои переживания, представить свое представление о жизненном пути человека. Но есть у него и такие стихотворения, в которых поэт пытается «рассказать» музыку, найти словесный эквивалент мысли композитора. Показательно в этом отношении стихотворение «Судьба. К 5-й симфонии Бетховена», представляющее собой литературную вариацию главной темы бетховенского сочинения, которую традиционно определяют следующим образом – «так судьба стучится в дверь».

Именно это – зловещую и неумолимую поступь судьбы – старухи с клюкой – передает система повторов: рефрен «стук-стук-стук», ритмический строй стихотворения, «разветвлённая система фонических, стилистических, синтаксических повторов, а также намечающиеся тенденции к использованию музыкальной формы в лирической конструкции» [11, с. 71]. Зловещий контекст усиливается цитатой из пушкинского «Анчара» «Судьба, **как грозный часовой**, / Повсюду следует за нами» [1, с. 134]. То, как воспринято Апухтиным произведение Бетховена, отражает его пессимистические, депрессивные настроения, «чувства растерянного и даже подавленного человека» [12, с. 244], который даже в моменты счастья слышит докучный стук клюки. Немецкие романтики открыли, что «музыка не выражает и не изображает ничего конкретного; она устремлена к предельному и потаенному» [13, с. 384], а «музыка – и произведение, и производящее начало, своего рода *natura naturans*; в этом качестве ее значение далеко выходит за пределы мира звуков» [13, с. 387]. Собственно это потаенное и пытается выразить словесно Апухтин, облечь в слово то, что «выходит за пределы мира звуков».

Таким образом, музыкальная тема в творчестве Апухтина представлена не только как отклик на музыкальные события эпохи, как форма рефлексии (и в этом отношении она может рассматриваться как художественный документ эпохи), но и связана с поиском новых художественных форм, источником которых становится строй музыкального произведения.

Библиография

1. Апухтин А.Н. Полное собрание стихотворений. СПб.: Изд-во «Советский писатель», Ленинградское отд-е, 1991. 448 с.
2. Баевский В.С. История русской поэзии. Смоленск: Русич, 1994. 304 с.
3. Коварский Н.А. А.Н. Апухтин // Апухтин А.Н. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1961. С. 5-53.
4. Новые материалы об А. Н. Апухтине из архива А. В. Жиркевича (публикация Н.Г. Подлесских-Жиркевич, примечания С.В. Сапожкова и Н.Г. Подлесских-Жиркевич) // Русская литература. 1998. № 4. С. 123-157.
5. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики. М: Интрада, 1995. 320 с.
6. Ермакова С. С., Навасардян Р. Г. О некоторых чертах музыкально-исторического

- феномена «могучая кучка» // Научное сообщество студентов: проблемы художественного и музыкального образования. Вып. V. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. С. 89-94.
7. Келдыш Ю. В. Могучая кучка // Музыкальная энциклопедия. Том 3. Москва: Советская энциклопедия, 1976. С. 619-621.
 8. Спачиль О. В. Поэтическая метафора "звук лопнувшей струны" (А.Н. Апухтин и А.П. Чехов) // Художественная литература как культурный ансамбль. Москва: Издательство «Перо», 2016. С. 164-174.
 9. Сорокина С.П. Шарманка и шарманщики в русской литературе 1840-х гг // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 1. С. 206-227. DOI 10.22455/2500-4247-2021-6-1-206-227.
 10. Алпатов С. В. «Катерина-шарманка»: имя – вещь – знак // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2019. № 2019. С. 157-168. DOI 10.31168/2658-3356.2019.10.
 11. Кузнецова Е. Р. Музыкальный элемент как особенность сюжетостроения в русской лирической поэзии XIX-XX вв. (А. Н. Апухтин, Я. П. Полонский, А. А. Фет, Н. С. Гумилев, Г. В. Иванов, эволюция музыкальности). Самара, 1999. 193 с.
 12. Коровин В.И. Русская поэзия XIX века. М.: РОСТ, 1997. 252 с.
 13. Махов А.Е. Музыка и музыкальное в духовной культуре немецкого романтизма // История немецкой литературы: новое и новейшее время. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2014. С. 380-392.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Цель рецензируемой статьи сводится к анализу музыкальных контекстов лирики А.Н. Апухтина. Как отмечает в самом начале работы автор, «музыка в жизни и творчестве А.Н. Апухтина занимала большое место, хотя, как утверждают его биографы, поэт не очень в ней разбирался. Между тем Апухтин музицировал (есть фотография, на которой он запечатлен за роялем), постоянно бывал на музыкальных вечерах, концертах, не пропускал оперные постановки, в круг его общения входили известные музыканты и композиторы». Думается, что выбранный вектор изучения достаточно интересен, отчасти нов, продуктивен. В статье используются историко-типологический, культурно-исторический методы анализа, а также элементы биографического метода, приемы мотивного и структурного анализа. Синкретизм в данном случае приветствуется, ибо тема не может быть раскрыта полновесно только в режиме одного подхода. Стилистически текст сочинения однороден, заметно стремление автора к научному типу повествования. Например, «ранние стихи ироничны, полны бытовых подробностей и вырастают из повседневности. В первом из дошедших до нас стихотворений, адресованных Чайковскому, Апухтин выступает с позиции поэтического «мэтра». И это понятно. В то время Апухтин – подающий надежды и уже обласканный критикой молодой поэт, в нем видят чуть ли не наследника Пушкина», или «в послании другу-композитору поэт использует музыкальную терминологию – то есть говорит с ним на привычном Чайковскому языке, тот самом, на котором он обращается к людям, Богу, универсуму. И оказывается, что о жизни можно говорить и таким образом. Язык музыки используется Апухтиным как аллегория жизненного пути», или «иначе откликается Апухтин на цикл «исторических» концертов А.Г. Рубинштейна, которые состоялись в 1885-1886 гг. в России и Европе. На них была реализована глобальная цель – представлена история

развития мировой музыки. В стихотворном посвящении, сохранившемся в альбоме автографов композитора, главную заслугу А.Г. Рубинштейна Апухтин видит в том, что он сумел избежать тенденциозности, сосредоточенности на общественных диссонансах, а представил музыку как выражение общечеловеческих и универсальных ценностей, сумел передать в ней, «Что было дорого отжившим поколениям, // То, что подобно яркому лучу, // Гнетущий жизни мрак порою разгоняло, // Что жить с любовью равной помогало // И бедняку, и богачу!» и т.д. Работа имеет ярко выраженный практический характер, материал можно использовать при чтении культурологических курсов в высших учебных заведениях. На мой взгляд, иллюстрирующих тему «музыкальных контекстов в лирике Апухтина» примеров достаточно; ссылки и цитации оформлены верно. Цель исследования достигнута, наличного текстового объема достаточно. В заключительном блоке работы автор тезисует, что «музыкальная тема в творчестве Апухтина представлена не только как отклик на музыкальные события эпохи, как форма рефлексии (и в этом отношении она может рассматриваться как художественный документ эпохи), но и связана с поиском новых художественных форм, источником которых становится строй музыкального произведения». Таким образом, констатируем: работа самостоятельна, оригинальна, целостна; точка зрения автора представлена объективно, последовательно. Рекомендую статью «Музыка в лирике А.Н. Апухтина» к открытой публикации в журнале «Litera».

Англоязычные метаданные

Comparison of Characteristics of Female Images in Russian and Chinese Rural Prose**Wang Fan**Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ FanWang_nefuer.@163.com

Galay Karina Nazirovna Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia
117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ Galay@mail.ru

Abstract. The article compares systematically the works of Russian rural prose school and Chinese Beijing school from the point of view of reflection of female image in the works, analyzes the similarities and differences between them, as well as the reasons for their emergence from the position of comparative literary typology, taking into account the ontology of creativity. The village is the land where Russian and Chinese cultures grew and flourished, and rural literature written in the village gained a high reputation in both Russia and China during the period of great social transformations.

The subject of the study is the characteristics of women's images in Russian and Chinese literature.

The aim of the work is to analyze and compare female images in authors from Russia and China.

Research methods – analysis of literary sources on the topic of research.

Results of the research: the study of literary works from Russia and China on the theme of rural life was carried out, the portrayal of the female image by the authors of the two countries was compared.

Conclusion. The works show an attempt to transform society through the pursuit of traditional culture and morality, in order to achieve an ideal state of society, full of love and freedom. The similarity of national-cultural narratives, themes and artistic styles makes the works of the Russian rural prose school comparable to the works of the Chinese Beijing school of simple fiction, but the differences between the historical and cultural background, religious beliefs and poetic soil of Russia and China make the works of these two schools of writing somewhat different.

Keywords: image comparison, results, comparison, village, China, Russia, women, images, literature, image

References (transliterated)

1. Denisenko V. A. O tselesoobraznosti sopostavleniya zhenskikh obrazov v russkoi i kitaiskoi literature nachala XX veka / V. A. Denisenko, Li Tsyun // Russkii yazyk i lingvokul'tura v sopostavitel'nom aspekte : materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi

- konferentsii kafedry russkogo yazyka dlya inostrannykh uchashchikhsya Ural'skogo federal'nogo universiteta (Ekaterinburg, 1-2 iyunya 2017 g.). — Vyp. 3. Chast' — Ekaterinburg : Izdatel'skii dom «Azhur», 2017. — S. 23-26
2. Van M. Lyubimye zhenskie obrazy russkoi i kitaiskoi literatury ot drevnego vremeni do sovremennosti // Russkii yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. — 2019. — №. 1. — S. 320-331.
 3. Chzhen'i P. OBRAZY DEREVENSKIkh ZhENShchIN V PROIZVEDENIYakh V. RASPUTINA I SHEN" TsUNVENYa: OPYT SOPOSTAVLENIYa //FORUM/forUM. — 2019. — S. 57-59.
 4. Kartashova E. N. SPETSIFIKA REPRESENTATsII ZhENSKIkh OBRAZOV V PROZE VM ShUKShINA.2021
 5. Kayumov V. M., Khaidarova Sh. R. Spetsifika voploshcheniya zhenskikh obrazov v rasskazakh VM Shukshina //Nauka, obrazovanie, innovatsii: aprobatsiya rezul'tatov issledovani. — 2019. — S. 462-470.
 6. Sapa A. Zhenskie obrazy v tvorchestve Valentina Rasputina. — Litres, 2022.
 7. Safarova K. R. Poetika zhenskikh obrazov v povesti //Retsenzenty: Faktorovich AL, doktor filologicheskikh nauk, professor Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2015.
 8. Lisovik T. V. Obraz «novoi zhenshchiny» v kitaiskoi proze XX-XXI vv.: /LISOVIK Tat'yana Viktorovna; Filologicheskii fakul'tet; Kafedra kitaiskoi filologii; nauch. Ruk. Krylova SI. — 2019.
 9. Tereshonok E. V. PROBLEMA DUKHOVNO-NRAVSTVENNOGO IDEALA V RASSKAZE VG RASPUTINA «ZhENSKII RAZGOVOR» //RUSSKOE KUL'TURNOE PROSTRANSTVO: yazyk-mental'nost'-ponimanie. — 2019. — T. 18. — S. 203.
 10. Antonova V. I., Golyakov A. N., Mishanin Yu. A. «Zhenskii mir» v romanno proze K. Abramova //Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2017. — №. 8 (404). — S. 13-21.
 11. Sinetskaya E. A. Nekotorye sotsial'nye yavleniya poreformennogo Kitaya v svete politiki «otkrytosti» //Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. — 2015. — T. 45. — №. 2. — S. 451-473.
 12. Gavril'yuk Yu. A. ZhENSKIE OBRAZY V RASSKAZAKh VI BELOVA //Ot teksta k kontekstu. — 2014. — №. 1. — S. 119-124.
 13. Khautieva Kh. G., Khutsieva M. M. KLASSIFIKATsIYa ZhENSKIkh OBRAZOV V RUSSKOI LITERATURE //Vestnik nauki. — 2020.
 14. Marziie Kh. Obrazy zhenshchin v povesti «Efirnyi trakt» AP Platonova: opyt postroeniya tipologii //Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — 2022. — T. — №. 3. — S. 673-677.
 15. Tsitsenko I. I., Sun Kh. Tvorchestvo MA Sholokhova i literatura Kitaya serediny KhKh veka //Mir Sholokhova. — 2014. — №. 2. — S. 46-56.

The tailed hero is a trickster in Sasha Cherny's story "The Cat Sanatorium"

Zhirkova Marina Anatol'evna

PhD in Philology

Abstract. The article presents an analysis of Sasha Cherny's novel "The Cat Sanatorium" (Rome, 1924 – Paris, 1928), the main character of which is considered as the archetype of the trickster. Beppo the cat takes revenge on his master for the hurt and pain caused, but this behavior turns against him: he finds himself on Trajan's forum, where homeless cats and cats live. Beppo does not find a place for himself in a new space for himself. The cat world does not become his own family for him, and for the inhabitants of the forum he remains an oddball. Freedom and independence are the sacred values for which he plays with death itself. Beppo is the image of a tramp, a homeless, but free and independent cat. The study reveals the main features of the trickster archetype in the image of the main character. It is also noted that Sasha Cherny's personal impressions of his stay in Rome, his experience of the historical realities of the turning point of the twentieth century and the writer's creative attitudes towards creating works for children are intertwined in the story. The scientific novelty of the work lies, firstly, in the fact that the "Cat Sanatorium" is subjected to a comprehensive analysis for the first time: the system of images, its structure, and autobiographical elements are considered, and secondly, the main character of the story is confirmed for the first time as a trickster hero. The relevance of the research will be determined by the growing interest in the literature of the Russian diaspora, and in particular, in the work of Sasha Cherny.

Keywords: Sasha Cherny, novel, hero, trickster, ecphrasis, irony, idyll, theatricality, liminality, autobiography

References (transliterated)

1. Abramenkova V.V. Liminal'nost' // Obshchaya psikhologiya. Slovar' / Pod red. A.V. Petrovskogo. 2005 [Elektronnyi resurs] <https://vocabulary.ru/termin/liminalnost.html> (data obrashcheniya 15.01.2022).
2. Andreeva V.L. Ekho proshlogo. M.: Sovet. pisatel', 1986. 384 c.
3. Borev Yu. Komicheskoe. M.: Iskusstvo, 1970. 268 s.
4. Boyadzhiev G.N., Dzhivelegov. A.K. Komediya del' arte // Istoriya zapadnoevropeiskogo teatra. T. 1. / Red. G.N. Boyadzhiev. M.: Iskusstvo, 1956. S. 215-252.
5. Gavrilov D.A. Triksler. Litsedei v evroaziatskom fol'klore. M.: Sotsial'no-politicheskaya mysl', 2006. 239 s.
6. Glikberg M.I. Iz memuarov // Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal. 1993. №2. S. 240-248.
7. Dzhivelegov A.K. Maski komedii del' arte // Dzhivelegov A.K. Iskusstvo ital'yanskogo Vozrozhdeniya: Ucheb. posobie. M.: RATI-GITIS, 2007. S. 120-175.
8. Zhirkova M.A. «Neser'eznye rasskazy» Sashi Chernogo: Ucheb. posobie. M.: Flinta, 2015. 157 s.
9. Ivanov A.S. Volshebnik // Chernyi Sasha. Sobr. soch.: V 5 t. T.5: Detskii ostrov / Sost., podgot. teksta i komment. A.S. Ivanova. M.: Ellis Lak, 2007. S.523 – 548.
10. Ivanov A.S. Kommentarii // Chernyi Sasha. Sobr. soch.: V 5 t. T.5: Detskii ostrov /

- Sost., podgot. teksta i komment. A.S. Ivanova. M.: Ellis Lak, 2007. S.549-595.
11. Karpov V.A. Proza Sashi Chernogo v detskom chtenii // Nachal'naya shkola plyus Do i Posle. 2005. №4. S. 30 – 34.
 12. Korotkikh A.V. Zoomornaya avtorskaya maska v russkoi proze 1920-kh godov // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A. Gumanitarnye nauki. 2006. № 7. S. 190-194.
 13. Lipovetskii M. Trikster i «zakrytoe obshchestvo» // Novoe literaturnoe obozrenie. M., 2009. № 6 (100). S. 224–245. [Elektronnyi resurs]
<https://magazines.gorky.media/nlo/2009/6/trikster-i-zakrytoe-obshchestvo.html> (data obra-shcheniya 15.01.2022).
 14. Lipovetskii M.N. Shaluny, vragi, drugie... Trikster v sovetskoj i postsovetskoj literature // Detskie chteniya. 2014. T. 6. №2. S. 7-22.
 15. Meletinskii E.M. Kul'turnyi geroi // Mify narodov mira. Entsiklopediya v 2-kh t. T.2. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1982. S. 25-28.
 16. Milenko V.D. Sasha Chernyi: Pechal'nyi rytsar' smekha. M.: Molodaya gvardiya, 2004. 366 s.
 17. Radin P. Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeitsev s kom. K.G. Yunga i K.K. Keren'i / Perv. Kiryushchenko V.V. SPb.: Evraziya, 1999. 288 s.
 18. Stepanov A.G. Idilliya // Poetika: slovar' aktual. terminov i ponyatii / Gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. M.: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. S. 77-78.
 19. Tamarchenko N.D. Trikster // Poetika: slov, aktual. terminov i ponyatii / Gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. M.: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. S. 271-275.
 20. Termer V. Simvol i ritual / Sost. V. A. Beilis. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1983. 277 s.
 21. Chernyi Sasha. Sobr. soch.: V 5 t. T.5: Detskii ostrov / Sost., podgot. teksta i komment. A.S. Ivanova. M.: Ellis Lak, 2007. 670 s.
 22. Chukhviceva Yu.N. Zhivotnye-trikstery v mifologiyakh mira // Trudy Gosudarstvennogo muzeya istorii religii. 2012. № 12. S. 134-140.
 23. Shkarenkov P.P. Ekfrasis // Poetika: slovar' aktual. terminov i ponyatii / Gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. M.: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. S. 301-302.

Corpus methods in research and study/teaching of the French language.

Freidson Olga Aleksandrovna

PhD in Philology

Olga A. Freidson, Associate Professor, Romano-Germanic Philology and Translation Department, Saint Petersburg State University of Economics

191023, Russia, Saint Petersburg, Sadovaya str., 21

✉ olga-freidson@mail.ru

Verezubova Ekaterina Evgen'evna

PhD in Philology

Ekaterina E. Verezubova, Associate Professor, Romano-Germanic Philology and Translation Department, Saint Petersburg State University of Economics

191023, Russia, Saint Petersburg, Sadovaya str., 21

Abstract. The aim of the work is to identify the possibilities and specifics of using corpus methods in conducting research on the material of the French language and in teaching French. The growing interest in the methods of corpus research based on specific language data and the insufficient development of the issue on the material of the French language determine the relevance of the work. The analysis has shown that today there are various resources for conducting corpus research on the material of the French language, including literary text corpora, parallel corpora, oral speech corpora, which create a specially organized multidimensional infrastructure of the language space, giving a comprehensive idea of language units, their compatibility, semantics and functions. The authors have demonstrated that the existing corpus managers can be successfully applied in teaching French at the initial level, from the very beginning forming important linguistic and methodological competencies among linguist students. The scientific novelty of the research consists in a comprehensive review of the existing French corpus resources and the possibilities of their use in research and in teaching French. The results of the study can be used both for further development of research in the field of history, grammar, lexicology, stylistics of the French language based on corpora, and for the development of tasks for teaching French using corpus data, which is of practical significance of the study.

Keywords: corpus, linguistics, teaching methods, French, concordance, collocation, corpus manager, lexical meaning, annotation, communicative competence

References (transliterated)

1. Plungyan V.A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: O nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki // Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. 2008. № 2 (16). S. 7–20.
2. Kamber A., Dubois M. Corpus, grammaire et francais langue etrangere : une concordance necessaire // Linguistik Online. Vol. 78. Issue 4. 2016. Pp. 3+. URL: link.gale.com/apps/doc/A486694960/LitRC?u=anon~7963ab96&sid=googleScholar&xid=b7e41a56. (data obrashcheniya 20.01.2022).
3. Di Vito S. L'utilisation des corpus dans l'analyse linguistique et dans l'apprentissage du FLE // Linx. 2013. № 68-69. Pp. 159 – 176. URL: <https://journals.openedition.org/linx/1519> (data obrashcheniya 10.01.2022).
4. Gorina O. G. Instrumenty korpusnogo analiza v obuchenii inostrannomu yazyku // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2018. № 435. S. 187 – 194. doi:10.17223/15617793/435/24
5. Chilingaryan K.P. Korpusnaya lingvistika: teoriya vs metodologiya // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 12. № 1. S. 196–218. doi:10.22363/2313-2299-2021-12-1-196-218.
6. Luzina L.G. Dzhon Rupert Fers // Evropeiskie lingvisty KhKh veka. 2001. № 2001. S. 35 – 50.
7. Bogoyavlenskaya Yu.V. Partsellografema i partsellyatnaya setka: korpusnoe issledovanie // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. 2019. № 1. S. 4-10.
8. Khiminets E.M. Issledovanie strukturno-semanticheskikh skhem kollokatsii leksemy «Mission» vo frantsuzskikh gazetakh Libération i le Figaro // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. 2021. № 4. S. 37–47.

9. Dolgikh Z.B. Obzor ryada korpusnykh vozmozhnostei v sfere lingvisticheskikh issledovaniy (na primere analiza sredstv graduirovaniya v portugal'skom yazyke) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. № 5 (795). S. 21 – 31.
10. Kopotev M. V. O nekotorykh sledstviyakh korpusnoi lingvistiki dlya obshchei teorii yazyka // Filologicheskii klass. 2021. № 2. S. 90 – 101. doi:10.51762/1FK-2021-26-02-07
11. Komalova L.R. Korpusnye issledovaniya v lingvistike primenitel'no k meditsinskoi praktike // Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6: Yazykoznanie. Referativnyi zhurnal. 2020. № 1. S. 115-122.
12. Kazharova M.A. Korpusnaya lingvistika i spetsializirovannye yazyki v leksikologii i terminologii // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021. № 12. S. 230-238.
13. Cherenda A.E. Korpusnaya lingvistika i obuchenie cherez issledovaniya // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal «Vestnik nauki». 2020. № 11 (32). T.1. S.28-34.
14. Kotyurova I.A. Sozdanie korpusov uchebnykh tekstov kak razvivayushcheesya napravlenie korpusnoi lingvistiki // Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal. 2020. № 5. S. 100-108. doi:10.34286/1995-4638-2020-74-5-100-108
15. Bogoyavlenskaya Yu. V. Sopostavitel'nyi ob'ektno-orientirovannyi korpus: opredelenie ponyatiya i printsipy formirovaniya // Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve. 2017. № 9. S. 3 – 12.
16. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya 12.01.2022).
17. SketchEngine. URL: <https://www.sketchengine.eu/> (data obrashcheniya 20.12.2021).
18. Stranitsa razrabotchika korpusnogo menedzhera AntConc Antonio Lourensa. URL: <https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/> (data obrashcheniya 20.01.2022).
19. Le Robert Dico en ligne. URL : <https://dictionnaire.lerobert.com/> (data obrashcheniya 14.01.2022).
20. Debaisieux J.-M. Analyses linguistiques sur corpus : subordination et insubordination en français. Hermes Lavoisier. 2013. 503 p.
21. Cordereux P. Comment indexer les corpus oraux? // Histoire Epistémologie Langage. No. 38/2. 2016. Pp. 101-113. URL : https://www.persee.fr/doc/hel_0750-8069_2016_num_38_2_3564 (data obrashcheniya 12.01.2022).
22. Brunot F. Archive de la Parole. URL: <https://gallica.bnf.fr/html/und/enregistrements-sonores/archives-de-la-parole-ferdinand-brunot-1911-1914?mode=desktop> (data obrashcheniya 20.01.2022).
23. Tyne H. Corpus oraux par et pour l'apprenant // Mélanges CRAPEL. Centre de recherches et d'applications pédagogiques en langues. 2009. No. 31. Pp.91-111. URL: https://hal.archives-ouvertes.fr/file/index/docid/416544/filename/TYNE_MELANGES.pdf (data obrashcheniya 13.01.2022).
24. Bourhis V., Gagnon R. (Eds.). Les corpus parlés et leur didactisation: quelle parole (ap)prise dans l'espace de la classe ? Vol. 198. 2020. Paris, France: Didier Érudition Klincksieck.
25. Tutin A. Le dictionnaire de collocations est-il indispensable? // Revue française de linguistique appliquée. Vol. X, No. 2. 2005. Pp. 31-48. doi:10.3917/rfla.102.48
26. Fabre C., Lecolle M. S'approprier des instruments d'observation de la langue pour élaborer des recherches : le TLFi et Frantext pour des étudiants de linguistique // Pratiques. No. 143-144. 2009. Pp. 139-152. URL:

- <https://journals.openedition.org/pratiques/1424> (data obrashcheniya 15.01.2022).
27. Korpus Frantext. URL: <http://www.frantext.fr> (data obrashcheniya 10.01.2022).
28. Trésor de la Langue Française informatisé. URL : <http://atilf.atilf.fr/tlf.htm> (data obrashcheniya 20.01.2022).
29. Sinclair J. The search for units of meaning // Textus. 1996. No. 9 (1). Pp. 75–106.
30. Auzéau F., Abiab L. Le corpus : un outil inductif pour l'enseignement-apprentissage de la grammaire // Synergies France. No. 12. 2018. Pp. 175-187.

Features of the Anthroponymic Complex of Vietnamese and Russian Languages

Truong Thi Xuan Huong

Truong Thi Xuan Huong

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 6

✉ xuanhuong203@gmail.com

Abstract. The article presents the results of a contrastive description of a fragment of the picture of the world of Vietnamese and Russian as two unrelated and not neighboring peoples. The object of the study is the anthroponymic vocabulary of modern Vietnamese and Russian languages, the subject of the study is the common and non-coinciding features of the anthroponymic complex of these languages under consideration. The study is carried out on the material of dictionaries and cultural studies devoted to Russian and Vietnamese linguistic cultures. The result of the analysis is the conclusions made by the author about the similarities and differences, obtained from a contrastive analysis of the anthroponyms of two unrelated languages. The author does not concur in the tendency to reduce the Vietnamese anthroponymic complex, as well as the rearrangement of its components when mentioned and cited in the scientific literature. The materials and conclusions of the study can be used in teaching Russian and Vietnamese languages, some conclusions can be included in the general theory of anthroponymy.

Keywords: Russian language, Vietnamese language, middle name, personal name, surname, name origin, name semantics, anthroponymic complex, anthroponymicon, linguoculturology

References (transliterated)

1. Sternin I. A., Flekenshtein K. Ocherki po kontrastivnoi leksikologii i frazeologii. Galle: universitet Martina Lyutera Galle, 1989. 129 s.
2. Nguen T. Kh. N., Perfil'eva N. V. Orientatsionnaya metafora v ekonomicheskome diskurse (na materiale zagolovkov rossiiskikh i v'etnamskikh internet-izdaniy) // Litera. 2022. № 5. S. 65—78. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.5.37846
3. Kovshova M. L., Khoang Tkhi Fyong Kha. Emotsiya «Udivlenie» i sposoby ee kontseptualizatsii v russkoi i v'etnamskoi frazeologii // Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. M., 2014. S. 159—166.
4. Bui Kh. T. Znacheniya vido-vremennoi formy russkogo glagola i sposoby ikh vyrazheniya vo v'etnamskom yazyke // Russian Journal of Education and Psychology. 2012. № 4. S. 70.
5. Fan Nguen Khan', Novospasskaya N. V. Frantsuzskie zaimstvovaniya vo v'etnamskom

- yazyke i ikh osobennosti // Yazyk kak iskusstvo: funktsional'naya semantika i poetika: sb. statei. M.: RUDN, 2022. S. 411–418.
6. Kha T. Ch. Uchet osobennostei v'etnamskogo yazyka v sisteme russko-v'etnamskogo i v'etnamsko-russkogo mashinnogo perevoda // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki. 2007. № 77 (2). S. 206–210.
 7. Blokh M. Ya., Semenova T. N. Imena lichnye v paradigmatiche, sintagmatike i pragmatike. M.: Gotika, 2001. 196 s.
 8. Kovshova M. L. Slovar' sobstvennykh imen v russkikh zagadkakh, poslovitsakh, pogovorkakh i idiomakh. M.: LENAND, 2019.
 9. Koroleva I. A. Stanovlenie russkoi antroponimicheskoi sistemy: avtoref. dis. ... d-ra filol. n. M., 2000. 40 s.
 10. Krongauz M. A. «Voploshchennoe» i «nevoploshchennoe» imya sobstvennoe: nekotorye aspekty referentsii // R. M. Frumkina (red.). Eksperimental'nye metody v psikholingvistike. M.: Nauka, 1987. S. 118–132.
 11. Superanskaya A. V. Imya cherez veka i strany. M.: Nauka, 1990. 188 s.
 12. Suslova A. V., Superanskaya A. V. O russkikh imenakh. L., 1991.
 13. Syunnerberg M. A. Sistema v'etnamskikh imen i familii. M.: "Klyuch-S", 2014. 68 s.
 14. Shchetinin L. M. Aktual'nye voprosy prikladnoi onomastiki. Rostov-na-Donu, izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1978 a.
 15. Shchetinin L. M. Russkie imena (ocherki po donskoi antroponimii). Rostov-na-Donu, izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1978 b.
 16. Dương Lan Hải. Bàn thêm một số điểm xung quanh việc viết hoa tên riêng // Ngôn ngữ. 1972. №. 1. (Zyong Lan Khai. Neskol'ko zamechanii o napisanii lichnykh imen zaglavyimi bukvami // Lingvistika. 1972. № 1.
 17. Lê Trung Hoa. Cách đặt tên chính của người Việt, (Kinh), Tiếng Việt và các ngôn ngữ dân tộc phía nam. H.N.: KHXH, 1992 a. (Le Trung Khoa. Kak nazvat' v'etnamtsa (Kin'), v'etnamskii i drugie etnicheskie yazyki. Khanoi: Sotsial'nye nauki, 1992).
 18. Lê Trung Hoa. Họ và tên người Việt Nam. H.N.: KHXH, 1992. (Le Trung Khoa. V'etnamskie imena. Khanoi: Sotsial'nye nauki, 1992).
 19. Nguyễn Quang Lệ. Về việc viết hoa tên riêng // Ngôn ngữ. 1972. № 4. (Ngen Kuang Le. O napisanii lichnykh imen zaglavyimi bukvami // Lingvistika. 1972. № 4).
 20. Nguyễn Tài Sản. Từ loại danh từ trong tiếng Việt hiện đại. H.N.: KHXH, 1975 (Ngen Tai Kan. O tipakh sushchestvitel'nykh v sovremennom v'etnamskom yazyke. Khanoi: Sotsial'nye nauki, 1975).
 21. Phan Kế Bính. Việt Nam phong tục. H.N., 2011. (Fan Ke Bin'. V'etnamskie obychai. Khanoi: Literatura, 2011).
 22. Thượng Tọa Thích Thanh Duệ, Nguyễn Bích Hằng, Lê Thị Uyên. Phong tục và lễ nghi cổ truyền Việt Nam. H.N.: Văn hóa-thông tin, 2007. (Tkhyong Toa Tklich Tkhan' Zue, Ngen Bich Khang, Le Tkhi Uien. Traditsionnye v'etnamskie obychai i ritualy. Khanoi: Kul'tura i informatsiya, 2007).
 23. Trần Ngọc Thêm. Cơ sở văn hóa Việt Nam. H.N.: Giáo dục, 2011. (Chan Ngok Tkhem. Kul'turnye traditsii V'etnama. Khanoi: Obrazovanie, 2011).
 24. Trương Hữu Quýnh. Tìm hiểu những mặt hạn chế và tiêu cực trong di sản truyền thống của dân tộc ta // Các giá trị truyền thống và con người Việt Nam hiện nay. Tập II. H.N., 1996. Tr. 55–95. (Chyong Khiu Kuin'. Ponimanie ogranichenii i negativnykh aspektov nashego traditsionnogo naslediya // Traditsionnye tsennosti i sovremennye v'etnamtsy. Tom 2. Khanoi, 1996, C. 55–95).

25. Quốc triều hình luật. H.N.: Pháp lý, 1991. (Natsional'naya pravovaya sistema. Khanoi: Yuridicheskaya literatura, 1991).
26. Spravochno-informatsionnyi portal Gramota.ru — russkii yazyk dlya vsekh. Rezhim dostupa: <http://www.gramota.ru> (data obrashcheniya: 13.01.2023).

The Features of Phrases in the Interlanguage of Chinese Students Studying Russian

Zheng Qianmin

Postgraduate student, Department of Russian language and its teaching methods, Peoples' Friendship University of Russia

123290, Russia, Moscow region, Moscow, 39k1 Shmitovskiy Ave.

✉ toujie@mail.ru

Viktor Mikhailovich Shaklein

Doctor of Philology

Professor, Department of the Russian language and its teaching methods, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow region, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10k2, office 524

✉ vmshaklein@bk.ru

Abstract. The purpose of the study is to find out the features of phrases in the interlanguage of Chinese students studying Russian language. By analyzing a number of works related to the term "interlanguage", comparing the concept of interlanguage in the publications of various specialists, in the article the concept of the term "interlanguage" is clarified, which has been updated in recent years in Russian and foreign linguistics, and similarities and differences in their understandings are found. Highlighting the features of phrases in the interlanguage of Chinese student studying Russian language is an important and urgent task that contributes to the study of interlanguage as a whole. The subjects of the research are oral and written language materials collected by teachers with the help of classroom tests and homework among two groups of Chinese philology students studying Russian language at the Faculty of Philology in Peoples' Friendship University of Russia. Scientific novelty of the study lies in the fact that the authors for the first time systematically summarized and analyzed such features of phrases in the interlanguage of Chinese students studying Russian language as literal translation from native language to target language, the absence or excessive use of preposition, incorrect choice of preposition in phrases in the interlanguage of Chinese students studying Russian language, and the reasons for the existence of these features. The result of the study provides useful advices in the direction of improving the effectiveness of learning Russian language – in classes of second language acquisition, especially in classes of teaching Chinese students Russian language.

Keywords: learning Russian language, incorrect choice of preposition, the absence use of preposition, literal translation, Russian linguistics, Chinese students, Russian language, interlanguage, phrase, feature

References (transliterated)

1. Bagdueva A.V. Narushenie morfemnogo sostava slov v kitaiskoi rechi russkogovoryashchikh studentov // Vestnik YuUrGU. Seriya «Lingvistika». 2020v. T. 17.

- № 4. – S. 61-66.
2. Deryabina S.A. Fenomen interyazyka mashinopisnogo teksta // Rechevye tekhnologii. – Moskva, 2019. – № 1. – S. 54-66.
 3. Dzhaferova A.Ya. Osobennosti korrektyrovki oshibok v ustnoi rechi studentov soglasno programme "CELTA" // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. – Moskva, 2017. – № 2 (773). – S. 34-41.
 4. Zalevskaya A.A. Voprosy teorii dvuyazychiya. – M.: Direkt-Media, 2013. – 144 s.
 5. Kostina E.A., Khekett-Dzhons A.V., Bagramova N.V. Vliyanie interyazyka na bilingval'noe povedenie uchashchikhsya v protsesse ovladeniya inostrannym yazykom // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – Novosibirsk, 2017. – T. 7. № 4. – S. 93-107.
 6. Loginova E.V. Fonologicheskii komponent v'etnamsko-russkogo interyazyka // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. – Ulan-ude, 2010. – № 10. – S. 79-83.
 7. Loseva N.V. Nekotorye aspekty ispol'zovaniya teorii interyazyka v metodike prepodavaniya inostrannykh yazykov // Chelovek i ego yazyk: materialy yubileinoi XVI mezhdunarodnoi konferentsii nauchnoi shkoly-seminara imeni L. M. Skrelinoi, RGPU im. Gertsena. – Sankt-Peterburg: Skifiya, 2013. – S. 296-310.
 8. Loseva N.V., Metel'skaya L.N. Opyt eksperimental'nogo issledovaniya mezh'yazykovoi interferentsii v situatsii uchebnogo mul'tilingvizma // Filologiya i kul'tura. – Kazan', 2018. – № 2 (52). – S. 72-81.
 9. Ovsyannikov A.O. Lingvodidakticheskie aspekty teorii approksimatsii v obuchenii chteniyu na vtorom inostrannom yazyke / IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii // Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii. – Belgorod, 2015. – № 8. – S. 105-109.
 10. Proshina Z.G. Russkii yazyk kak posrednik v kommunikatsii narodov Vostochnoi Azii i Rossii (problemy oposredovannogo perevoda) avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20: zashchishchena 24.05.02 / Proshina Zoya Grigor'evna. – Vladivostok, 2002. – 39 s.
 11. Rogoznaya N.N. Yazykovye kontakty: Bilingvizm. Interyazyk. Interferentsiya: monografiya. – Moskva, Gos. IRYa im. A. S. Pushkina, 2022. – 200 s.
 12. Starinina O.V. Metodika mezh'yazykovogo transfera kak uslovie formirovaniya bilingval'noi lichnosti na nachal'nom etape obucheniya IYa // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – Gorno-Altaysk, 2021. № 3 (88). – S. 112-113.
 13. Shaklein V.M., Chzhen Tsyann'min' Interyazyk: v poiskakh utochneniya termina / V.M. Shaklein, Chzhen Ts.M. // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. – Ekaterinburg, 2017. – № 5 (59). – S. 170-175.
 14. Chzhen Tsyann'min', Shaklein V.M. K voprosu issledovaniya interyazyka. – Gorno-Altaysk: Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya" № 4 (65), 2017. – S. 269-272.
 15. Selinker L. Interlanguage, IRAL. International Review of Applied Linguistics in Language Teaching, 10 (1-4), 1972. – P. 209-232.

The City as a Theme and Text in the Prose of Victoria Tokareva

Abstract. The subject of the study is the image of the city in small and medium prose by V.S. Tokareva. The author reveals the uniqueness of the artistic concept of the city in the work of Victoria Tokareva, which consists in a combination of the image of a generalized conditional space and recognizable spatial images that can be considered in the context of the poetics of local texts. Clarification of the characteristics of a generalized conditional city occurs through the analysis of a system of characters whose moral and philosophical paradigm is correlated with urban loci. Recognizable spatial images are correlated with the autobiographical context of the author's work and considered from the point of view of the author's contribution to the "Moscow" and "Petersburg" text of Russian literature. The author's main contribution to the study of the poetics of V.S. Tokareva's prose is to clarify the typology of images of short stories and novels and to identify "episodic heroes" - characters with an unformed moral and philosophical paradigm and a life position of non-participation in the destinies of other characters and their own fate. The poetics of the episode determines both the key characteristics of such characters and the properties of the urban loci associated with them. The main artistic techniques contributing to the identification of the characteristics of the characters of urban prose are V.S. Tokareva's precedent comparisons and details revealing the author's position. As a result of the conducted research, it was revealed that reading Tokareva's small and medium prose through the prism of the poetics of local texts makes it possible to clarify the originality of the author's interpretation of the images of the two capitals. Shifting the research focus to the generalized image of the city is productive from the point of view of clarifying the typological features of the character sphere and identifying relevant moral and philosophical issues.

Keywords: episodic character, spatial image, the motive of loneliness, artistic detail, autobiographical prose, poetics of local texts, case comparison, image of the city, urban prose, moral issues

References (transliterated)

1. Afanas'eva Yu.M. Bibleiskie tsitaty v proze Viktorii Tokarevoi // Russkaya rech'. 2009. № 1. S. 38-40.
2. Bulgakov M.A. Sobr. soch. v 10 t. T. 9: Master i Margarita. M.: Golos, 1999. 608 s.
3. Dorofeeva L.V., Kirsanycheva S.A. Ikonopisnyi i agiograficheskii motivy v povesti V.S. Tokarevoi «Svoya pravda» // Filologicheskii zhurnal. 2016. № 21. S. 8-11.
4. Zubakova N.V. Intertekstual'nost' v rasskazakh V. Tokarevoi // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 3 (45). Ch. 2. S. 90—93.
5. Medentseva N.P. Tipicheskie cherty «tokarevskoi geroini» (na materiale tvorchestva Viktorii Tokarevoi) / N. P. Medentseva // Molodoi uchenyi. 2014. № 19 (78). S. 668-671.
6. Murtazaeva F.R. Tipologiya zhenskikh personazhei v proze Viktorii Tokarevoi // Sovremennye issledovaniya v gumanitarnykh i estestvennonauchnykh otraslyakh: sbornik nauchnykh statei. Ch. 3. M.: Izd-vo «Pero», 2020. S. 136-142.
7. Murtazaeva F.R., Pardaeva Zh.Z. Teoreticheskie aspekty issledovaniya tvorchestva

- Viktorii Tokarevoi // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2020. № 2. S. 272-276.
8. Sarkisyan L.A. Konflikt v rasskazakh Viktorii Tokarevoi. // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii. 2015. №12 (55). S. 143-156.
 9. Selemenova M.V. Gorodskaya proza kak ideino-khudozhestvennyi fenomen russkoi literatury KhKh veka: monografiya. M.: MGI imeni E.R. Dashkovo, 2008.
 10. Tokareva V.S. Dom za poselkom: Rasskazy i ocherk. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. 256 s.
 11. Tokareva V.S. Muzhskaya vernost': Povesti i rasskazy. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 320 s.
 12. Tokareva V.S. O tom, chego ne bylo: Rasskazy. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2019. 448 s.
 13. Eto moi gorod: pisatel'nitsa Viktoriya Tokareva. – Rezhim dostupa: <https://moskvichmag.ru/gorod/eto-moj-gorod-pisatel'nitsa-viktoriya-tokareva/>

Categories of things and words in the works of M. P. Shishkin (based on the material of the novels "The Taking of Ishmael" and "Venus' Hair")

Savelyev Gleb Andreevich

Postgraduate student, The Department of Russian Literature of XX century, Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ gleban.savelev@gmail.com

Abstract. The author puts forward the position that the nature of M. P. Shishkin's creativity is determined by the interaction of two trends: the preservation of a perceptually perceived thing in a word (the word in this case becomes an instrument for fixing a visible image of the world) and the use of a linguistic sign referring to a thing to create verbal and artistic constructions with immanent aesthetic significance. The writer's worldview position assumes that the ethical task of art (in the light of the research topic - the task of preserving the experience of perceiving the world) stands above the aesthetic (i.e. the task of creating an expressive art form). The author of the article proves that the poetics of Shishkin's novels is largely characterized by an "attitude to expression" (according to R. O. Jakobson), in which artistic discourse cannot be limited to the task of preserving a thing in a word. The analysis of the means of expressiveness and rhetorical techniques of the novels "The Taking of Ishmael" and "Venus's Hair" confirms the author's idea that the speech of Shishkin's heroes, fixing the results of perceptual interaction with the surrounding world, often turns into poetic speech, the "content" of which becomes the art form itself. Shishkin's creativity, therefore, exists only at the intersection of the two trends mentioned above. The removal of the "thing - word" opposition (with the value predominance of the former) is possible only in the context of a conversation about the novel "The Letter Writer", which the author of the article considers as an artistic text created entirely in accordance with the task of preserving the individual experience of living.

Keywords: thing, sign, artistic image, metaphor, perceptual image, perception, world image, content, ethics, form

References (transliterated)

1. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. – M.: Russkii yazyk, 2000 [Elektronnyi resurs] // Leksikograficheskii internet-portal: onlain-slovari russkogo yazyka. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/ch/chuvstvo> (data obrashcheniya: 17.01.2022).
2. Ledenev A. Sensoraya reaktivnost' kak svoistvo poetiki Mikhaila Shishkina // Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Mikhail Shishkin. Krakov, 2017. S. 131–146.
3. Lotman Yu. M. O sodержanii i strukture ponyatiya «khudozhestvennaya literatura» // Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i. V 3 t. Tallinn: Aleksandra, 1992–1993. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. 1992. S. 203–215.
4. Mandel'shtam O. E. Utro akmeizma // Mandel'shtam O. E. Sochineniya. V 2-kh t. T. 2. Proza / Sost. i podgot. teksta S. Averintseva i P. Nerlera; Komment. P. Nerlera. – M.: Khudozh. lit., 1990. – S. 141–145.
5. Mikhail Shishkin: «Napisat' svoyu Annu Kareninu...» [interv'yu Marine Kontsevoi] // 9 Kanal TV [Izrail']. 5.12.2010. URL: <https://archive.9tv.co.il/news/2010/12/05/89804.html> (data obrashcheniya: 20.12.2021).
6. Mikhail Shishkin o svoem novom romane «Pis'movnik» [interv'yu L'vu Danilkinu] // AfishaDaily. 16.08.2010. URL: https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/ (data obrashcheniya: 20.12.2021).
7. Moiseeva V. G. Evolyutsiya prozy M. Shishkina // «Russkaya literatura XX–XXI vekov kak edinyi protsess (problemy teorii i metodologii izucheniya): Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, filologicheskii fakul'tet MGU imeni M. V. Lomonosova, 4–5 dekabrya 2014 goda) / Red.-sost. P. E. Spivakovskii. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2014. – S. 316–320.
8. Olesha Yu. K. Ni dnya bez strochki. M.: Sovetskaya Rossiya, 1965. 306 s.
9. Orobii S. «Slovom voskresnem»: istoki i smysly prozy Mikhaila Shishkina [Elektronnyi resurs] // Znamya. 2011. № 8. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=4669> (data obrashcheniya: 17.01.2022).
10. Pisatel' Mikhail Shishkin: «U Boga na Strashnom sude ne budet vremeni chitat' vse knigi» [interv'yu Natal'e Kochetkovoi] // Izvestiya. 22.06.2005. URL: <https://iz.ru/news/303564> (data obrashcheniya: 17.01.2022).
11. Skotnitska A. Mezhdutratoy i nadezhdoi. Kniga knig Mikhaila Shishkina // Znakovye imena sovremennoi russkoi literatury: Mikhail Shishkin. Krakov, 2017. S. 65–88.
12. Sycheva S. G. Martin Khaidegger o veshchi, simvole i myshlenii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 297. S. 84–91.
13. Teoriya literatury: Ucheb. posobie dlya stud. filol. fak. vyssh. ucheb. zavedenii: V 2 t. / Pod red. N. D. Tamarchenko. – T. 1: N. D. Tamarchenko, V. I. Tyupa, S. N. Broitman. Teoriya khudozhestvennogo diskursa. Teoreticheskaya poetika. – M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2004. – 512 s.
14. Toporov V. N. Veshch' v antropotsentricheskoi perspektive (apologiya Plyushkina) // Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe. M: Izdatel'skaya gruppa «Progress» – «Kul'tura», 1995 – S. 7–111.
15. Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Per. s nem. – M.: Respublika, 1993. – 447 s.
16. Shishkin M. P. Venerin volos: roman / Mikhail Shishkin. – Moskva: Izdatel'stvo AST:

Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2020. – 572 s.

17. Shishkin M. P. Vzyatie Izmaila: roman / Mikhail Shishkin. – Moskva: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2020. – 538 s.
18. Shishkin M. P. Pis'movnik: roman / Mikhail Shishkin. – Moskva: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2017. – 414 s.
19. Shklovskii V. B. Glubokoe burenie [Elektronnyi resurs] // Informatsionnyi obrazovatel'nyi portal «Rusofil». URL: http://www.russofile.ru/articles/article_120.php (data obrashcheniya: 17.01.2022).
20. Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. V. N. Yartseva. – 2-e izd. – M.: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. – 685 s.
21. Yakobson R. Noveishaya russkaya poeziya. Nabrosok pervyi: Podstupy k Khlebnikovu // Yakobson R. Raboty po poetike: Perevody / Sost. i obshch. red. M. L. Gasparova. – M.: Progress, 1987. S. 272–316

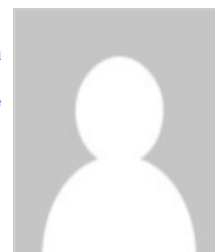
“American-Style Man of Real Action”: the Image of Vasily Solomin in I. S. Turgenev’ Novel “Virgin Soil”.

Tyunyeva Olga Dmitrievna

Postgraduate student of Lomonosov Moscow State University, Chair of History of Russian literature

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1

✉ tyunuaeva@list.ru

Abstract. The article focuses on the American topic in Turgenev's works. The rise of the diverse image of America drawn by Turgenev is shown in vast framework of what generally was thought about the New World in middle of XIXth century Russia. The author shows certain intersections that existed between the Russian Empire and the United States in the XIXth century, which determines the interest of these countries in each other. Turgenev's interest in the literature and culture of the United States was due not only to the personal tastes of the writer, but also to the general enthusiasm for the New World in Russian society of that time. The main point is the character of “postepenovets” Solomin from the novel Virgin soil. This character comprises several aspects of the major idea of a typical American shared by Russian society in XIXth century. The profound analysis of this last Turgenev's novel lets us to state that the American narrative interests Turgenev due to the new concept of developing Russia from below. Solomin, an American-style “man of real business” is shown like a hero, who can act in the prevailing historical conditions in Russia.

Keywords: Virgin soil, Solomin, novel, image, XIXth century, Russia, New World, USA, America, Turgenev

References (transliterated)

1. Etkind A.M. Tolkovanie puteshestvii. Rossiya i Amerika v travelogakh i intertekstakh. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.
2. Gilenson B.A. Russkaya klassika v mirovom literaturnom protsesse: KhIX – nachalo KhKh vekov: Uchebnoe posobie. M.: Vuzovskii uchebnik: NITs INFRA-M, 2014.
3. Arustamova A.A., Kondakov B.V. Konstanta «Amerika» v russkoi literature XIX v. // Vestnik Permskogo universiteta, Vyp. 5. Perm', 2010. S. 117-121.

4. Gertsen A.I. Byloe i dmy. Poln. sobr. Soch.: V 30 t. T. 10. M.: Nauka, 1956.
5. Nikolyukin A.N. Literaturnye svyazi Rossii i SShA: Stanovlenie literaturnykh kontaktov. M.: Nauka, 1981.
6. Alekseev M.P. Mirovoe znachenie «Zapisok okhotnika» // «Zapiski okhotnika» I. S. Turgeneva. (1852–1952). Sbornik statei i materialov. Orel, «Orlovsk. pravda», 1955. s. 36–117.
7. Gilenson B.A. Turgenev v amerikanskoi kritike. // «Uch. zap. Gor'kovsk. gos. un-ta im. N. I. Lobachevskogo». Ser. filologicheskaya. Russkaya literatura, vyp. 48, 1958. s. 99–107.
8. Gettman R.A. Turgenev in England and America. Urbana: University of Illinois Press, 1941.
9. Korn D. Turgenev in Nineteenth Century America. // The Russian Review, Vol. 27, No. 4, Oct., 1968. p. 46–467.
10. Peterson D. The clement vision: Poetic realism in Turgenev and James. Port Washington (N.Y.), L.: Kennikat press, 1975.
11. Rebel', G.M. Vsemirnaya otzyvchivost' Turgeneva. Po materialam literaturno-epistol'noy antologii «S Turgenevym vo Frantsii». // Voprosy literatury. M. 2020. №2. C. 196–231.
12. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30t. Pis'ma: V 18 t. T. M.: Nauka, 2002.
13. Robinson E. Slavery in Russia. // The North American Review Vol. 82. No. 171. April, 1856. p. 293–314.
14. Yachnin R., Stam D. H. Turgenev in English: a checklist of works by and about him. New York: The New York Public Library, 1962.
15. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30t. Sochineniya: V 12 t. T. 9. M.: Nauka, 1982.
16. Golovko V.M. «Postepenovstvo snizu» kak vyrazhenie pozitsii demokraticeskogo prosvetitel'stva I.S. Turgeneva. // Vestnik MGPU, Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie, M. 2017. № 2 (26). s. 8–17.
17. Golovko V.M. «Nov'» I. S. Turgeneva kak «roman-foresight»: sotsial'no-filosofskaya ideya i zhanrovaya struktura. // Filosofskii modus slovesnogo tvorchestva. M.: Flinta, 2022. S. 167–210.
18. Belyaeva I.A., Matyushenko A.G. Dukhovnye prichiny ideinogo spora: eshche raz o prirode konflikta v romane I.S. Turgeneva «Ottsy i deti». // Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura. «Rossiiskoe professorskoe sobranie», M. 2022. № 11 (t. 3) s. 24–30.
19. Belyaeva I.A., Tyshkovska-Kaspshak E. Arkhetipicheskie konstanty i transformatsii russkogo romana. // Problemy istoricheskoi poetiki. Petrozavodsk, 2021. № 3 (t. 19), s. 78–102.
20. Time G.A. I.S. Turgenev i nemetskaya mysl' XVIII–XIX vekov. // Rossiya i Germaniya: filosofskii diskurs v russkoi literature KhIKh–KhKh vekov. SPb.: Nestor-Istoriya, 2011.
21. Epshtein M.N. Amerossiia. Izbrannaya esseistika. Na russkom i angliiskom yazykakh. M.: Serebryanye niti, 2007.
22. Domanskii V.A., Kafanova O.B. Khudozhestvennye miry Ivana Turgeneva. M.: Flinta, 2020.

Who Discovered the Unknown Land? (The Double Motivation Device in the Works of F. K. Sologub and V. V. Nabokov)

Korzhova Inessa Nikolaevna

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Domestic and Foreign Literature, Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

462422, Russia, Moscow, Leningradsky Prospekt, 80 g

✉ clean24@yandex.ru

Abstract. The subject of the study in this article is the Sologubov pretexts of V. V. Nabokov's stories "Terra Incognita" and "In Memory of L. I. Shigaev". The paper establishes the genetic connection of these works with the stories "Summoning the Beast" and "Connecting souls" by F. K. Sologub. The work is based on comparative analysis, which helps to identify the commonality of the plots and techniques of the writers, to establish the features of the worldview that lead to a similar choice. The area of Nabokov's artistic attention, like Sologub, is a state of delirium, which motivates the bifurcation of space. An indication of the Sologubov intertext in Nabokov is the image of small domestic evil spirits, textually close to the descriptions of the predecessor. The article proves that the borrowing of plots is due to the aesthetic community of artists: the desire to recreate the twofold world by combining the objective plan with the image of an alternative – subjective or metaphysical – dimension. Ontological instability is recreated by writers using the technique of double motivation. The article examines the attempts of both authors to transform the technique found in prose for drama. Sologub implements them in the unfinished adaptation for the scene of the story "Summoning the Beast" and in the play "The Little Demon". Nabokov seeks to convey the point of view of the hero in the plays "Death", "Event", "The Invention of the Waltz". It is noted that in the field of drama, common attitudes find a dissimilar implementation at the level of techniques.

Keywords: fiction, intertext, pretext, point of view, double motivation, epistemological problems, double world, Sologub, Nabokov, space of delirium

References (transliterated)

1. Adamovich G. Rets.: «Sovremennye zapiski», kniga 55 // Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova / Pod. obshch. red. N. G. Mel'nikova. M.: NLO, 2000. S. 117–119.
2. Skonechnaya O. «Otchayanie» V Nabokova i «Melkii bes» F. Sologuba. K voprosu o traditsiyakh russkogo simvolizma v proze V. V. Nabokova 1920-kh –1930-kh gg. // V. V. Nabokov: pro et contra. T. 2. SPb.: RKhGI, 2001. S. 520–532.
3. Burenina O. «Otchayanie» kak olakrez russkogo simvolizma: Fedor Sologub i Vladimir Nabokov [Elektronnyi resurs] // <http://www.diss.sense.uni-konstanz.de/>
4. Leving Yu. Rakovinnyi gul nebytiya (V. Nabokov i F. Sologub) // V. V. Nabokov: pro et contra. T. 2. SPb.: RKhGI, 2001. S. 499–519.
5. Bugaeva L. D. «Tvorimaya legenda» V. Nabokova // Nabokovskii vestnik. 2001. Vyp.6. C. 32–42.
6. Zaletnyi I. Retsenziya na roman «Tyazhelye sny» // Russkaya beseda. 1896. № 3. S. 181.
7. Konnolli Dzh. V. «Terra incognita» i «Priglasenie na kazn'» Nabokova: bor'ba za svobodu voobrazheniya // V. V. Nabokov: pro et contra. T. 1. SPb.: RKhGI, 1997. S. 354–363.

8. Leving Yu. Primechaniya // Nabokov V. V. Sobr. soch. russkogo perioda v 5 t. T.3. SPb.: Simpozium, 2006. S. 778–826.
9. Sologub F. K. Sobranie sochinenii. T 11. SPb.: Shipovnik, 1911. 239 s.
10. Nabokov V. V. Sobranie sochinenii v 4 t. M.: Pravda, 1990.
11. Bakhtin M. M. Lektsii ob A. Belom, F. Sologube, A. Bloke, S. Esenine (v zapisi R. M. Mirkinoi) // Dialog. Karnaval. Khronotop. 1993. № 2–3. S. 138–174
12. Khodasevich V. O Sirine // Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova / Pod. obshch. red. N. G. Mel'nikova. M.: NLO, 2000. S. 219–231.
13. Broitman S. N. Fedor Sologub // Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e – nachalo 1920-kh godov). Kniga 1. M.: IMLI RAN; Nasledie, 2001. S. 882–933.
14. Dal' V. I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T 4. M.: Russkii yazyk, 1982. 683 s.
15. Nabokov V. V. Tragediya gospodina Morna. P'esy. Lektsii o drame. SPb.: Azbuka-klassika, 2008. 640 s.
16. Gerasimov Yu. K. O zhanrovyykh transpozitsiyakh teksta v tvorchestve F. Sologuba // Russkii modernizm. Problemy tekstologii. SPb.: Alateya, 2001. S. 92–96.
17. Sologub F. K. Prizyvayushchii zverya (chernovaya redaktsiya) // Russkii modernizm. Problemy tekstologii. SPb.: Aleteiya, 2001. S. 97– 99.
18. Sologub F. K. Sobranie p'es v 2 t. SPb.: Nav'i chary, 2001.
19. N. P. V. «Sobytie» – p'esa V. Sirina (beseda s Yu. P. Annenkovym) // Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve Vladimira Nabokova / Pod. obshch. red. N. G. Mel'nikova. M.: NLO, 2000. S. 165–166.

On the Grammatical Basis of Single-Compound Sentences in the Russian and Ingush Languages

Tungoeva Fatima Zakreevna

Postgraduate Student of the Russian Language Department, Ingush State University

386001, Russia, Republic of Ingushetia, Magas, I. Zyazikova Ave., 7

✉ fatik0696@mail.ru

Abstract. The subject of this study is to identify varieties of single-compound sentences in two genetically unrelated languages - Russian and Ingush, to describe the structural and semantic properties of the specified syntactic unit from the typological aspect. The following tasks are put forward in this scientific article: firstly, to conduct a comprehensive analysis of the concepts of the predicative center of one-part sentences of the Russian language in comparison with unrelated Ingush; secondly, to identify criteria for determining the types of one-part sentences in the Russian and Ingush languages; thirdly, to conduct a structural and semantic analysis of the predication of the types of one-part sentences. Sentences from two languages studied: Russian and Ingush. The scientific novelty of the study is that for the first time the main structural and semantic features and grammatical ways of expressing the predicative basis of a one-part sentence of two different-structured languages are revealed from a comparative point of view. In addition, the scientific novelty is due to the fact that the predicative basis of a single-compound sentence in nominative Russian and ergative Ingush languages has not been sufficiently studied from a typological point of view: to date, there are no or few monographs, scientific articles and other scientific works in which it would be

elaborated in detail or aspect. As a result of the study, seven varieties of single-compound sentences were identified and it was proved that, despite some structural and semantic differences, in general, the predication and types of single-compound sentences coincide in the Russian and Ingush languages.

Keywords: predicative core, genetically unrelated languages, the person Pronouncing, the person speaking, typological aspect, grammatical basis, the face paradigm, predication, Single - part sentences, types of single-part sentences

References (transliterated)

1. Nichols J. Ingush Grammar. Berkeley: University of California Press, 2010.
2. Abdullaev Z.G. Problemy ergativnosti darginskogo yazyka. – M., 1986.
3. Babaitseva V.V., Maksimov L.Yu. Sintaksis. Punktuatsiya.-M.: Prosveshchenie, 1981.- 271 s.
4. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., Zemskaya E.A. Sovremenniy russkii yazyk.-M.: Vysshaya shkola, 1989.-800 s.
5. Valgina N.S., Rozental' D.E., Fomina M.I. Sovremenniy russkii yazyk, izd. 4.-M.,1971.- 512 s.
6. Gandaloeva A. Z. Aktual'nye voprosy sintaksisa prostogo predlozheniya v ingushskom yazyke. Magas: Izd-vo Ingushskogo gosudarstvennogo universiteta, 2012.
7. Gandaloeva A.Z. KhIanzara gIalgIai mott. Sintaksis. (Deshara posobi univer-siteta studentashta la'rkhiA). / Nazran'. OOO «KEP», 2018 – 352 s.
8. Dolin Yu.T. Voprosy teorii odnosostavnogo predlozheniya. Izdanie 2. – Orenburg: IPK GOU OGU, 2008. – 129 s.
9. Evloeva A.M. G1alg1ai kitsash. – Nazran': OOO «Kep», – 2021. – 96s.
10. Kul'buzhev M. A., F.G. Ozdoeva. G1alg1ai meta deshara posobi / Posobie po sintaksisu ingushskogo yazyka. 2006. – 243 s.
11. Lekant P.A. Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke.-M.: Vysshaya shkola,1974.-159 s.
12. M.I. Chapanov. Ergativnaya konstruktsiya predlozheniya v nakhsikh yazykakh.- Izvestiya ChINIIYaL. Tom IV. Vyp. 2. Yazykovedenie. Grozny, 1962. S. 96-168.
13. Magdilova R.A. Sintaksis sovremennogo avarskogo yazyka. Slovosochetanie i prostoe predlozhenie. – Makhachkala, 2022. – 112 s.
14. Nazarova M.R. Strukturno-semanticheskie osobennosti prostykh odnosostavnykh predlozhenii v tadzhikskom i angliiskom yazykakh: avtoref. diss. ... k. filol. Dushanbe, 2016.
15. Ozdoev I.A. Sintaksis ingushskogo literaturnogo yazyka. Prostoe predlozhenie // Izvestiya ChINIIYaL, tom V. Vyp.2. Yazykovedenie. Grozny, 1964.
16. Ozdoev I.A., Ozdoev R.I. Grammatika ingushskogo yazyka: Uchebnik dlya 8-9 kl., ch.2: Sintaksis. 8-e izd., ispr., pere-rab.-Magas: Izdatel'stvo «Serdalo», 2011.-240 s.
17. Peshkovskii A. M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii. Izd-e 8-e, dop. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001.
18. Russkaya grammatika: [V 2-kh t. / Redkol.: N. Yu. Shvedova (gl.red.) i dr.]. T. 1. M.: Nauka, 1980. 784 s.
19. Tarieva L.U. Ocherki dlya etimologicheskogo slovary ingushskogo yazyka. T. I. – Rostov-na-Donu, 2020. – 276 s.

20. Tarieva L.U. Rechevye komponenty paradigmy litsa v yazykakh ergativnogo stroya. – Nazran', 2017g.-376 s.
21. Shakhmatov A. A. Sintaksis russkogo yazyka. Izd-e 3-e. M.: Editorial URSS, 2001.
22. Yakovlev N. F. Sintaksis ingushskogo literaturnogo yazyka. M., 2001.-472s.

Elegance (elegantia) of Elocution in the Coverage of Russian 18th Century Rhetorical Books in Latin

Kurilova Anna Dmitrievna

PhD in Philology

Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University)

123242, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 3, building 1

✉ akurilova@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the concept of elegance of style in the coverage of Russian handwritten rhetorical manuals of the 18th century in Latin. On the example of one of the most important requirements for eloquence, the peculiarities of ideas about style in Russian rhetoric of the 18th century are revealed. The texts of handwritten manuals compiled in Moscow, Kolomna, Nizhny Novgorod, Vologda, Ryazan, Smolensk are analyzed in the context of the New Latin rhetorical sources, among which the most important are the rhetorical treatises of Feofan Prokopovich and Johann Gottlieb Heineckius, dating back to the first half of the 18th century. Their influence on the formation of Russian rhetorical thought is traced. As a result of the study, conclusions were drawn about the sources of the concept of elegance of style as the most important quality of eloquence, various interpretations of the concept of elegance in separate manuals were considered, and the main components of this concept were identified. A special contribution of the author to the study of this topic is that the texts of educational handwritten books intended for teaching rhetoric in secular and religious educational institutions of Russia in the 18th century have become the material of scientific analysis. The results obtained shed light on the Latin stage of the formation of Russian rhetoric and can be used for further research in this area.

Keywords: style, elocution, rhetorical canon, eloquence, Russia, 18th century, manuscript, manual, rhetoric, elegance

References (transliterated)

1. Annushkin V. I. Russkaya ritorika: istoricheskii aspekt. M.: Vysshaya shkola, 2003.
2. Nastavleniya po ritorike na primerakh iz latinskikh avtorov... Vologodskaya seminariya. 1764. RGB. Velikoustyuzhskoe sobranie. F. 122, № 14.
3. Praecepta de arte rhetorica ex auctoribus, qui genuinam dicendi rationem attigerunt... Kolomenskaya seminariya. 1761. RGB. F. 173.1, № 357. L. 85-193.
4. Basilevich Manuel. Opus artis oratoriae... Smolenskaya kollegiya. 1756. RGB. F. 733 (Smolen.), № 21.
5. Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus. Kurs lektzii po ritorike, chitannykh v Nizhegorodskoi seminarii. 1766. RGB. F. 312, № 78.
6. Kurilova A. D. Uchenie o stile v traktovke rossiiskikh ritorik XVIII veka na latinskom yazyke // Problemy antichnogo mira i sovremennost': Mezhvuzovskii nauchnyi sbornik.

- Vyp. IV. Almaty, 2013. S. 347-358.
7. Procopovič Feofan. De arte rhetorica libri X // Slavistische Forschungen. Köln; Wien, 1982.
 8. Praecepta oratoria ex antiquis atque recentioribus auctoribus excerpta... Ryazanskaya seminariya. 1759. RGB. F. 194 (K.I. Nevostueva, № 43).
 9. Emporium totius facultatis rhetoricae... Moskovskaya Slavyano-greko-latinskaya akademiya. 1744-1745. RGB. F. 173.1. № 356.
 10. Solopov A. I. Nachala latinskoi stilistiki. M.: Indrik, 2008

Features of stylistic functions of Adverbs on -mente in modern Spanish fiction

Dolzhenkova Victoria

PhD in Philology

Docent, the department of Ibero-Romance Linguistics, M. V. Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, g. Moscow, ul. Leninskie Gory, 1

✉ dolvik@mail.ru

Yakovleva Viktoriya Valentinovna

PhD in Philology

Associated professor, the Spanish language department, MGIMO U MFA Russian Federation

76 Prospekt Vernadskogo str., office 3060, Moscow, 119454, Russia

✉ cosvic@mail.ru

Kudlai Kseniya Sergeevna

Master, the Department of Iberian Romance Linguistics, M. V. Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory str., 1, office 1058

✉ ksenikudlay@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the stylistic functions of Spanish adverbs with the suffix -mente in modern Spanish based on the analysis of corpus contexts of works of Spanish prose of the XXI century. The analysis of functional features was based on the theoretical positions of the authors of domestic and foreign grammars of the Spanish language, works on linguistics. Adverbs with the formant - mente are grammatically multifunctional elements that are polysemantic lexical units that have the ability to acquire additional connotations in collocations with other parts of speech. Stylistic possibilities of adverbial units help to solve such author's tasks as assessment, characterization of characters, achievement of expressiveness of the text and imagery of the narrative. The novelty of the study lies in the fact that for the first time examples from the corpus of the Spanish language of the XXI century were analyzed, the names of the authors of which are well known to the Russian-speaking reader (Carlos Ruiz Safon), or practically unknown at all (Anton Castro, Diego Torron). The result of the study was the conclusion that the formant -mente has not lost its productivity at the current stage of language development and is a characteristic feature of the artistic style of the modern Spanish language. The findings have both scientific significance for theoretical research in the field of morphology of the Spanish language, and practical value for translators of Spanish prose.

Keywords: fiction, connotation, function, lexical meaning, stylistic, grammar, suffix, adverb, style, translation

References (transliterated)

1. Arutyunova N.D. Problemy morfologii i slovoobrazovaniya (na materiale ispanskogo yazyka).-M.:Yazyki slavyanskikh kul'tur,2007.-288s.
2. Vasil'eva-Shvede O.K., Stepanov G.V., Teoreticheskaya grammatika ispanskogo yazyka. Morfologiya. - 2-e izd.,- M.: Vyssh.shkola, 1980.-336s.
3. Denisova A.P. Stilisticheskie funktsii narechii na -mente v sovremennom ispanskom yazyke.- Dis.kand.fil.nauk.- M.: 1985.-235s.
4. Kanonich S.I. Situativno-recheyaya grammatika ispanskogo yazyka. - M., Mezhdunar.otnosheniya, 1979.-208s.
5. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka. - Sankt-Peterburg: Nauka, 1993.- 146.
6. Firsova N.M. Grammaticheskaya stilistika sovremennogo ispanskogo yazyka: imya sushchestvitel'noe. Glagol. 2-e izd.- M.: izd-vo RUDN, 2002. - 352s.
7. Alonso M. Ciencia del lenguaje y arte del estilo. - Madrid, Aguilar, 1971. - 1640.
8. Alonso A., Ureña Henriquez P., Gramática Castellana. - Ed.Losada. Buenos Aires. 1961 - 261.
9. Bello A. Gramática de la lengua castellana.- Madrid, Edelsa, 1988. - 552.
10. Castro A. Golpes de mar. - Barcelona, Ediciones Destino, 2006. - 256.
11. Corpus del español del siglo XXI (CORPES) . [Data obrashcheniya: 10.12.2020].
12. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. - Real Academia Española, Madrid, Espasa Calpe, 5a Ed., 1973. - 592.
13. Martínez Torrón D. Los dioses de la noche. - Madrid, Sial, 2004. - 273.
14. Real Academia Española. Diccionario de la lengua española, 23a Ed. [Data obrashcheniya 08.12.2020].
15. Ruiz Tosa E. Algunas Consideraciones Sobre la Sombra del Viento de Ruiz Safon. < <http://www.ucm.es/info/especulo/numero38/soviento.html>> [Data obrashcheniya: 10.12.2020]
16. Spitzer Leo. Stilstudien, Bd 1-2, M., Hueber. 1928. - 294.
17. Zafon Ruiz C. La Sombra del Viento. - Barcelona, Planeta, 2001. - 400.

The Concept of Honor in Russian and Chinese Linguistic Cultures

Yan Yun'ya

Postgraduate student, RIAMP Department, RUDN

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya street, 6, of. Peoples' Friendship University of Russia

✉ yunya626ya@163.com

Mitrofanova Irina Igorevna

PhD in Sociology

Associate Professor, Department of Russian language and teaching methodology, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya street, 6, of. Peoples' Friendship University of Russia

✉ mitrofanova-ii@rudn.ru

Abstract. This article is devoted to the actual problem of the concept "honor" in the Russian and Chinese linguocultures. The concept "honor" is important both for the Russian and Chinese language picture of the world, and is found in different contexts with different meanings. The concept "honor" is of interest in the studies of Russian and Chinese scientists, it reflects the cognitive perspectives and psychological state of different peoples. The object of the research is the concept "honor", the subject is the concept "honor" in Russian and Chinese linguocultures. The author considers conceptual studies in the Russian and Chinese language pictures of the world. The aim of the research of this work is to fully disclose the concept "honor" in Russian and Chinese linguoculture, as well as to identify national and cultural characteristics of the studied concept, trace the concept of the "honor" with the help of different dictionaries, investigate different concrete and stable expressions of the concept "honor" with similar meaning, including proverbs, sayings and others, analyzing symbolization of the concept "honor" in the mentality of the Russian people. In the process of work were used general scientific methods, inductive, descriptive, comparative, etc. As a result of the study it was possible to find out that the concept is an extremely important subject of study in linguoculturology. From the position of linguoculturology the concept "honor" is a reflection of the external world in human consciousness, which organizes the category of the linguistic picture of the world. Honor as an important concept in the study of linguoculturology, and at the same time one of the main concepts constituting Russian and Chinese national spirit.

Keywords: phraseology, proverbs, proverb, lexeme, vocabulary, linguoculture, honor, concept, language picture of the world, linguoculturology

References (transliterated)

1. BKRS [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://dabkrs.com/>. – Data dostupa: 28.11.2022.
2. Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoi paradigmy v yazykoznanii[M]. M.: 2001.
3. Goncharova. N.N. Kontsept-osnovnaya edinit'sya yazykovykh kartin mira. Filologiya. // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 2013.225.
4. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs[M]. M.: Gnozis, 2004.
5. Kolesov V.V. «Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste» Monografiya// M.: Izd-vo RGB, 2009.
6. Laovai.ru [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://laovai.ru/kult-lica-v-kitae/>. – Data dostupa: 09.01.2023.
7. Likhachev D.S. Kontseptosfera russkogo yazyka[M]. Antologiya. M.: Akademiya, 1997: 282, 320.
8. Mokienko V. M. Sovremennaya frazeologiya (lingvisticheskii aspekt)// Mir russkogo slova.-№ 3, 2010.-S. 6-20.
9. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury[M]. M.: 1997. S.41-43.
10. Russkii assotsiativnyi slovar' [Elektronnyi resurs]. – Rezhim

- dostupa: <http://thesaurus.ru/dict/> – Data dostupa: 05.12.2022.
11. Russkii assotsiativnyi slovar' [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://thesaurus.ru/dict/> – Data dostupa: 05.12.2022.
 12. Frazelogizmy s «chest'» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://burido.ru/1540-frazelogizmy-s-chest?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.com%2F. – Data dostupa: 28.11.2022.
 13. Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sinonim.org/s/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C> – Data dostupa: 28.11.2022.
 14. Ideograficheskii slovar' russkogo yazyka. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://rus-ideographic-dict.slovaronline.com/> – Data dostupa: 05.12.2022.
 15. Frazelogizmy s «chest'» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://burido.ru/1540-frazelogizmy-s-chest> – Data dostupa: 05.12.2022.
 16. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/77090/%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C> – Data dostupa: 08.01.2023.
 17. [Elektronnyi resurs]. – <https://www.cnfla.com/yanyu/487785.html> – Data dostupa: 08.01.2023.
 18. [Elektronnyi resurs]. – <https://www.folklor.ru/2016/04/poslovice-pogovorki-chest-dostoinstvo.html> – Data dostupa: 08.01.2023.
 19. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://memepedia.ru/about-memes/> – Data dostupa: 28.11.2022.
 20. [Elektronnyi resurs]. – <http://www.jiaoyuz.com/wenhua/25635.html> – Data dostupa: 08.01.2023.
 21. [Elektronnyi resurs]. <https://www.yulucn.com/question/484519424> – Data dostupa: 09.01.2023.
 22. [Elektronnyi resurs]. <http://www.9jiaoyu.com/wenhua/24412.html> – Data dostupa: 09.01.2023.
 23. 现代汉语词典 – «Slovar' sovremennogo kitaiskogo yazyka» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://cidian.bmcx.com/>. – Data dostupa: 01.12.2022.
 24. 汉语大辞典 – «Bol'shoi slovar' kitaiskogo yazyka» [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://bajiu.cn/zidian/?id=2200/>. – Data dostupa: 06.12.2022.
 25. 刘宏. 俄语语言与文化: 理论与实践[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2012.
 26. 刘娟. Kontsept及其概念意义探究[J]. 外语学刊, 2007(5): 102-105.
 27. 刘娟. 语言学视角下的概念分析[J]. 外语研究, 2008(6): 51-56.
 28. 姜雅明. 对Kontsept的解读与分析[J]. 中国俄语教学, 2007(1): 8-13.
 29. 刘宏. 俄语语言与文化: 理论与实践[M]. 北京: 外语教学与研究出版社, 2012.
 30. 赵爱国. 语言文化学论纲[M]. 黑龙江: 黑龙江人民出版社, 2006.
 31. 赵爱国. 当代俄罗斯人类中心范式语言学理论研究[M]. 北京: 北京大学出版社, 2015

La Rochefoucauld's "Maxims" in the Literary and linguistic context of the Epoch

Litnevskaia Olga

PhD student, Departement of French Linguistics, Lomonosov Moscow State University

119192, Russia, Moscow, Lomonosovsky Prospekt str., 27 k. 7

Abstract. The subject of the study is "Maxims and moral reflections" by Francois IV de La Rochefoucauld — a collection of aphorisms, first published in 1665 and became one of the most significant works of French classical literature of the XVII century. The question of the originality of this work, as well as its place in the literary tradition of the era, remains, nevertheless, open. The purpose of this article is an attempt to synthesize existing points of view on the originality of "Maxim". The method of research is the lexical and stylistic analysis of the collection and its correlation with the traditions of the era, as well as the requirements for form and content imposed on classical works.

A special contribution of the author to the study of the topic is the appeal to a wide range of works and the multidimensional nature of the study of the issue. Although many researchers still turn to the history of the genre and the historical context to find sources that influenced the content of the collection, quite little remains said about the language design of "Maxim" and their relationship with the normative works of the era. In the course of this analysis, we have established that, although the "Maxims" correspond to the canons of a classic work, they are the result of a complex synthesis of a wide range of phenomena. Their writing was influenced by the historical context, beliefs and habits of the French secular elite, the literary tradition of the previous era and the philosophical works of the author's contemporaries. Thus, we come to the conclusion that La Rochefoucauld's specific vision of the world, which in some aspects does not correspond to the generally accepted worldview of the era, is more than a tribute to fashion or a simple imitation.

Keywords: La Rochefoucauld, Maxims, French Literature, Classicism, Linguistics, Genetic Analysis, Semantic Analysis, Stylistic Analysis, Port-Royal Grammar, Art of Poetry

References (transliterated)

1. Martem'yanov Yu. S., Dorofeev G. V. Opyt terminologizatsii obshcheliteraturnoi leksiki (O mire tshcheslaviya po F. de Laroshfuko) // M.: Voprosy kibernetiki, 1983. C. 38–103.
2. Razumovskaya M. V. F. de Laroshfuko, avtor «Maksim»: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk / L., 1964. 16 s.
3. Razumovskaya M. V. Laroshfuko, avtor «Maksim»: dis. ... kand. fil. nauk / L., 1971. 134 s.
4. Strel'tsova G. Ya. Paskal' i evropeiskaya kul'tura, M.: Respublika, 1994. 495 s.
5. Alain M. La Rochefoucauld : le duc rebelle. Versailles: Le Croît Vif, 2007. 375 p.
6. Arnauld A., Lancelot C. Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal. Genève: Slatkine Reprints, 1968. 408 p.
7. Badiou-Monferran C. Syntaxe d'expressivité et ordre des mots dans les Maximes de La Rochefoucauld // Faits de langue et sens des textes. Paris: SEDES, 1998. P. 131-152.
8. Baker S. R. Collaboration et originalité chez La Rochefoucauld. Gainesville: Florida University Press, 1980. 135 p.
9. Chariatte I. La Rochefoucauld et la culture mondaine. Paris: Classiques Garnier, 2011. 322 p.
10. Costentin C. L'ordre des mots dans la genèse des Maximes de La Rochefoucauld. Y a-t-il une téléologie possible des variations du corpus ? // L'Ordre des mots à la lecture des textes. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 2019. P. 209-223. doi: 10.4000/books.pul.2430
11. Delft van L. Le Moraliste Classique — Essai de définition et de typologie. Suisse:

- Librairie Droz S. A., 1982. 405 p.
12. Descartes R. Discours de la méthode. Paris: Librairie Ch. Poussielgue, 1896. 153 p.
 13. Ehrhard L. Sources historiques des «Maximes» de La Rochefoucauld. Strasbourg, 1891. 74 p.
 14. Gardes-Tamine J. La stylistique. Paris: Armand Colin, 1992. 191 p.
 15. Goyet F. Raison et sublime chez Boileau. Toulouse: Presses Universitaires du Mirail, 2007. P. 139-160.
 16. Grubbs H. La genèse des «Maximes» de La Rochefoucauld // Revue d'Histoire littéraire de la France, 1933. N 1 (40). P. 17-37.
 17. Lafuma L. Post-scriptum au Discours sur les passions de l'amour // Revue des sciences humaines, 1953. P. 275-278.
 18. La Rochefoucauld F. de. Réflexions ou sentences et maximes morales. Ed. Laurence Plazenet. Paris: Champion, 2005. 999 p.
 19. Liebich C. R. La Rochefoucauld, Mme. de Sablé et Jacques Esprit. Les Maximes : de l'inspiration commune à la création personnelle. Montréal, 1982.
 20. Magne É. Madame de la Suze. Michigan: University of Michigan Library, 1908. 352 p.
 21. Mildred G.-S. Le mérite chez La Rochefoucauld ou l'héroïsme de l'honnêteté // Revue d'histoire littéraire de la France, 102, 2002. P. 799-811. doi: <https://doi.org/10.3917/rhlf.025.0799>
 22. Montandon A. Les Formes. Paris: Hachette, 1992. 176 p.
 23. Souvré Madeleine de, Sablé M. de S. Maximes De l'amitié. Editions du Livre unique, 2009. 42 p.
 24. Tourrette É. La métamorphose dans les Maximes de La Rochefoucauld // XVIIe siècle : bulletin de la Société d'étude du XVIIe siècle, 2015. P. 281-306. doi: <https://doi.org/10.3917/dss.152.0281>
 25. Turcat E. Les ambivalences du silence : Les Maximes de La Rochefoucauld par quatre chemins. Madison: University of Wisconsin-Madison, 2012. 272 p.
 26. Vignes J. Le dictionnaire du littéraire. Paris: Presses Universitaires de France, 2002. 848 p.

The Wind Motif in the Language of M.Y. Lermontov's Works

Li Xilian

PhD in Philology

Postgraduate, Department of Russian language, faculty of Philology, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov

119991, Russia, Moscow region, Moscow, Leninskie Gory str., 1, 1

✉ lixilian527@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the motivic analysis of literature. The object of the study is the linguistic means reflecting the components of the wind in literature, and their identification in Lermontov's texts. The subject of the study is the most significant works of Lermontov in the 1831-1841s, including words with the semantic component 'wind'. The scientific novelty of the work lies in the fact that it attempts to identify the linguistic means of implementing the wind motif in M.Y. Lermontov's poetic and prose texts. The purpose of this work is to determine the artistic role of these words and identify their stylistic features. To achieve this goal, the continuous sampling method, the method of classification, analysis

and generalization are used in the course of the work. Thus, the presented material allows us to conclude that motivic analysis is especially promising when studying Lermontov's work. The motif of the wind performs an important symbolic function in his works: the wind is not only the movement of the air, but also a symbol of freedom, will, happiness, life's adversities and emotional experiences. Russian literature results can be used in the process of learning the language of Russian fiction, including the work of M.Y. Lermontov, they are also important for mastering the vocabulary of the Russian language.

Keywords: personification, prose, poetry, language of fiction, Lermontov, semantic component, image, motif, wind, metaphor

References (transliterated)

1. Segal N.A. Kontsept veter v russkoyazychnykh mediatekstakh / N.A. Segal, A.Ya. Martynyuk // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2017. № 5. S. 51-57.
2. Epshtein M.N. «Priroda, mir, tainik vselennoi...»: Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii. M.: Vysshaya shkola, 1990. 303 s.
3. Oskolkova N.V. Osobennosti struktury esteticheskogo polya denotativnogo klassa «veter» (na materiale russkoi poezii XVIII-XX vv.): dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Severodvinsk, 2004. 204 s.
4. Shchemeleva L.M. Motivy // Lermontovskaya entsiklopediya / Akademiya nauk SSSR. Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom); gl. red. V.A. Manuilov. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1981. 746 s.
5. Malyi akademicheskii slovar' Evgen'evoi A.P. (MAS). URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/> (data obrashcheniya: 20.01.2023).
6. Etimologicheskii onlain-slovar' russkogo yazyka Shanskogo N.M. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/> (data obrashcheniya: 20.01.2023).
7. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (data obrashcheniya: 20.01.2023).
8. Lermontov M.Yu. Sobranie sochinenii: V 4 t. / AN SSSR. In-t rus. literatury (Pushkin. dom); red. kollegiya: V.A. Manuilov (otv. red.), V.E. Vatsuro, T. P. Golovanova, L.N. Nazarova, I.S. Chistova. L.: Nauka. Leningradskoe otделение, 1979-1981.
9. Lekant P.A. Metafora i simvol v poeticheskom yazyke M.Yu. Lermontova // Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika Kreativna. 2014. № 1. S. 198-204.
10. M.Yu. Lermontov. Geroi nashego vremeni. M.: Eksmo, 2022. 320 s.

Conceptualization of Nature in Chinese and Russian Folklore Tales

Li Hui

PhD in Philology

Postgraduate student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages of the Institute, Peoples' Friendship University of Russia

117198, Russia, Moscow, mikhukho-Maklaya str., 21k3, 1405

✉ hyerilihui@gmail.com

Abstract. The purpose of the study is to analyze nature as a basic linguistic and cultural concept in Chinese and Russian folklore tales, to identify common and different in its verbalization and perception in folklore tales of two linguistic cultures. The object of the study is Russian and Chinese folklore fairy tales. The subject is a comparative analysis of linguistic means of conceptualizing nature in Russian and Chinese fairy tales. The author examines the descriptions of nature in Chinese and Russian folk tales, the relationship of the heroes of fairy tales with nature. Particular attention is paid to the linguo-axiological aspect of nature and the identification of differences in the linguistic representation of nature and attitudes towards it in the two linguistic cultures. The scientific novelty of the work is due to the lack of research on the concept of nature in a comparative aspect in Chinese and Russian linguistic cultures. As a result, it was found that in Chinese and Russian folklore tales nature is described as a basic value – a source of kindness and harmony. The author comes to the conclusion that the main differences in the conceptualization of nature in Chinese and Russian folklore tales are in the expression of the idea of fighting nature. The heroes of Chinese fairy tales resist the challenges of nature, while Russian fairy-tale characters use nature as a source of magical powers, with the help of which they subsequently achieve success.

Keywords: fairy tale, verbalization, Russia, linguocultural concept, conceptualization, value, China, linguistic culture, folklore, nature

References (transliterated)

1. Zhirmunskii V.M. K voprosu o mezhdunarodnykh skazochnykh syuzhetakh // Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i zapad. L.: Nauka, 1979. S. 336-343.
2. Medrish D.N. Literatura i fol'klornaya traditsiya. Voprosy poetiki. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1980. 296 s.
3. Meletinskii E.M. O literaturnykh arkhetipakh. M.: RGGU, 1994. 136 s.
4. Novik E.S. Sistema personazhei russkoi volshebnoi skazki // Struktura volshebnoi skazki. M.: RGGU, 2001. S. 122-162.
5. Pavlyutenkova I.V. Skazka: filosofsko-kul'turologicheskii analiz. Dis. ... kand. filos. nauk. Rostov-na-Donu, 2003. 135 s.
6. Propp V.Ya. Morfologiya skazki. L.: Academia, 1928. 152 c.
7. Salinz M. Ekonomika kamennogo veka. M.: OGI, 1999. 296 s.
8. Vernadskii, V. I. Trudy po istorii nauki v Rossii / V.I. Vernadskii.-M.: Nauka, 1988.-468 c.
9. Shustov M.P. Skazochnaya traditsiya v russkoi literature XIX veka. Dis. ... d-ra filol. nauk. Nizhnii Novgorod, 2003. 473 s.
10. Epoeva L.V. Lingvokul'turologicheskie i kognitivnye aspekty izucheniya yazyka volshebnoi skazki: na materiale angliiskogo i russkogo yazykov. Dis. ... kand. filol.nauk. Krasnodar, 2007. 147 s.
11. 中国古代神话故事全集, M: 金华出版社, 2004, s. 33-59 (Polnoe sobranie sochinenii drevnekitaiskikh mifov i skazanii, M: Izdatel'stvo Tszin'khua, 2004, s. 33-59)
12. 周作人,《古童话释义》1989, s. 126-130 (Chzhou Zuoren, Tolkovanie drevnikh skazok, 1989, s. 126-130.)
13. 赵景深,《童话学ABC》1990, s. 89-97 (ChzhaoTszinshen', Skazki ABC, 1990, s. 89-97.)
14. 韦苇,《世界童话史》2015, s. 53-58 (VeiVei, Istoriya skazok v mire, 2015, s. 53-58)
15. 董斯张,《广博物志》M:上海古籍出版社, 1992, c. 66-69 (DonSichzhan, "GuanboVuchzhi" M.: Shankhaiskoeizdatel'stvodrevnikhknig, 1992, s. 66-69)

Music in the Lyrics of A.N. Apukhtin

Yukhnova Irina Sergeevna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian Literature, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

603950, Russia, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, pr. Gagarina, 23

✉ yuhnova1@mail.ru

Abstract. The article examines the theme of music and features of the use of musical imagery in Alexei Apukhtin's poetry. The object of the research are "poems for occasion", friendly messages and dedications for musicians-friends as well as poems "Barrel organ", "Life", "Fate". To Beethoven's Symphony No.5 author gives historical-cultural comments on Apukhtin's works, analyses their ideological and artistic meaning and form. The author pays special attention to analysing the biographical context, summarising the information on the poet's friendly contacts with composers and musicians, on Apukhtin's perception of music, understanding of his aesthetic position. The other direction of the research is the analysis of the works, in which music is used as a basis for an allegorical depiction of the life path. The novelty of the research lies in the systematic consideration of the theme of music in Apukhtin's works. The article analyses in detail the works addressed to Petr Tchaikovsky, a friend of Apukhtin, demonstrates how their intonation and mood change from irony to sadness. These poems not only reflect the stages of the friendly relations between the poet and the composer, but give an assessment of their own creative destiny. The article reveals the polemical plan of the poem "A Singer in the Camp of Russian Composers" shows what innovations in contemporary opera Apukhtin rejects. The study pays particular attention to poems, the plot of which the poet bases on the very process of perceiving music when trying to find a verbal equivalent to a musical text.

Keywords: the writer's worldview, musical ekphrasis, Russian opera, Mighty bunch, Russian poetry, Petr Tchaikovsky, barrel organ, music, Alexei Apukhtin, the theme of fate

References (transliterated)

1. Apukhtin A.N. Polnoe sobranie stikhotvorenii. SPb.: Izd-vo «Sovetskii pisatel'», Leningradskoe otd-e, 1991. 448 s.
2. Baevskii V.S. Istoriya russkoi poezii. Smolensk: Rusich, 1994. 304 s.
3. Kovarskii N.A. A.N. Apukhtin // Apukhtin A.N. Stikhotvoreniya. M.: Sovetskii pisatel', 1961. S. 5-53.
4. Novye materialy ob A. N. Apukhtine iz arkhiva A. V. Zhirkevicha (publikatsiya N.G. Podlesskikh-Zhirkevich, primechaniya S.V. Sapozhkova i N.G. Podlesskikh-Zhirkevich) // Russkaya literatura. 1998. № 4. S. 123-157.
5. Gukovskii G.A. Pushkin i russkie romantiki. M: Intrada, 1995. 320 s.
6. Ermakova S. S., Navasardyan R. G. O nekotorykh chertakh muzykal'no-istoricheskogo fenomena «moguchaya kuchka» // Nauchnoe soobshchestvo studentov: problemy khudozhestvennogo i muzykal'nogo obrazovaniya. Vyp. V. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. I.Ya. Yakovleva, 2020. S. 89-94.
7. Keldysh Yu. V. Moguchaya kuchka // Muzykal'naya entsiklopediya. Tom 3. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1976. S. 619-621.

8. Spachil' O. V. Poeticheskaya metafora "zvuk lopnuvshei struny" (A.N. Apukhtin i A.P. Chekhov) // Khudozhestvennaya literatura kak kul'turnyi ansambl'. Moskva: Izdatel'stvo «Pero», 2016. S. 164-174.
9. Sorokina S.P. Sharmanka i sharmanshchiki v russkoi literature 1840-kh gg // Studia Litterarum. 2021. T. 6. № 1. S. 206-227. DOI 10.22455/2500-4247-2021-6-1-206-227.
10. Alpatov S. V. «Katerina-sharmanka»: imya – veshch' – znak // Kul'tura slavyan i kul'tura evreev: dialog, skhodstva, razlichiya. 2019. № 2019. S. 157-168. DOI 10.31168/2658-3356.2019.10.
11. Kuznetsova E. R. Muzykal'nyi element kak osobennost' syuzhetostroeniya v russkoi liricheskoi poezii XIX-KhKh vv. (A. N. Apukhtin, Ya. P. Polonskii, A. A. Fet, N. S. Gumilev, G. V. Ivanov, evolyutsiya muzykal'nosti). Samara, 1999. 193 s.
12. Korovin V.I. Russkaya poeziya XIX veka. M.: ROST, 1997. 252 s.
13. Makhov A.E. Muzyka i muzykal'noe v dukhovnoi kul'ture nemetskogo romantizma // Istoriya nemetskoi literatury: novoe i noveishee vremya. Moskva: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2014. S. 380-392.